

Игорь Озеров

КамТугеза

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Игорь Озеров

КамТугеза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67026968

SelfPub; 2022

Аннотация

Этот роман – попытка предсказать, что может произойти со страной в ближайшее время. Действие романа происходит у камчатских вулканов и на берегу Белого моря, в центре Москвы и в новых районах-муравейниках... Сюжет – наша сегодняшняя реальность. Справедливое недовольство людей различными властными структурами хотят использовать в собственных целях. Кто за этим стоит? Какие цели преследуют эти люди? Все персонажи: от членов правительства до дворовых гопников, от олигархов до бедных художников – вымышленные. Но в них легко можно узнать своих соседей и людей «из телевизора». Описываемые события никогда не происходили, но, к сожалению, вполне могут произойти. Содержит нецензурную брань.

Игорь Озеров

КамТугеза

Пролог

В конце мая, когда медведица вышла из берлоги, еду можно было найти только у гейзеров или в кальдере. Там был свой микроклимат: гораздо теплее и уже появилась трава. Поэтому у нее с медвежатами выбора не было. Но в это время года туда шли все голодные, только что проснувшиеся медведи заповедника, и поэтому жизнь двух ее медвежат-сеголеток, родившихся этой зимой в берлоге, была под угрозой. Ошалевшие после спячки медведи жадно смотрели на ее детенышей. Корни растений, кора деревьев и прошлогодние ягоды почти не насыщали. Только страх неизбежной схватки с разъяренной матерью, удерживал их от каннибализма.

Вот поэтому через месяц медведица, чуть окрепнув, решила поискать более спокойное место. Несмотря на календарное лето, в предгорьях было еще много снега и мало корма. Так что медведица пошла к морю. За ней к морю пошел человек.

Этим человеком был Родион Васнецов. Три дня назад ему исполнилось тридцать. Он встретил свой день рождения здесь, в заповеднике, потому что был режиссером-документалистом, а медведица с медвежатами были главными геро-

ями его фильма. Родиону не просто нравилась его работа, он был фанатиком. Чуть ли не на следующий день после окончания института кинематографии он уехал на Белое море, где устроился на работу в рыболовецкий колхоз в устье Мезени.

Больше года он ловил навагу, сельдь и треску. Научился пить спирт, перебирать замершими пальцами двигатель прямо в открытом море, латать старые сети. А главное, он сделал свой первый фильм «Поморское счастье».

Фильм получился, принес ему известность в кинематографических кругах и даже немного денег.

Год жизни на Севере изменил его. Из московского романтического и интеллигентного юноши он превратился в самоуверенного, целеустремленного, немного циничного и очень привлекательного мужчину. Это обернулось скорым браком на одной из поклонниц. Из-за него пришлось поменять все планы, отменить долгие командировки и осесть в Москве. Жизнь в Москве требовала денег. И Родион много работал. В основном это была реклама и заказные фильмы для разных политиков перед выборами. После жизни на Севере теперь каждый день был как праздник. Клубы, путешествия по теплым странам, бесконечная смена красивых лиц – пять лет пролетели как один.

И как-то утром, бреясь перед зеркалом, Родион вспомнил, что в этом году у него юбилей – тридцать лет. А сделан только один хороший фильм. Это было как шок. Он вышел на

балкон, и пока жена что-то делала на кухне, по телефону отказался от всех контрактов, пообещав выплатить предъявленные неустойки. В комнату он вернулся свободным безработным режиссером с испорченной репутацией. Жена тоже недолго думала.

– Женщина, прежде всего будущая мать. Ей деньги и подарки нужны не только для того, чтобы перед подругами хвастаться, а чтобы понимать, что её избранник способен обеспечить потомство. И для неё неважно, каким способом он это делает. Ей нужны гарантии, – собирая вещи, учила его жена. – Порядочность не оплачивается, поэтому ее могут позволить себе или очень богатые, или юродивые, а вот непорядочность вознаграждается очень хорошо. Женщина – это мать, – повторила она, – и она, как кошка: где лучше кормят, там и дом.

Через две недели он вылетел на Камчатку. Сопки, вулканы, уходящие в облака снежными вершинами, горные озера, реки с водопадами, горячие гейзеры, горбатые киты в лагуне, окруженной скалами, ушастые тюлени на берегу, белоплечие орланы в бездонном голубом небе – все было необычно и фантастически красиво. «Наверное, таким и был задуман мир тем, кто его сотворил», – подумал Родион. Он знал, что в августе к этому великолепию добавится нерест лосося. Каждый ручей, каждая река заполнится до краев кишашей горбушей и неркой, которая вернется из океана на свою родину, чтобы оставить потомство именно там, где родилась

сама. И в это же время, десятки, а может, сотни медведей устроят долгожданную охоту на этого лосося. Охоту, переходящую в пиршество. Все это было красиво. И именно медведей он решил сделать основными персонажами нового фильма. Осталось найти главного героя.

Родион написал кучу писем, и всеми правдами и неправдами устроился в заповедник помощником егеря, чтобы иметь полную самостоятельность. Уже в вертолете из Петропавловска, глядя в иллюминатор, он отчетливо почувствовал, что Москва и вся его предыдущая жизнь осталась где-то в другом измерении. Две недели он проходил инструктаж. Потом, получив старые затертые карты и ижевскую двустволку 12-го калибра, вышел на маршрут.

– Стреляй только в крайнем случае, – напутствовал егерь. – Потому что, если сразу не убьешь, то тебе конец. Куда стрелять знаешь? Ну, дай бог, пронесет. Главное, не вмешивайся. Звери легко идут на контакт, но ты им нянькой всегда быть не сможешь. Из приученных медведей хорошо получаются медведи-убийцы. Зверь остается зверем. Когда ты ему что-то даешь, он это воспринимает не как твою доброту, а как свою добычу. И если ты вдруг перестанешь давать, он будет забирать сам. Иногда вместе с чьей-то жизнью. Ты уедешь, а нам тут жить. Не вмешивайся – это главное. Понял? Ну и отлично. Не вмешивайся. Удачи!

Вертолет за двадцать минут закинул его к домику вулканологов в кальдере. Это была огромная котловина, кило-

метров десять в диаметре, в центре которой дремал вулкан. От остального мира она была окружена высоким гребнем. Вулкан хоть и был спящим, но, похоже, спал очень настороженно. То там, то здесь из земли вырывались кипящие фонтаны. В непрерывно булькающих грязевых озерах и лужах образовывались и лопались большие пузыри, распространяя запах сероводорода. И было бы неудивительно, если бы из-за ближайшей скалы появился какой-нибудь динозавр.

Домик вулканологов, где он решил временно остановиться, был маленьким, сколоченным из некрашенных и уже почерневших досок. Зато рядом, ближе к озеру, была хорошая баня. Озеро так и называлось – Банное. Вода в нем не опускалась ниже сорока градусов.

– Ну что, сто грамм за встречу? – предложил Родион, разложив вещи и познакомившись с единственным жителем домика: молчаливым мужиком лет пятидесяти, который много лет жил здесь, исследуя окрестные вулканы.

– У нас по сто грамм не пьют, – как-то обреченно сказал Степан Семенович, хозяин дома.

В дирекции заповедника Родиону рассказали, что институт, от которого приехал сюда ученый, давно закрылся, и свои исследования он проводит непонятно на какие средства и непонятно для кого.

– Давайте по двести – я только «за»! – бодро согласился Родион.

– И по двести не пьют.

– А по сколько же пьют? – Родион перестал резать привезенную им колбасу и посмотрел с удивлением на сидящего за столом и разбирающего бумаги ученого.

– А по неделе, бывает и по две... – грустно вздыхая, очень тихо ответил Степан Степанович.

– Ну, я так не могу, – засмеялся Родион. – Мне надо работать.

– А работа не волк – никуда не убежит. Бог даст, сделаешь, а не даст, хоть разбейся... А может и не нужна никому твоя работа. Я вот мечтал научиться предсказывать извержения вулканов, всю жизнь потратил... Но не дал бог. Значит не нужно это людям знать.

– А вы верующий ученый? – спросил Родион.

– Верующий? – как будто спрашивая сам себя, ученый задумался. Он подошел к маленькому окошку. – Это там, в городе, где дома-термитники, автомобили, интернет – человеку кажется, что он гомо разумный, а здесь чуть по-другому. Идешь по горному кряжу – вулканы совсем рядом, рукой можно дотянуться... вершины облака протыкают... внизу озеро изумрудное. Или ночью отойдешь от костра по нужде, голову поднимаешь, а там... звезды. И понимаешь, что ты не важнее муравья в этом мире и знаний у тебя не больше, чем у него... а вот амбиций... да.

– И что же, по-вашему, бог все это создал? – Родион не ожидал такой беседы и был явно удивлен.

– Да нам с нашими куцыми мозгами сил бы хватило со

своими планами на пару дней вперед разобраться, а не с тем, кто что создал, – Степан Степанович сел за стол. Взял рюмку. Провел по ее краю своим узловатым пальцем, зачем-то дунул в нее. – Ты наливай уже. Что застыл?! – протянул он рюмку Родиону.

– Ну, у человека, в отличие от муравья, есть возможность разобраться или попытаться хотя бы... Ведь дал ему кто-то полтора килограмма мозга, – попробовал поспорить Родион.

– Ну разбирайся, если есть желание, – легко согласился ученый.

Бутылка, которую привез Родион, кончилась очень быстро. А Степан Степанович, видно, только разогрелся.

– За второй здесь не сбегает, – как бы извиняясь, сказал Родион, разливая последние капли по двум стаканам.

– Да у меня есть немного, – улыбнулся хозяин и достал из шкафа белую пятилитровую пластиковую канистру. – Спирт. Пробовал когда-нибудь?

– Пробовал. Я рыбаком работал на Белом море.

– Вот как?! – удивился Степан Степанович. – А сюда надолго планируешь?

– До зимы, – коротко ответил Родион.

– Я вот тоже... тридцать лет назад «до зимы». А вон как вышло. Мы планируем, мечтаем, а вся наша судьба где-то в больших книгах давно решена и записана. А вся наша свобода выбора – это иллюзия.

– Я так не думаю. И, пожалуй, от продолжения воздер-

жусь. Напугали вы меня своими двумя неделями, – Родион решил вежливо отказаться от намечающегося запоя. – У меня съемочный план расписан. Пойду я лучше в ваше знаменитое озеро нырну. Говорят, есть такая традиция.

– Ну, сходи, – пожав плечами, согласился ученый. – Я пить не заставляю. Сам говоришь, что за второй здесь не сходишь. Мне больше достанется.

Родион понял, что разговор про неделю-две был вполне серьезен.

– Ты только Катю не спугни, – напутствовал сильно захмелевший ученый.

– Какую Катю?

– Увидишь.

От домика шли деревянные мостки к Банному озеру. Бросив полотенце на плечо, он шел, любясь закатом и неожиданно, почти нос к носу, столкнулся с молодой медведицей. К ее лапам прижимались два медвежонка. Родион летел к медведям, но встреча произошла так внезапно, что он даже не успел испугаться. Не зная почему, но он чувствовал, что медведица не опасна.

Он смотрел на медвежат, выглядывающих из-за мощных лап матери и еле сдерживал улыбку. Они смотрели на него исподлобья с любопытством и настороженностью. Не двигаясь с места, медведица вытянула шею и шумно втянула в себя воздух. Родион сделал несколько шагов назад и, стараясь не смотреть в глаза медведицы, осторожно сошел с мост-

ков, отступив в сторону и освобождая дорогу. Но медведица не пошла вперед. Она тоже спустилась с мостков, только на другую сторону. Негромко рывкнула на зазевавшихся медвежат и ушла в стелющийся кедровник. Родион вернулся к мосткам и сел на доски. Он понял, что главных героев фильма нашел.

Месяц прошел в конфетно-цветочных ухаживаниях. В нарушение всех инструкций, он скормил медвежатам несколько припасенных банок сгущенки, оставляя их открытыми на том склоне у ручья, где паслось семейство. Близко он больше не подходил, чтобы не нервировать зверя. Но Родион был уверен, что медведица, обладающая чутким нюхом, знала, что он недалеко. И, скорее всего, догадывалась от кого сгущенка.

Родион не спешил и почти не снимал. Медвежата были разные и легко узнаваемы. Каждый со своим темпераментом и характером. Мальчик был более самостоятельным и любознательным. Он постоянно, то расковыривал трухлявые пни, то что-то искал в ручье, то пытался поймать мышь, выкапывая ее из норы. А девочка почти не отходила от матери, как на поводке следуя у ее задней лапы. Но иногда, когда медвежонку надоедало исследовать окружающий мир, он начинал активно приставать к сестре, хватая ее зубами за хвост. Она сначала пряталась от него за матерью, но потом заражалась его энергией. Они схватывались в борьбе и так увлеченно, что иногда оба кубарем скатывались в ручей.

Целыми днями Родион находился около медвежьей семьи. И однажды, когда он сидел на камне и снимал детскую возню, медвежата, как бы случайно играя, приблизились к нему так близко, что он, если бы захотел, смог бы дотянуться рукой и погладить их. Они делали вид, что не замечают его. Родион посмотрел на медведицу – она продолжала спокойно пастись. В этот момент он почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Медведица ушла из кальдеры пятнадцатого июня. В этот день утром прилетал вертолет, и Родион задержался, разгружая продукты и солярку для генератора. Когда он пришел на склон, медведицы не было. Вместо неё он увидел чужого огромного самца, который пасся на этом месте. Не зная, что предпринять, он быстро вернулся на базу. Вертолетчик еще не улетел, задержавшись на обед с вулканологом. Выслушав Родиона, он рассказал, что когда летел сюда, видел на перевале медведицу с двумя медвежатами.

– Не знаю, твоя это или нет, а шли они в сторону океана. Некуда им больше. Так что догоняй.

И Родион догнал. Сразу за перевалом начиналась едва заметная тропинка. Она шла к океану свинцовый блеск которого был виден вдалеке, когда дорога поднималась на очередной гребень. В низинах и на северных склонах было еще много снега. Снег с гор наползал и на берег реки, когда она вытекала из глубокого каньона на ровное место.

Идти по снегу можно было только утром, когда был твер-

дый наст. А потом наст становился рыхлым, и Родион проваливался, чуть ли не по пояс. Видимо у медведей была такая же проблема. И поэтому они не терялись надолго. Их следы отчетливо были видны и на снегу, и на красно-бурых склонах. Почему-то Родион перестал бояться потерять их на этом переходе. В принципе и свернуть было некуда: они шли по ложбине вдоль реки.

Посмотрев карту, он увидел, что там, где тропинка и река выходят к морю, есть небольшая избушка. Родион очень надеялся и верил, что медведи придут туда. Невольно он начал верить в судьбу. Две ночи перехода он провел в спальном мешке у костра. В первую ночь он слышал медвежье ворчание. Родион знал, что здесь несколько лет назад был убит медведями местный егерь и японский фотограф. Когда он вспоминал об этом, было страшно. Поэтому старался больше времени думать о фильме.

Половина видимого пространства была покрыта черным вулканическим пеплом, изредка покрытого снегом и кое-где зелеными пятнами кедрового стланика, в котором он и увидел, как ему показалось, того же самого огромного самца, который был на склоне у домика вулканолога. «Этот что здесь делает? Неужели идет за нами?» Он повел биноклем дальше. Вот ледник, по которому Родион шел два часа назад. Потом ложбина, почти засыпанная огромными камнями. И здесь, в этой, казалось бы, непроходимой расселине, среди больших серых камней он увидел свою медведицу. Он опять по-

вернул бинокль назад. Медведь-самец стоял на гребне и, похоже, выбирал куда идти. «Поворачивай назад. Возвращайся. Что ты за нами увязался?!» – бормотал Родион.

И в этот момент он вдруг остутился и, с трудом удерживая равновесие, то скользя, то перебегая, часто-часто сменяя ногами, помчался вниз. Под черным вулканическим пеплом прятался многолетний ледник. Уклон был небольшим, но лед под ногами и огромный рюкзак не давали возможности остановиться. Единственным вариантом затормозить такой спуск, было падение. Родион как можно осторожнее упал на правый бок, стараясь рюкзаком смягчить удар. Ему удалось избежать переворотов и, пропахав по склону несколько метров, он остановился. И только потом вспомнил про камеру в рюкзаке.

Через два часа он добрался до избушки. Точнее небольшого сарая из фанеры, обитого черным рубероидом. Эти маленькие, но очень необходимые пристанища, построил тот егерь, который потом погиб от лап медведя. Единственное маленькое окошко было выломано. Наверное, еще осенью сюда забирался медведь в надежде чем-нибудь поживиться.

Главное, что в этом домике была хорошая печка. И была солярка для генератора, а значит и электричество. Без него он бы не смог зарядить аккумуляторы на камерах. Родион опять вспомнил о камере, которая была в рюкзаке. Открывать рюкзак было страшно. И он начал с окна. В одной половине его стекло не разбилось, а вторую он заклеил найден-

ным скотчем и целлофаном. Потом он разжег печку и домик ожил. И только после этого развязал рюкзак. Вынув камеру из пластикового бокса, он нажал кнопку включения. Никакой реакции. Поменял аккумулятор. Тот же результат. Была вторая камера. Похуже. На нее можно было что-то снять. Но для серьезного фильма такое качество не подойдет. Все равно придется лететь в Москву.

Рядом с домом был высокий помост. Лестница была прикреплена к соседнему дереву. На помосте в ржавой бочке хранилась еда.

Когда он вечером сидел на крыльце и смотрел на океан, мимо на склоне горы прошла медведица. Ему показалось, что она остановилась и посмотрела на него. Медвежата выглядели очень усталыми после перехода и с трудом поспевали за матерью.

Утром Родион проснулся от страшного медвежьего рева совсем рядом с домом. Он осторожно открыл дверь и в пяти метрах от себя увидел свою медведицу, прижавшуюся к поленице. Вся шерсть на спине у неё топорщилась, она мотала головой и передними лапами драла землю перед собой. Медвежата прятались за ней. А совсем рядом с домом, на задних лапах стоял тот огромный медведь. Сразу было понятно, что он пришел за медвежатами и без них не уйдет.

От неожиданности Родион сразу захлопнул дверь и прижался к стене. Он понимал, что стены избушки могли защитить только от ветра и дождя, а в случае чего, медведь легко

разнесет эту избушку. Он вспомнил про ружье, которое повесил на гвоздь в стене напротив двери у кровати. До него надо было пройти мимо окна, выходящего как раз на медведя. Двигаться было страшно. Но в этот момент медведица опять заревела, и Родион услышал, как рассыпалась поленница. Он, не глядя в окно, проскочил до кровати и схватил ружье. Старая двустволка с пулей в одном стволе и с картечью в другом. Осторожно посмотрел в окно. Медведь уже опустил на все лапы и медленно передвигался в сторону медведицы. Она была раза в два меньше самца и вряд ли бы смогла ему серьезно противостоять.

Родион вспомнил, наставление, что вмешательство, даже с самыми хорошими намерениями, скорее всего, приведет к плохим последствиям. И сразу вспомнил доверчивые глаза медвежат. Он еще раз выглянул в окно. Медведь не обращал внимания на дом и стоял к нему боком. Родион прицелился через окно в точку у передней лапы, где было сердце. «А что будет, если я не убью медведя с первого выстрела? И даже со второго? Тот наверняка знает, что в этом сарае человек. И что сделает разъяренный медведь?»

Пока он судорожно размышлял, медведь напал на медведицу. Они одновременно встали на задние лапы. Но медведица, у которой было больше стимулов, на мгновение оказалась быстрее и агрессивнее. Она смогла несколько раз ударить обеими лапами, и это заставило самца чуть отступить. Родион увидел медвежат. Они были за рассыпавшимися дро-

вами и никуда не убежали. Прижавшись друг к другу, они понимали, что сейчас решается жить им или нет. Большой медведь тряс головой. Он был так близко, что Родион видел, как в разные стороны из пасти разлетаются сгустки слюны и крови. Ему сильно досталось от когтей медведицы. Он, до этого молчавший, стал глухо рычать и оскаливать клыки. Медведь разозлился.

Родион опять прицелился. В голове проносились мысли об опасности для него самого. Он представил, как после выстрела раненый и разъяренный медведь в два прыжка врывается в окно. Представил свою смерть. Вспомнил, что медведи не всегда сразу убивают свою жертву, а иногда лишь ломают позвоночник и прикапывают до времени. Представил стаю ворон на песчаном берегу холодного моря, дерущихся за возможность обглодать то, что останется от него после медвежьей трапезы. И в этот момент у него появился план. Он схватил с табуретки патронташ и быстро достал из него два сигнальных патрона. Потом переломив ружье, он трясущимися пальцами выдернул из стволов пулю и картечь, воткнул два других, защелкнул, взвел курки и прицелился. И в этот же момент медведь решился на вторую атаку. Родион выстрелил почти одновременно из двух стволов.

Что больше остановило медведя – сигнальные ракеты, горевшие в его шкуре, прожигающие его до ребер или то, что он увидел в глазах готовой идти до конца медведицы, было неясно, но медведь отступил. С ревом, как-то боком, он

вломился в узкую полоску кустов, из них вылетел на берег и, не останавливаясь, большими скачками помчался от избушки.

Глава 1

«Если взялась что-то делать, делай это хорошо». Лиза хорошо помнила бабушкин совет и всегда старалась ему следовать. В школе, в университете, в спортзале – она всегда выкладывалась на сто процентов. Вот и сейчас, в постели с Родионом, она послушно и быстро откликнулась на каждое его движение: то тихим целомудренным вздохом, то стоном или страстным вскриком. Родион чувствовал некоторую наигранность, но ему было приятно осознавать, что она старается для него. А сегодня Лиза решила внести немного разнообразия и добавить подходящих, как ей казалось, комментариев.

– Давай сильнее... Вот так... Еще... Да, так... Кочегарь меня, кочегарь. Быстрее. Еще глубже...

И тут Родион не выдержал:

– Я не могу глубже, – засмеялся он. – Тебя что, немецкое порно укусило? У тебя Кембридж за спиной. Лиза, милая моя, это не из твоего репертуара.

– Вам не угодить, – она, конечно, немного обиделась, но виду не показала. – Не хочешь, не надо! И не Кембридж, а Болонский университет... А можно мне на крышу? – спросила она и, не дожидаясь ответа, выскочила из комнаты на

балкон.

Небольшая квартира Родиона на последнем этаже была замечательна тем, что с ее балкона можно было легко по пожарной лестнице попасть на крышу дома.

– Ты бы хоть накинула что-нибудь, – крикнул Родион с кровати.

Но она, уже абсолютно голая, с растрепанной копной рыжих волос, выбралась с балкона на крышу.

– Давай поднимайся, – крикнула Лиза, – и вино захвати.

Он заметил, как она быстро отходила от секса. Уже убежала, а только что кричала, стонала, чуть ли не умирала.

Менять мягкую постель на крышу ему не хотелось. Он еще в детстве излазил всю эту крышу и сейчас использовал ее только для того, чтобы очаровывать новых подружек. С Лизой он встречался неделю. Срок уже не такой, чтобы вскакивать по первому ее зову, но и не такой, чтобы можно было ее игнорировать.

Когда он рассказал об этом знакомстве своему другу Томасу, тот очень удивился: «Она же из Романовых, что у тебя может быть с ней общего?! Там такая семейка – клейма негде ставить. От осинки не родятся апельсинки». На что получил объяснение: «С ней интересно и легко. И мне всегда хотелось узнать элиту поближе».

Родион надел старые джинсы, захватил рубашку для Лизы, бутылку вина и поднялся вслед за ней на крышу.

Было ранее июньское утро. С крыши дома открывался ве-

ликолепный вид на Москву. Уже порозовел шпиль высоты на Котельнической набережной, и засверкало золото на куполе колокольни Ивана Великого, но две невысокие звонницы Ивановского монастыря, до которых, казалось, с крыши можно дотянуться рукой, были еще в ночной тени. Покрытая железом, окрашенным в зеленый цвет, крыша казалась почти плоской. По краю она была окружена белой балюстрадой с толстыми фигурными балясинами. Через каждые несколько метров ограждение прерывалось невысокими площадками, с которых статуи рабочих, солдат и крестьян, будто охраняя дом, внимательно всматривались в разные районы столицы. Скульптуры давно не ремонтировались. Белая краска полиняла и у многих из них вместо рук, ног, серпов, молотков и винтовок торчали куски арматуры и цемента.

– Как оказывается все рядом! Когда идешь здесь внизу пешком, то не всегда даже понимаешь, в какой стороне что находится. Никак к этому месту не привыкну. Влево, вправо, вверх, вниз... Подкопаевский, Подколокольный, Кривоколенный... Сам черт ногу сломит.

Лиза стояла, облокотившись на широкие каменные перила ограждения. Она знала, что ее попа сейчас выглядит великолепно и Родион не сводит с неё глаз. Все ближайšie дома были ниже этой крыши, поэтому видеть их никто не мог.

Родион сел на пологую крышу чуть позади Лизы, сделал большой глоток из бутылки и действительно любовался ее фигурой. Именно безупречными ногами и рыжими волоса-

ми она и привлекла его в первую встречу. Это было в первый день после его возвращения с Камчатки. Черты лица сначала отталкивали: у Лизы был большой острый нос с горбинкой и крупная нижняя челюсть с неправильным прикусом. Это придавало лицу немного циничное выражение. Может быть, комплексуя из-за этого и чтобы понравиться, она всегда была доброжелательна и улыбчива, умела внимательно слушать и поддержать беседу. Это и старательность в постели, выгодно отличало ее от тех красавиц, которые считали, что если они легли с кем-то в постель, то уже это большая честь и награда. При этом Лиза была из очень известной семьи и скорее всего не испытывала недостатка в поклонниках.

– Да, чертей и ведьм здесь хватает, – сказал Родион. – Бегают по утрам голыми по крыше.

«В утреннем глотке есть особая прелесть – выпил и весь день свободен», – подумал Родион, рассматривая татуировки на длинных Лизиных ногах.

– Меня совсем маленькой родители отправили из Москвы учиться в Италию. Сначала была без ума от Европы. У моих предков дом в Тоскане. Знаешь, такой типичный итальянский домик: выгоревшая на солнце желтая охра, черепичная крыша. Так, ничего особенного. Но какая там вокруг красота! Какой простор! На склонах гор ровные террасы виноградников. А от дома вниз, вдоль ручья, идет фантастическая аллея из высоченных пирамидальных тополей, мощеная старинной брусчаткой, по которой, наверное, марширо-

вали римские легионеры в пыльных доспехах. А внизу на равнине река. Все ухожено, все чисто. Люди улыбаются при встрече, – Лиза подошла к Родиону, взяла бутылку и выпила из горлышка с явным удовольствием. – Но потом это приедается и понимаешь, что это обычная деревня, где хорошо жить на пенсии. Да, и главное, в Европе богатый русский для местных, что-то между африканским диктатором и колумбийским наркобароном.

– Ну, вообще-то, они не сильно ошибаются, – Родион тоже сделал еще один большой глоток и откинулся назад на железную крышу, подложив руку под голову.

– Да нет, просто местечковый снобизм или, как говорят в России, дешевые понты. Они же там все аристократы – графы, князья в сотом поколении, а на самом деле нищие голодранцы. К тому же в Европе все уже расписано: дед твой был булочником, потом отец и ты всю жизнь у печки простоишь. А здесь, в Москве, сейчас все возможности.

– Особенно когда у тебя дед был секретарем ЦК КПСС и отец заместителем премьера, – напомнил Родион. – Не думаю, что у продавщицы из Беяево и у тебя равные возможности.

– Я и не говорила про равные. Равенство, вообще, сказка. Да и что плохого в том, что страной руководит элита? – Лизу всегда немного раздражало, когда ей напоминали о семье, как бы намекая, что без семьи она никто. – В той же Италии несколько столетий страной управляют всего несколько се-

мейств. И в США свои кланы: Кеннеди, Буши. И в этом нет ничего плохого. Кухарки пусть управляют на кухне.

«Кочегарь меня. Кочегарь», – вспомнил Родион и улыбнулся. Бутылка почти опустела, и Лиза нравилась все больше.

– В семнадцатом году кухарки, лакеи, извозчики разогнали аристократию, и что из этого вышло?! – продолжала Лиза. – Ничего не вышло. Все цепи у людей в голове. Аристократию уничтожили, а холопы остались. Попробовали новую элиту создать, а она продалась за пару джинсов. Водка, бабы, машина побольше и пнуть того, кто послабее. Вот и весь репертуар, – чем больше Лиза горячилась, тем сексуальнее становилась.

«Наверное, вот так же сто лет назад зажигала революционных матросов на свержение той самой старой аристократии Лизина прабабушка, памятник которой стоял рядом с домом на бульваре, – думал Родион. – А теперь уже они сами считают, что власть – это их врожденное наследственное право. Но, по крайней мере, Лиза говорит честно и всегда точно знает что хочет».

Родион вспомнил, как вчера Лиза в огромном магазине точно и быстро прошла в винный отдел и, поискав несколько секунд, положила в тележку три бутылки хорошего вина. А потом за две минуты разобралась с закуской. Его бывшая жена часа два бы ходила, выбирала.

– Значит у большинства людей выбор лишь в том, стать ли

ему шофером такси, продавцом или официантом? – спросил Родион.

– А разве они хотят чего-то другого? Большинству и не нужна свобода выбора. Им лучше, когда за них все уже решили. Вот у муравьев, если ты родился рабочим муравьем, ты так и будешь им всю жизнь. И ведь никто из-за этого там проблем не делает.

– Так ведь у муравьев нет никакой властной элиты, – рассмеялся Родион. – У них самоорганизующееся общество. Недавно мне один человек уже говорил про муравьев, – Родион опять вспомнил те секунды, когда у него был еще выбор стрелять или нет. «А был ли у меня этот выбор?» – Мне недавно один ученый говорил, что на небесах уже давно все решено и для муравьев, и для людей.

– Может, для таких как он на небесах все давно и решено, но я свою роль сама буду писать. Жизнь – это игра. Я мечтаю победить и забраться на самую вершину власти!

– Власть – это же ответственность. Тебе это нужно?

– Ответственность?! За что? За кого? – Лиза рассмеялась. – Жизнь – это игра, – повторила она. – А власть – это большая игра для избранных. Об этом не принято говорить, но большинство людей никогда не смогут стать по-настоящему полноценными. Ни они, ни их дети. Всегда так было. Их удел пьянство, наркотики – это гены, с этим ничего уже не сделаешь. В современном мире они вообще никому не нужны, даже как пушечное мясо. По-хорошему, их

надо бы стерилизовать, и это было бы гуманно и полезно. Золотого миллиарда для нашей планеты вполне достаточно. Остальные не нужны.

«А сто лет назад твоя прабабка с таким же убеждением говорила совсем другое, – Родион вспомнил напряженную согнутую бронзовую руку памятника, готовую в любой момент достать любимый маузер из кобуры на правом бедре. – Тогда бы за такие речи и родную внучку могли не пожалеть».

– Я считал, что гуманизм выглядит несколько иначе, – сказал он.

Лиза внимательно посмотрела на него, не понимая, иронизирует он или нет.

– Просто было больше лицемерия, – ответила она. – Выйди на улицу, посмотри вокруг. Кому ты хочешь помочь? Тем, кого только страх наказания сдерживает от желания ограбить своего ближнего? Люди сначала звери, а потом, может быть, иногда еще и люди. А значит каждый сам за себя. В природе по-другому не бывает. Или ты, или тебя.

Лиза повернулась к Родиону. В ее прищуренных глазах был азарт хищницы перед нападением. Это было вызывающе и очень сексуально.

– Вот, это ты права, – Родион встал и подошел к ней. – Или ты, или тебя.

Она была возбуждена и смотрела на него с ожиданием. Резко развернув и сильно прижав к парапету, Родион вошел в нее. Сейчас Лизе уже не хотелось ничего имитировать. Го-

лова кружилась. Она даже не замечала, как от сильных толчков царапаются о шершавый бетон ладони и локти и на них появляются капельки крови. Уже совсем расцвело. Она видела вдалеке за домами угол кремлевской стены с Беклемишевской башней и зеленую крышу Большого Кремлевского дворца за ней. Она закрыла глаза и понеслась по дворцовым коридорам с красными ковровым дорожками и залам. Андреевский, Екатерининский... Ничто не должно остановить ее. Смогла же та немка...

– Только не в меня, только не в меня, – несколько раз вскрикнула Лиза.

Родион на секунду остановился. Потом опустил правую руку вниз, а левой крепко прижал её к себе. От боли и неожиданности Лиза закричала по-настоящему.

– Не надо! Мне так больно!

– Ты же хотела грубо.

Через несколько минут у Лизы подкосились ноги, она на мгновение потеряла сознание и упала бы на железную крышу, если бы Родион не держал ее. «Вот сейчас ты совсем не похожа на тот железный памятник», – подумал Родион, помогая Лизе сесть на крышу.

– Присядь, она теплая. Мне кажется, сейчас получилось гораздо лучше, чем недавно на кровати, – усмехнулся Родион.

У него было хорошее настроение. Лизе же, несмотря на слабость и боль, хотелось, чтобы это продолжилось.

– Ты не хочешь детей? – вспомнил он Лизины слова, поднимая с крыши пустую бутылку.

– Нет. Детей я совсем не хочу. Без меня нарожают, – приходила в себя Лиза. – Сейчас я этого точно не хочу. Вот если ничего в жизни больше не получится, тогда посмотрим.

Она сказала это зло, потому что поняла, что получила какую-то бабскую зависимость от этого парня. И что ее неожиданно стало волновать, сколько девушек прошло через эту крышу. И какие у него планы на дальнейшую жизнь. И что он будет делать сегодня, завтра.

В этот момент, где-то рядом кто-то замурлыкал. Лиза встала и, перегнувшись через перила, увидела на водостоке у самой воронки, там, где начинается отвод воды вниз, маленького прижавшегося к трубе котенка, который полз к этой черной дыре. Через секунду Лиза перемахнула через ограждение и, держась одной рукой за каменную ограду, второй дотянулась до котенка, схватив его за загривок. Родион успел только помочь ей выбраться обратно.

– Я, наверное, на старости кошатницей стану. Буду ходить одинокой, пропахшей кошками, и вспоминать эту крышу, – Лиза тискала котенка, пытаясь его поцеловать. – А пока этого не случилось, надо использовать все, что нам дано. У всех бывает шанс, главное его не прозевать.

– Прямо сейчас происходит жизнь. Ты права. И другой не будет, – Родион подумал о фильме.

– Возьми котенка. Он тебя ждать будет, – предложила Ли-

за.

– Я не могу, я скоро улетаю – надо работать.

– Когда?

– Как только будут билеты. Может завтра, может через неделю.

Только что для Лизы карьера была главным в жизни. Роман с Родионом был небольшим развлечением. Но сейчас для нее, привыкшую с детства все получать, стало самым важным, чтобы он был рядом.

– А остаться нельзя? Можно же найти тему для фильма здесь, в Москве.

– Я пробовал – не получилось.

– Нет. Так не может быть, чтобы здесь не было ничего интересного, – Лиза торопилась со словами, будто от них сейчас зависела ее жизнь. – А если я тебе найду тему? Такую что...

– Лиза, – прервал Родион. – Ты сама говоришь, что жизнь коротка и нельзя терять время. Если я еще немного задержусь, то потеряю это лето, а значит год.

Чего нельзя было отнять у Лизы, так это умение принимать решение быстро и точно.

– Значит так! Это очень важно. Только, Родион, информация действительно пока секретная, – Лиза стала серьезной и говорила медленно и вдумчиво, пытаясь не сказать лишнего и одновременно заинтересовать Родиона. – Завтра в Москве произойдут важные события. Эта информация

у меня от отца. Я тоже в этом участвую. И могу тебе предложить стать эксклюзивным хроникером этих событий.

– А нельзя чуть подробнее? Что за события?

– Я не могу сказать, но поверь мне – это очень грандиозное событие! Это историческое событие. Ты не пожалеешь.

– Хорошо. Я подумаю.

– Нет, Родион, – Лиза подошла близко к Родиону и посмотрела на него так, как будто от его решения зависела вся ее жизнь. – Я прошу тебя, обещай мне, что не улетишь на этой неделе.

– Обещаю.

Глава 2

Родион и Лиза жили в одном доме. Это был бывший дом-коммуна имени Парацельса.

Грандиозные задачи, поставленные Октябрем, было невозможно осуществить без нового человека. Старый, созданный из праха земного, для этих целей уже не годился. Поэтому было принято решение: спроектировать и построить для формирования этого коммунистического гомункула специальные человеческие инкубаторы. Если эксперимент удастся, то в ближайшем времени эти дома-коммуны можно будет использовать при строительстве первого советского города будущего – Города-солнца. «Я знаю – город будет, я знаю саду – цвeсть», – заявил Маяковский и сразу лучшие советские архитекторы, от Желтовского и Голосова до Мель-

никова, взялись за разработку новых, отвечающих этой задаче, архитектурных форм.

Для строительства первого такого дома выбрали район Хитровского рынка. Было очень символично снести ночлежки и притоны и построить дом будущего. Заодно снесли много чего лишнего, в том числе и древнюю богадельню Ивановского монастыря.

Еще во времена Ивана Грозного богадельне нашли еще одно применение. Для начала, Иван Васильевич отправил туда свою жену. Его окружению идея понравилась и богадельню начали использовать как острог для надоевших жен. Туда же по ночам в подземные каменные мешки привозили убийц и воровок из пыточных Сыскного приказа. Самая известная из них Салтычиха, убившая и замучившая больше сотни невинных душ, тоже закончила здесь свои дни.

Такое сосредоточение боли и зла не могло не иметь последствий. Первое проявление нечистой силы в этом месте документально зафиксировано в 1666 году. Сначала монахини начали жаловаться на то, что кто-то по ночам искушает их порочными предложениями. Может быть, если бы меры приняли сразу, ничего бы и не было. Но им сначала никто не поверил. А дальше сами по себе начали разлетаться по комнатам вещи обитательниц, потом кто-то начал скидывать с кроватей их самих. В страшном ужасе монахини закрылись в церкви Всех святых в Кулишах. Но нечистая сила не оставила их и там. И только когда из тщательно охраня-

емых казематов бесследно пропали несколько узников и пополз слух, что их забрала нечистая сила, в дело вмешались власти. Из Флорищевой пустыни царем Алексеем Михайловичем был вызван подвижник и борец с дьявольскими искушениями иеромонах Илларион, который вместе с двумя иноками больше месяца непрерывно служил святую Литургию. Нечисть пропала, Илларион был назначен митрополитом Суздальским. Но бесы ушли ненадолго. За последующие три с половиной века в Кулишах подобных случаев были сотни. А Ивановская богадельня заслужила славу самого страшного места Москвы. И теперь именно на её месте построили новый дом.

Дом состоял из двух соединенных между собой корпусов. Основной корпус, выложенный из крупного кирпича, был относительно невысокий: пять этажей. Он представлял собой гигантский квадрат с большим внутренним двором. По каждому этажу шел непрерывный ряд маленьких окон. Поэтому этот корпус напоминал то ли крепость, то ли казарму, то ли тюрьму. И чтобы избежать таких ассоциаций, вдоль всей крыши сделали массивную балюстраду со скульптурами, символизирующими новое время.

Каждому окну соответствовала маленькая комнатка всего около шести квадратных метров, которую коммунары должны были использовать только для ночного отдыха. Для всего остального на каждом этаже были общие помещения: ванные комнаты, столовые и прачечные.

Другой корпус в форме цилиндра, прозванный в народе «стаканом», был гораздо меньше, но почти в два раза выше первого и со сплошным остеклением. В нём располагались светлые аудитории, спортзалы, библиотека и даже планетарий. Внутри большого спального корпуса был обустроен уютный двор и высажен сквер. А внутри стеклянного корпуса на первом этаже был оборудован зимний сад с привезенными из ялтинского ботанического сада вечнозелеными растениями. Все помещения в доме соединялись длинными коридорами. Жители дома могли хоть всю жизнь не выходить на улицу и не испытывать ни в чем недостатка.

Изначально все это проектировали под Институт марксизма для подготовки профессиональных партийных и комсомольских работников. Предполагалось, что в этом доме-коммуне, как на хорошей фабрике, изготовление человека будущего будет идти конвейерным способом. Молодые юноши и девушки из рабочих и крестьянских семей заедут сюда студентами-первокурсниками сначала на первый этаж большого жилого корпуса. Потом пять лет учебы, за которые они, поднимаясь все выше и выше, переходя с этажа на этаж, с курса на курс выйдут из института готовыми агитаторами, секретарями партийных и комсомольских организаций. И станут новой элитой страны.

Но скоро произошла катастрофа: стало понятно, что дом к жизни не пригоден. Сразу после заселения жильцы стали жаловаться на жуткий вой в жилом корпусе. Начиналось все

с темнотой. По внутреннему распорядку после полуночи все должны были находиться в своих комнатах. И именно в это время все и начиналось. Звук шел из подвалов дома, где находилась собственная котельная и прочие технические службы. Была создана серьезная комиссия, но она ничего не нашла. На первом этаже звук был негромкий и больше напоминал шепот или шорох, но от этажа к этажу звук усиливался и расплывался по длинным коридорам от комнаты к комнате, наводя ужас на молодых студентов. Звук напоминал то невнятное бормотанье, то скрип тормозов многотонного паровоза, то крик неожиданно взлетевшей с зимних деревьев вороньей стаи. Но самым ужасным был плач. Плач десятков напуганных детей. Общежитие временно расселили. Огромный новый дом был опечатан и поставлен под охрану. Теперь звуки, усиленные появившимся в пустом доме эхом, пугали лишь сторожей.

Естественно, списать это на нечистую силу, во время борьбы с церковным мракобесием, было невозможно. Поэтому причину пришлось придумать другую. По мнению комиссии, заключалась она в следующем:

во все времена строители, недовольные условиями труда и оплаты, делали заказчику всякие мелкие и крупные пакости, обнаружить которые можно было только при эксплуатации. Так и в этом случае. В огромную, от подвала до крыши, разветвленную по каждой комнате, встроенную в стены, систему вентиляции, были заложены десятки так называемых

дьявольских свирелей. Изготавливали их из листков жести, кирпичей, сложенных под определенным углом или просто из дерева, как обычные свистульки. Вставленные в вентиляционные каналы, они превращали дом в огромный музыкальный орган, живущий сам по себе. Виновников тоже нашли. По мнению комиссии это были плотники, жестянщики, столяры – умельцы на все руки, традиционно жившие в этой округе и обиженные советской властью, которая снесла их лачуги, чтобы очистить место для строительства нового дома.

Хотя, почему эти дьявольские концерты шли только по ночам, ответа не было. После этого расследования комиссия пришла к выводу о нецелесообразности нахождения общежития в этом здании. Да и идея домов-коммун для воспитания нового человека будущего поутихла. Сделали полную реконструкцию, какие-то перегородки сломали, какие-то построили. Весь дом заселили обычными очередниками с соседних учреждений.

И вот что удивительно. Через некоторое время, те жители, которым достались комнаты в стеклянном корпусе, без каких-либо причин начали ощущать себя некой элитой и стали посматривать на своих соседей из другого корпуса свысока. И что более важно: жители основного корпуса как-то легко согласились с таким положением, приняв это как должное. Внешне это почти не проявлялось, но были маленькие детали, которые говорили о таком неравенстве. К приме-

ру, в большом дворе гуляли, играли в футбол дети из обоих корпусов, а в зимнем саду, который сохранился после реконструкции, только дети стеклянного корпуса. Дети из стеклянного корпуса, из так называемого «стакана», учились в спецшколе расположенной прямо в их корпусе, а дети из большого здания в нескольких соседних обычных школах.

К настоящему времени в доме прошло еще несколько реконструкций, которые почти не изменили дом внешне, но заложенное тогда неравенство жителей стало еще более очевидным.

Глава

3

«Стакан» сейчас полностью принадлежал семье Романовых.

Дед Лизы, Юрий Владимирович Романов, в эту минуту сидел на унитазе и разговаривал со Сталиным. Большого чугунного Сталина ему вылили каслинские мастера по сохранившимся формам. В огромной светлой ванной комнате, отделанной белым мрамором из итальянских каменоломен в Карарре, черный Сталин в полный рост и с трубкой в руке, установленный напротив унитаза, смотрелся крайне неуместно. Но именно с ним последнее время Юрий Владимирович общался больше, чем с кем-либо. Вот и сегодня, в день своего восьмидесятилетия, необычно веселый Юрий Владимирович разговаривал с бывшим вождем.

– Ну что, Иосечка, видишь, дожил я и до восьмидесяти. Представляю, как ты сейчас на сковородке у чертей вертишься. И как ревешь от бессилия. Ведь не можешь ты меня достать. Ох, не можешь. Просмотрел, прозевал ты меня, Ося. А так придушил бы меня лично еще в 1948 году, тем самым красным галстуком, что ты мне тогда на шею лично повязал, когда напротив Мавзолея в пионеры принимал. Я ведь тогда от страха, волнения и радости обмочился прямо в штаны, а ты и не заметил.

Романов навсегда запомнил то чувство стыда и страха, когда увидел, как на его синеньких шортиках образовывается темное пятно, как теплая струйка бежит по ноге в сандалии, а потом через дырочки в них стекает на брусчатку Красной площади и пропадает между камнями.

– Теперь я все после тебя зачистил. И совок, дело всей твоей жизни, уничтожил. Вот это настоящая месть, Иосик. А ты только и умел на Колыму отправлять и расстреливать. Не было у тебя фантазии.

Хорошее настроение у него было еще и потому, что внимательно оценив в зеркале результаты недавней пластической операции, он остался очень доволен. Прошло больше месяца и следов совсем не осталось. Из зеркала на него смотрел совсем другой человек. Пойти на старости лет под нож хирурга Юрию Владимировичу пришлось из-за очередной молодой невесты. Его невеста, Анфиса Птицина, с которой он планировал сегодня расписаться, была, конечно, не со-

всем молодой. На днях ей исполнилось сорок пять. Сорок пять лет, проведенных в непрерывной борьбе за место на Олимпе, не прошли бесследно для ее внешности. Но все равно она была почти в два раза моложе жениха, что могло вызвать ненужные разговоры. Потому отметить это событие решили в узком семейном кругу.

Юрий Владимирович, конечно, знал, что внешние данные восьмидесятилетнего старика, даже после нескольких косметических процедур, не могут вдохновить женщину на брак с ним, но обмануть старость ему очень хотелось. К тому же, как очень самовлюбленный человек, он иногда вполне серьезно думал, что еще хорошо выглядит, что очень умен и обладает отменным чувством юмора. Поэтому вполне может нравиться женщинам, даже в этом возрасте.

– Ты, Иосиф Виссарионович, постой здесь в сортире у параша, как тебе и положено, – продолжал Романов, – а я пойду молодую жену ублажать.

Знал бы Юрий Владимирович, как печально для него закончится этот день, постучал бы по дереву, но не боялся сглазить себя молодой жених, да и дерева в ванной не было.

Он еще раз подошел к огромному зеркалу, но неожиданно увидел в нем не свое отражение и не знакомый интерьер своей ванной, а какую-то мрачную комнату с зелеными стенами. В центре комнаты на двух стульях сидели привязанные к спинкам два человека в военной форме. Романов испугался, на лбу мгновенно выступил липкий холодный пот.

Он крепко зажмурил глаза, а когда открыл, все вернулось на место. Юрий Владимирович включил холодную воду. Побрызгал ее ладонями себе на лицо и, вытеревшись полотенцем, вышел из ванной.

В отличие от своего будущего мужа, у которого это был четвертый брак, Анфиса выходила замуж впервые. Двадцать лет назад молодая журналистка из районной газеты приехала покорять столицу. Она считала, что очень похожа внешне-стью и характером на Вивьен Ли в роли Скарлетт О'Хары из «Унесенных ветром». Поэтому это, вместе с хорошими знаниями «науки страсти нежной», должны были по её плану пробить дорогу в высшее общество. Но все пошло не совсем так, как она представляла. Всякое пришлось пройти. Были шикарные Мальдивы, была дешевая Турция и окрики похотливых турок: «Эй, Наташа, иди сюда». Был и голод в съемной хрущевке в Перово. Тогда она ела только лапшу Доширак и в ближайшем магазине обязательно объясняла кассиру: «Рабочие ремонт делают – никак не нажрутся». Были реки слез и алкоголя, много секса, но не было ни одного предложения выйти замуж. Похотливые чиновники, бизнесмены-импотенты, скупые иностранцы и даже закодированные от водки слесари-сантехники, попробовав её тела и затейливых ласк, всегда исчезали без возврата. Она ходила к колдунам снимать порчу, которую, как считала, на неё наслали завистники. Сутками не вылазила с сайтов знакомств. И ничего. Конечно, всем знакомым она говорила, что замуж не хо-

чет и не собирается, потому что мужики все козлы. Но прошли все сроки, давно ушла молодость и присущий ей оптимизм, а она ни на шаг не продвинулась к своей цели. Не было своего жилья, не было постоянной работы. И поэтому старик Романов, с которым она познакомилась, благодаря своей начальнице, был последним шансом выбиться в другой волшебный мир. Когда единственная подруга спросила, не противно ли ей в постели с дряхлым стариком, она не задумываясь, честно ответила: «Я с дохлым орангутангом готова переспать за такие деньги и за такие перспективы, а старик еще живой и совсем не воняет». Впрочем, то, что ей приходилось делать с Романовым, назвать сексом было трудно. По ночам старичок был безобидный, тихий и что главное, нетребовательный, хотя и не без странностей.

Закончив с утренними водно-гигиеническими процедурами, Юрий Владимирович надел очень светлые джинсы и яркую объемную разноцветную рубашку навыпуск. А чтобы скрыть дряблую шею повязал легкий шелковый шарфик.

На небольшой банкет посвященной их свадьбе из двух сыновей Романова мог прийти только один: Прохор со своей женой Софьей. Настояла на этом Анфиса. Совсем недавно она была у неё секретарем на побегушках. Собственно Софья и познакомила ее со своим свекром Романовым. И теперь Анфисе очень хотелось предстать перед ней в новом качестве его жены, а значит равной ей по статусу.

Когда Романов вышел в столовую Анфиса что-то смотре-

ла в смартфоне. Увидев будущего мужа, она быстро его выключила и убрала. Последнее время от скуки она часто смотрела на «YouTube» ролики разных псевдоученых, экономистов-шарлатанов и пророков-реформаторов. Своих знаний у нее не было, книжки-первоисточники она читать не любила, и поэтому их мантры легко заполнили пустое пространство в ее голове. И теперь при случае Анфиса могла любому собеседнику объяснить «как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему...»

Оглядев наряд Юрия Владимировича, она решила, что выглядит он как павлин. Но сдержалась и вслух сказала, что он похож на поэта Евгения Евтушенко, передачу про которого она только что смотрела по телевизору. Анфиса считала себя очень расчетливой и практичной. Она понимала, что сегодняшней день это то, к чему она шла всю жизнь, и ошибиться она не имеет права. Поэтому обязана быть обольстительной и внимательной. Каждое слово должно быть выверенным и точным. Анфиса даже отложила давно планируемый разговор о необходимости заморозки семенного материала Юрия Владимировича для суррогатной матери. Это уже после загса: «Будет страховкой, если бабушка умрет от счастья».

– А ведь знаешь, душечка, Женьку известным поэтом я сделал, – обрадовался сравнению Юрий Владимирович. – Нам тогда нужны были карманные бунтари. Без меня бы он в районной газете про доярок с трактористами стишки со-

чинял. А мы его наверх вытащили, приодели, опубликовали и сначала по братским странам провели: имя сделали, а потом в США отправили. У нас там тогда с американскими левыми были хорошие контакты. В каждом университете свои люди. Все эти Гинзберги, Керуаки. Сплошные наркоманы и гомики. Так мы из Женьки икону и сделали. Мы тогда много икон сделали. На Таганке целый театр с иконостасом. И все на нас работали. Любое наше желание на лету перехватывали. Если бы мы захотели, они бы из Сталина святого сделали, как сейчас из царя Николашки. Ильич прав был, когда сказал, что интеллигенция – это говно нации.

Романов говорил с большими паузами из-за одышки. Говорить ему было трудно. И хотя всю жизнь посвятил разрушению социализма, он любил вспоминать советский период с гордостью и бахвальством.

– Тогда мы любого человека в любой точке мира могли завербовать. Кого деньгами, кого девочками, кого мальчиками, – продолжал Юрий Владимирович. – Некоторые идейные добровольно работали. В семидесятых мы США могли в бараний рог согнуть – Вьетнам, арабы, энергетический кризис. Остановить СССР мог только сам СССР, точнее те, кто обязан был его защищать. Рыцари без страха и упрека, – он попробовал рассмеяться, но лишь зашипел и закашлялся. И только отдышавшись, закончил: – Другими словами, если бы не я, то кирдык бы настал этой Америке!

Глядя на нелепую одежду мужа, слушая его цинич-

но-хвастливые старческие воспоминания, Анфиса никак не могла сопоставить этого глупого вздорного самовлюбленного старика с тем бескорыстным образом теневого кардинала перестройки, который ей когда-то внушал телевизор. В году 1988 или 89-ом, еще совсем молодой студенткой, она смотрела по телевизору его выступления, и тогда ей и в голову бы не пришло заподозрить его в каких-то мелких личных интересах. И уж ни в каком кошмарном сне ей не могло присниться, что она через четверть века будет с помощью straponа ублажать его дряхлую задницу.

– Так тогда зачем вы его развалили? – спросила Анфиса.

Этого вопроса Романов не любил. Иногда, сидя на унитазе, глядя на Сталина, смотрящего на него с ехидной усмешкой, ему казалось, что во взгляде бывшего вождя он читает именно этот вопрос. Ответить честно он не мог даже самому себе, потому что это означало признать, что главным мотивом всех поступков в его жизни была обычная зависть.

Но это было так. Всю жизнь зависть, как рак сжирала его. Он ощущал ее физически. До кишечных спазмов и тошноты. Зависть рождала ненависть и страх. Всю свою карьеру он боялся, что его арестуют, поставят к стенке и расстреляют. А труп сожгут в Кремлевской кочегарке. Он знал, что там иногда сжигают изменников. И знал, что некоторых сжигают живьем. Сначала нанизывая как купаты на железную трубу, разрывая внутренние органы, а потом, еще живого засовывают в узкую крупповскую печь. И поэтому пил. Пил много.

На кухне, в кабинете. Почти всегда один.

Поводом для бешеной зависти могло служить все что угодно и это совершенно не поддавалось логике. Можно понять, когда завидуют прекрасным физическим или умственным способностям, богатству, славе, вниманию женщин, но Романов мог найти для зависти совершенно немислимые причины. Из-за зависти он испытывал физические боли. Она заполняла голову с таким огромным давлением, что он боялся, что глаза могут выскочить и повиснуть безжизненными шарами вдоль носа, а из глазниц польется, разъедающая все вокруг, зеленая жижа. Какое огромное удовольствие Романов получал, когда видел, как человек совершенно не понимающий за что это ему, отправлялся по его доносу в мордовский лагерь. Его целью была не материальная выгода, но освободились места, и его карьера шла в рост.

Скоро его зависть перестала быть персонифицированной и стала глобальной, как оружие массового поражения. Он стал ненавидеть людей за то, что они просто живут. Живут и радуются, несмотря на трудности, бытовую неустроенность. А когда 12 апреля 1961 года он увидел ликующую и гордящуюся своей сопричастностью к происходящему огромную массу людей на Красной площади и открытую улыбку майора Гагарина, с развязавшимся шнурком, у него случился первый удар. Выйдя из больницы через три месяца, он твердо знал цель своей жизни – уничтожение этой страны.

– Так зачем вы развалили Советский Союз, если он был

так хорош? – повторила вопрос Анфиса.

– Чтобы каждая тварь знала свое место, – неожиданно зло ответил Романов.

Внезапно сердце у Юрия Владимировича вдруг быстро забилось, а потом, сделав несколько сильных ударов, остановилось и полетело куда-то вниз. Он стал, как рыба глотать воздух. Стало так страшно, что захотелось вскочить, закричать, позвать на помощь и куда-нибудь спрятаться. Но тело обмякло и не слушалось, а на лбу опять выступили капли пота. Ему показалось, что откуда-то вытянулись жуткие костлявые руки, схватили его и куда-то потащили с огромной скоростью по бесконечным темным туннелям. А потом туннели кончились. И он, уже почти потеряв сознание, опять увидел большую комнату без окон. Теперь очень ярко освещенную, с белым кафелем на стенах и поэтому похожую на операционную. Но люди, собравшиеся в ней, были не в белых халатах, а в военной форме. И вот он уже сидит на стуле, руки связаны за спиной. Он видит свою грудь, живот, ноги в кирзовых сапогах. Рядом сидит молодой солдат и с ужасом смотрит на него. Лицо солдата было очень знакомым. Он понимает, что от него что-то хотят, но не понимает что. А потом он услышал голос и увидел того, кто к нему обращался. Перед ним стоял красивый высокий, мерзко улыбающийся мужчина, в темном костюме и белой рубашке расстегнутой на две верхние пуговицы. В руке у него был пистолет: «Ну что, дорогой, выбирай».

И Юрий Владимирович понял, что от него хотят. Понял, почему с таким ужасом смотрит на него этот солдат. И стало ясно, почему эта видеокамера на трехногом штативе направлена на него. Тут он очнулся.

Глава

4

– С добрым утром, мам, – крикнула Лиза. Еще не остывшая от утреннего возбуждения, она пришла домой в хорошем расположении духа и, несмотря на бессонную ночь, совершенно не хотела спать. Лиза искала с кем поделиться своим хорошим настроением.

– Могла бы сказать, что ночевать дома не будешь, я же волнуюсь, – не поворачиваясь к дочери, ответила Софья. Она сидела перед большим зеркалом и приводила себя в порядок. С каждым годом это давалось ей все труднее и, зачастую, не приносило желаемого результата, а только расстраивало.

– Оторвись ты от зеркала, мам. Посмотри какое чудо я принесла!

Софья оглянулась: на полу сидел котенок. Маленький комочек с любопытством и настороженностью смотрел по сторонам.

– А кто им заниматься будет? Убирать за ним? – Софья опять повернулась и продолжила красить брови, сильно втянувшись вперед к зеркалу. – У нас в доме прислуги нет. Твой

папа, – Софья сделала паузу и чуть отстранилась, чтобы посмотреть, что у нее получается. – Так вот, твой папа, Прохор Юрьевич, считает, что прислуга нам в доме не нужна, что семья у нас маленькая, и мы вполне можем сами справиться. Хорошо, что я еще приходящую уборщицу выбила, на раз в неделю. Но для котика раз в неделю мало.

– Я сама буду, – обиделась Лиза.

– Ты бы лучше жениха себе хорошего нашла, чем котенка с помойки, – снисходительно посоветовала Софья.

– А что значит хорошего?! – Лиза ненавидела, когда мать начинала с ней говорить таким снисходительным тоном.

– Хорошего – это значит богатого.

– Ага, – Лиза присела и стала гладить котенка, – чтобы его ублажать. Чем тогда жена отличается от обычной проститутки?

– Тем, что у жены прав больше. А у хорошей жены прав даже больше, чем у мужа.

– Ну, уж нет! С правами или без прав, мне проституткой быть не хочется.

– Понимаешь, Лиза, жизнь женщины так устроена, что ты или проститутка, как тебе нравится повторять, и можешь себе позволить много хорошего и приятного, или ты нищая и работаешь, как проклятая. В современном мире у женщины других вариантов нет.

– А как же все эти женщины – бизнес-леди, миллионерши, актрисы..

– Лиза, ты вроде уже большая, – Софья поджала губы, чтобы посмотреть, ровно ли легла помада. – Дали денег красивой девочке с Барнаула – вот она и актриса. Жена застукала мужа с молодой любовницей – вот она миллионер или бизнес-леди. Трудом праведным не наживешь палат каменных. Так вроде у нас раньше говорили. Слушай меня. Мама плохого не посоветует.

– Воспитывать лучше не советами, а личным примером, – ответила Лиза, а про себя подумала: «Что-то когда мне нужны были твои советы и твоя забота, тебя рядом не было. Сбагрила меня подальше, чтобы я тебе не мешала».

– Ты на что намекаешь? – Софья бросила на стол перед собой кисточку для глаз, так и не добившись желаемого, и повернулась к Лизе. – Что ты хочешь сказать?

– Мама, какие намеки?! – Лиза, много лет готовилась сказать то, что она думает о матери. Рассказать ей о том, как она плакала в комнате общежития совсем одна, ведь матери рядом не было. Но сейчас все давно заготовленные слова выскочили из головы, осталась только злость. – Никаких намеков, мама. Ты всю жизнь рассчитывала только на свою внешность. И надеялась с помощью нее решить все проблемы. И что получилось? Ты свою жизнь в унитаз спустила. И теперь, кажется, за мою принялась. Нет уж, я тебе такого удовольствия не доставлю. Если я это и сделаю, то сама, – Лиза взяла на руки котенка и, не дав матери ничего ответить, выскочила из комнаты.

– Одна лестница больше половины дома занимает. Любят русские пыль в глаза пустить. Слышала, что большими машинами и большими домами компенсируют некие физиологические проблемы, – сказала Софья Прохору, когда они вошли в дом Романова.

Софья с Прохором жили в этой же стеклянной части дома, но только вход у них был с другой стороны. Сразу из небольшого холла лифт поднимал их на свой шестой этаж: на чердак, как говорила Софья. А первые пять этажей занимал сам Юрий Владимирович Романов. Софью это злило, но изменить она ничего не могла.

– Лестница – это символ. Символ восхождения по ступеням власти. Туда... К облакам и выше. Чтобы сверху взирать на всех тех, кто остался внизу и похож на букашек, а букашки, чтобы глядя вверх, знали, что они букашки, – пошутил Прохор.

И действительно, все, кто поднимался по этой лестнице, полностью скопированной с парадной иорданской лестницы Зимнего дворца, чувствовали себя не очень уютно. Мрамор ступеней и перил, сердобольский гранит колонн, десятки античных скульптур и огромное количество золота на лепни-не потолка поражали любого человека. Поговаривали, что некоторые скульптуры были настоящими, а в Эрмитаже хранились копии.

– Его дом – делает, что хочет, – добавил Прохор.

– Золота для богатых дворцов в России всегда хватало, а вот с соломой для крыш у бедных всегда были проблемы.

– С такой радетельницей за народное счастье, теперь все быстро наладится, – иронично заметил Прохор.

До института Софья жила в Касимове: небольшом древнем городке Рязанской области на Оке. Отец был секретарем райкома, а мать директором центрального двухэтажного универмага. Она была единственным, любимым и очень избалованным ребенком. Училась Софья так себе, но учителя ставили хорошие оценки. Больше всего она любила фантазировать, представляя, себя принцессой, которую спасают разные добрые и не очень добрые, но всегда безумно красивые рыцари.

Читать романы она начала сразу после букваря. Читала все подряд, лишь бы там было что-нибудь про любовь. В шестом классе добралась до Мопассана. Она каталась в изящной закрытой коляске запряженной вороной лошадию по аллеям Булонского леса; ужинала в дорогих ресторанах на Елисейских полях; встречалась с художниками и поэтами в дешевых гостиницах и меблированных комнатах Монмартра, а в роскошных будуарах великолепных дворцов – с флегматичными графами и горячими виконтами.

Потом был Флобер. После того, как вслед за Эммой Бовари она перенесла на себе всю тоску жизни с нелюбимым мужем, волнение измен, смертельные муки от отравления

мышьяком, Софья поклялась, что выйдет замуж только по любви. В этот французский период она выучила язык и всю французскую историю. Она бредила тайными свиданиями и любовниками.

Потом у нее начался русский период: Тургенев, Бунин, Набоков. Она мечтала о деревне, темных аллеях, заросших прудах и дворянских усадьбах. Но как-то мать отвезла ее в деревню к бабушке. Там ее, одетую по последней моде, оттащали за волосы на танцах в клубе местные красавицы, а мальчишки в это время смеялись и подначивали. После этого позора ее несложный план на жизнь и формула счастья обозначалась так – чем дальше от Рязани, тем лучше.

– Хорошие люди мне сказали, что этот дом можно продать за очень приличные деньги, – продолжала Софья. – И купить что-то более интересное. Я тут присмотрела один домик в Бель-эйре. Там такой вид на Тихий океан! Но быстро это все не продашь. Клиентов – единицы. А на реконструкцию нужны деньги.

– Ты соображаешь, что ты делаешь?! Если эти твои знающие люди расскажут отцу, что ты оценивала его дом, знаешь, что будет?

– Что ты орешь – не глупее тебя. Никто ничего не узнает. Если бы не пил столько с сумасшедшими фриками в то время, когда все деньги зарабатывали, то мне бы сейчас не пришлось с этой стервой Анфисой встречаться. Вот ведь тварь

– хочет нас нищими оставить.

Софья приехала в Москву в 1981 году и с помощью родителей поступила в престижный тогда Плехановский институт. Она и в молодости не была красавица. Вполне обычная внешность, не толстая, не худая – встретишь на улице, не обратишь внимания. А институт тогда был как ярмарка невест. Поэтому, взвесив все за и против, она решила, что гоняться за красивыми мачо или богатыми советскими богачами с плодоовощных баз дело бесперспективное. Проще и надежнее сделать мужчину самой из подходящего материала.

С Прохором и с его братом близнецом Тихоном она познакомилась в институте. Таких разных близнецов нужно было еще поискать. И внешностью и характером. Тихон – себе на уме, был непредсказуемым и совершенно неуправляемым. Больше всего он не любил быть таким, как все. Не носился за джинсами, не слушал рок-музыку. Одевался скромно и не боялся говорить все, что думает. Однажды упрекнул преподавателя истории КПСС в том, что тот, несмотря на то, что сам является коммунистом, дает о партии предвзятую негативную информацию. И это когда все смеялись над чавкающим Брежневым и зачитывались самиздатом с Войновичем, Аксеновым и Солженицыным. Несмотря на это, женщины всегда предпочитали его, а не брата Прохора.

Тот был совсем другим. Всегда модно и дорого одетый,

улыбчивый, с запасом анекдотов на любой случай. Прохор организовывал в институте концерты тогдашних полуподпольных звезд – «Воскресенья» и «Машины времени». Он был знаком с популярными артистами и спортсменами. На всех московских премьерах сидел на первых рядах. Любил производить впечатление и мог бесплатно отдать супердефицитную контрамарку в Театр на Таганке на «Мастера и Маргариту» или на «Юнону» в Ленком.

Но, несмотря на это и на успешную комсомольскую карьеру, с девушками у Прохора ничего не складывалось. Даже доступные веселые пионервожатые, которыми обязательно комплектовалась любая серьезная комсомольская конференция, старались избегать его ухаживаний. И дело было даже не столько в маленьком росте и огромной несуразной голове, сколько в том, что Прохор, очень комплексуя из-за внешности, слишком уж старательно делал вид, что это его не беспокоит. А выглядело это как будто маленький петушок, выпятив грудь, вызывающе задрав клюв, вышагивает между взрослыми большими петухами, показывая, что именно он здесь главный. Проходя мимо, хотелось воткнуть ему повыше копчика пару перьев для большего сходства. Сам Прохор не замечал, что выглядит нелепо, что со стороны это выглядело очень потешным, а смех, как известно, уничтожает любое сексуальное желание.

Софья сразу поняла, что такого орла окольцевать будет очень легко. Она была уже на последнем курсе и в неко-

тором цейтноте. Уезжать из Москвы ей не хотелось. И когда она узнала, что отец братьев работает в ЦК на Старой площади, судьба Прохора была решена. Она буквально за месяц сделала из него зомби. Развлекаясь, она отработывала все приемы соблазнения, и все они давали превосходный результат. Она была и заботливой матерью, и развратной стервой, и скромной девушкой, потерявшей голову от любви, и боевой подругой – соратницей, его надежной спиной, готовой ради него на все. Прохор был счастлив. Свадьба была в помпезном ресторане «Пекин». После свадьбы Софья быстро быстро забеременела и родила дочку. Беременность и роды так ее вымотали, что она решила больше не рожать, несмотря на просьбы мужа.

«Ты же сама подложила Анфису под отца, чтобы быть в курсе всех его дел. Пустила лису в курятник!» – ругала она Софья. Она не ожидала, что престарелый тесть решится жениться.

– Эта стерва совместила сразу две первых профессии и проституцию, и журналистику. А теперь у нас и деньги отжать хочет. Эта мошенница и интриганка ничего не получит, – злобствовала Софья, поднимаясь по лестнице.

– Ты можешь хоть немного помолчать? Здесь же все слушается.

– Вот у тебя отец даже родного сына готов прослушивать. Все вы Романовы одинаковые.

Они поднялись и прошли сквозь двойные высокие двери в огромный зал. Большие зеркала, имитирующие окна, вмонтированные во все стены еще больше расширяли его и без того большое пространство. В это же время с другой стороны в него вошли Юрий Владимирович и Анфиса. До романовской реконструкции это помещение было библиотекой. Сейчас с больших картин в широких золоченых рамах чьи-то предки в бархатных мантиях, подбитых горностаевым мехом, смотрели с нескрываемым пренебрежением на людей, которые с трудом могли вспомнить девичью фамилию своей бабушки.

Настроение Софьи чуть улучшилось, когда она увидела Анфису. Ей даже стало по-женски немного жаль ее: одеться настолько безвкусно надо было постараться. Сразу бросалась в глаза серебристая расклешенная юбка плиссе до колена, которая делала ноги не пропорционально короткими, а главное, а главное, не скрывала очень толстые слоновьи икры и щиколотки. Розовая узкая кофточка должна была подчеркнуть большую грудь, но зачем-то была заправлена за пояс юбки, тем самым подчеркивая выпирающий возрастной Анфисин живот. А сама грудь, в неправильно подобранном лифчике, опускалась слишком низко и казалась обвисшей. Завершала все нелепая прическа. Жидкие каштановые волосы разных оттенков были будто подобраны с полу в парикмахерской, завиты и приклеены на голове Анфисы в нехарактерных для роста волос направлениях.

Естественно, худая Софья в простом черном платье и с ниткой жемчуга на шее, почувствовала себя, по сравнению с ней, аристократкой. Она вдруг вспомнила, как Анфиса пришла к ней на собеседование с шикарной сумкой Chanel. По тому, как она ее держала, было понятно, что сумка ей не по карману. Увидев у Софьи сумочку этой же фирмы, Анфиса по советской привычке спросила, где та ее покупала, естественно упомянув, что свою она привезла из Милана. На что Софья ответила, что она такой ерундой не заморачивается и сумка у нее с ближайшего рынка.

Проход, глядя на Софью, Анфису и на отца в цветной рубашке, подумал, что матросы в черных бушлатах в октябрьские дни семнадцатого года в тронном зале Зимнего дворца смотрелись органичнее, чем они сейчас среди старинных картин с чужими предками.

Глава 5

Когда Софья увидела сияющего тестя, то поняла, что именно сегодня она должна расстроить этот брак, причем любым способом, а иначе романовских денег им не видать. Вот только вариантов, как это сделать, в голове у нее пока не было. Конечно, она могла бы рассказать об Анфисе что-нибудь сомнительное, даже гнусное, но только это ничего не изменило бы. Романов не идиот и знает, что не девочку берет в жены. А сколько и кто у нее там был до него, в этом возрасте значение не имеет.

На большом круглом столе в центре зала были легкие закуски и вино. У стены стояли два официанта, выряженные в красные ливреи и белые панталоны.

– Пожалуйста, прошу к столу, – пригласила гостей Анфиса, показывая тем самым, что хозяйка здесь она.

– Как же мне у вас нравится, Юрий Владимирович, будто в царском дворце! – Софья знала, как Романов падок на лесть и поэтому решила начать с этого. – А ведь дом многое говорит про хозяина. О его замыслах, желаниях... Рано вы все-таки ушли на пенсию. Если бы вы тогда еще лет на десять остались у власти, то сейчас страну было бы не узнать.

Романов, конечно, никуда сам не уходил. В России вообще не принято добровольно отдавать власть, а после того, что он сделал со страной, это было к тому же очень опасно. Его румынского коллегу Чаушеску расстреляли без всякого суда. Кадры расстрела, растиражированные по всему миру, так напугали Романова, что он решил укрепить свое положение.

Для этого он придумал хитрый, как ему казалось, план. Точнее, план ему преподнесли его западные друзья, мотивируя тем, что как глава страны, он их полностью устраивает. Им хотелось и дальше работать только с ним, выстраивая новое мировое мышление. По этому плану необходимо было провести инсценировку переворота, чтобы чужими руками избавиться от лишних конкурентов. А в успехе Юрий Владимирович не сомневался.

Все эти новоявленные оппозиционеры в свое время были выбраны и подняты наверх им самим для того, чтобы блистать на их сером фоне. Большинство из них к тому же еще в молодости было завербовано КГБ и на каждого имелось досье с компроматом. Он прекрасно знал, что сами они ни на что неспособны и при первой опасности попрячутся по щелям, заливаясь водкой и трясясь от страха. Поэтому Романов, дав команду на проведение этого фальшивого переворота, расслабился и уехал отдыхать, чтобы никто не смог обвинить его самого. А когда понял, что произошло ужасное и его предали абсолютно все, включая тех самых западных друзей, менять что-то было уже поздно. Если в царской России при переворотах использовали кинжалы, топоры палачей и обычные табакерки, то нынешние заговорщики ради личной выгоды по совету тех же самых западных друзей просто уничтожили страну, разделив ее на вотчины, которые быстро прибрали к рукам.

У Романова как будто выбили из-под ног табуретку: он полетел вниз. Но петля не затянулась на шее, а наоборот: свалился он на мягкую теплую перину, вставать с которой желания уже не было. Новая власть дала ему все возможное – огромные деньги, и, главное, гарантии личной безопасности. Еще лет десять назад у него бы хватило сил устроить жесткую чистку и за пару дней восстановить и страну, и личную власть. Но сейчас у Юрия Владимировича было все, о чем лет тридцать назад и мечтать не мог, так что стимулов лезть

на трон больше не стало.

Он с усмешкой вспоминал привилегии бывшей советской верхушки. Сейчас они казались нищенскими. Последней каплей было то, что его сын Прохор, которого он видел своим приемником, вместо того, чтобы поддержать отца, оказался в числе самых активных сторонников произошедшего. Именно Прохор предложил день развала страны и свержения отца праздновать как день независимости России. Объяснить подобную глупость своего сына, Романов так и не смог, поэтому решил, что в его измене виновата корыстная стерва Софья. А его сын, безвольный пьяница и подкаблучник, вообще ни на что не годен. И поэтому, зря сегодня Софья напомнила Романову о власти. Ее слова вернули его в те, казалось, уже забытые времена. И его благодушное настроение мгновенно исчезло.

– Про что ты говоришь, Софьюшка, про какие десять лет? – Романов прищурил свои колючие глаза и зло посмотрел на Софью. – Разве не вы с моим глупым сыном больше всех радовались, когда меня на помойку отправили?

– Папа, ну давай хотя бы сегодня об этом не будем, – раздражено сказал Прохор. – Мы же не за этим сегодня собрались.

– Стыдно вспоминать? – все больше горячился Романов. – Некоторые хотя бы на этом кучу денег заработали, а ты как был нищепродом, так и остался.

– А разве деньги главное? – спросила Софья.

– А зачем ты за Прохора замуж выходила? Не ради денег? Ведь у него нет никаких других достоинств – ни внешности, ни ума. А теперь, как оказалось, и денег нет: не нажил.

– Я думаю, что нам действительно сейчас не стоит возвращаться к тем временам, – решила прервать этот опасный разговор Анфиса, – тогда все виделось иначе. Мы же действительно не за этим собрались. Давайте лучше выпьем, – Анфиса боялась, что эти бесполезные выяснения кто виноват, могут помешать главному.

– Подожди, Анфиса, – резко прервал ее Романов. – Ты, Софья, не ответила, зачем страну было разваливать? – он почему-то обращался к Софье, хотя уж она-то точно к этому не имела никакого отношения.

– Папа, я много раз тебе отвечал на этот вопрос, – опять вмешался Прохор. – Ты же сам санки с горки толкнул – убрал социализм, все и понеслось. А без социалистической идеи объединить людей было уже нечем, да и незачем.

– А как же Российская империя? Она сотни лет как-то без социализма обходилась.

– Да вот так, – Прохору этот разговор был неприятен, – где кнутом, где пряником, а где штыками и пушками. Так и обходились. А нам действительно лучше выпить, – у Прохора и так отношения с отцом были натянутые, и портить их еще больше ему не хотелось.

– Вот, обходились же! А без палки ни одно дело не сделаешь. Может быть, если я тебя пару раз палкой взгрел бы хо-

рошо, то и вырос бы поумнее, и не прятался за бабской юбкой, – Романов встал из-за стола и стал быстро ходить рядом с ним по несколько шагов, то в одну, то в другую сторону. Он понимал, что ни Прохор, ни Софья не виноваты в том, что он остался не при делах. Но признавать собственные ошибки не хотелось, и поэтому он злился еще больше.

– Россия сотни лет полмира контролировала, а вы с друзьями из нее сырьевую колонию сделали! – почти прокричал Романов.

– Папа, – Прохор не стал ждать остальных и залпом выпил налитое в бокал вино, – времена изменились. Это при царе Горохе для государства важным было иметь много народа: подати собирать и армию большую иметь. А сейчас, когда есть ракеты и атомные бомбы, это вообще не имеет значения. Да и сомневаюсь я, что безмерное увеличение тогдашней Российской империи совершалось для пользы ее народа. По всем признакам именно тогда Россия и была колонией. Одной большой колонией управлять проще, чем кучей маленьких. Так что, если говорить откровенно, мы лишь освободились от ненужных республик, которые сидели на нашей шее.

– И заодно всю промышленность уничтожили. Кто теперь эти ракеты и бомбы делать будет? Да и подати откуда появятся? – Романов уже не ходил, а почти бегал вокруг стола. Голос его стал визгливым, а все тело нервно подергивалось.

– Дешевле купить то что нужно, и технологии купить, чем

содержать нерентабельные предприятия и институты с бездельниками, а подати... – Прохор опять выпил, наполненный официантом бокал, – а податей никаких нет. Большинство людей за счет трубы живут. Значит, чем людей меньше, тем бюджету выгодней.

– За вашу нефть вам только бусики да зеркальца и дадут. Вы же теперь как папуасы. А с папуасами, какой разговор? Какие технологии? А ты еще и пьяница. Удержаться не можешь: один пьешь.

– Давайте и мы выпьем. У нас сегодня такое событие, – попыталась спасти ситуацию Анфиса.

– Юрий Владимирович, действительно, зачем вы злитесь? – неожиданно поддержала ее Софья. Она еще не знала, что будет делать дальше, но решила, что настал удобный момент для того, чтобы устроить скандал и сорвать свадьбу свекра. – Все это уже «преданья старины глубокой». Молодое поколение и не вспоминает об этом. А мы уже не молодые, нам о вечности надо думать.

– Вот и думай о вечности, – закричал Романов, найдя новую мишень, – а то ты только о деньгах думаешь. Ехала бы в свой Касимов в монастырь грехи замаливать.

– Да у меня грехов не больше вашего. И монастырь подождет. А вот вам может уже и хватит грешить? Вот зачем вам расписываться, а тем более в церковь идти – жили бы так. Никто бы вам слова не сказал. В вашем-то возрасте много бы не нагрешили, – Софья язвительно улыбалась, прекрасно

понимая, что это уже обычное хамство, но остановится уже и не могла, и не хотела. Она получала настоящее удовольствие, глядя на то, как краснеют глаза у готовой разреветься Анфисы, как глотает воздух взбешенный Романов.

– Вы сейчас Прохора пытались непонятно в чем обвинить. А ведь это вы сами, Юрий Владимирович, и страну потеряли, и власть вместе с ней.

– Да замолчи ты, стерва! – попытался прервать ее Романов.

Но Софью остановить было уже нельзя.

– Вы тогда себя не иначе как самодержцем российским представляли, спасителем народа от коммунистического ига, хотя сами всю жизнь в партии на главных ролях. А теперь этот народ, если вас без охраны увидит, на куски порвет. ролях.

Тут Романову захотелось сжать горло невестки своими костлявыми, но еще очень сильными и цепкими пальцами: сжимать и смотреть в ее полные ужаса глаза до тех пор, пока они не станут бессмысленными и остекленевшими. Может он бы так и сделал, но вскочившая Анфиса схватила его за плечи, то ли пытаясь остановить, то ли спрятать от жестких слов Софьи. А та все никак не могла остановиться.

– Раньше у кремлевской стены вождей хоронили с почестями, а вас, я уверена, на этой стене повесят между зубцов. И правильно сделают! Заслужили вы это своим предательством.

Романов почувствовал, как сердце у него опять несколько раз глухо стукнуло, отдавая куда-то в горло, он успел сглотнуть и даже прохрипеть: «Сука подколодная...» А потом сердце провалилось в живот, там потрепеталось пару мгновений и затихло. Софья внимательно смотрела, как Романов падает на пол и думала: «Как все хорошо получилось. Только бы сдох сразу». Она даже мысленно рассмеялась, представив, о чем думает сейчас Анфиса.

Глава 6

Если свернуть от Яузы в Серебрянический переулок, а сразу за храмом Троицы Живоначальной не побояться нырнуть в длинную темную подворотню под старыми купеческими домами, то можно оказаться в замечательном московском дворике. По непонятным причинам он был не тронут ни застройщиками, ни реконструкторами. С двух сторон дворик был огорожен высоким каменным забором, покрашенным бледной желтой охрой. А с двух других невысокими стенами тех самых купеческих домов. Замечательной особенностью этого дворика было то, что заглянуть в него можно было только с бирюзовой колокольни соседнего храма или из окон странного особняка, стоящего за забором. Когда-то от этого особняка до Яузы шла шикарная аллея, но сейчас от нее остались только три древние липы и то, отделенные от самого здания забором.

В темной листве этих разлапистых деревьев уже появи-

лись золотые звездочки цветков и заполнили маленький двор пряным ароматом липового меда.

В тени, под этими липами, на длинной деревянной зеленой скамейке с высокой изогнутой спинкой, сидели два молодых человека – Родион со своим давним другом Томасом.

– Какой же густой вкус у цветущей липы! Его можно в стакан наливать и потом пить через соломинку, – потянувшись и откинувшись на спинку скамейки, сказал Родион. Он вспомнил утренний секс на крыше и улыбнулся, став похожим на кота, объевшегося сметаной. – Люблю липы.

– Липа отдает дворянством, тленом и разочарованием. Мне больше нравятся строгие ели у кремлевской стены, – доставая из сумки большой сверток, ответил Томас.

– Надеюсь, мы не пойдем выпивать к кремлевской стене, по-крайней мере, прямо сейчас? – рассмеялся Родион.

– Нет, конечно. Может, чуть позже... Кстати, культура потребления алкоголя – это показатель культуры, как отдельного человека, так и нации.

– А распитие в общественных местах – это элемент русской культуры или испанской?

– Точно не скажу, но думаю, что если пьют до обеда, то русской, а если после, то испанской.

Если бы существовал летний Дед Мороз, то он был бы похож на Томаса. Почти под два метра ростом, крупный, с длинными черными вьющимися волосами. Своей открытой улыбкой и доброжелательным взглядом Томас Гонсалес

притягивал к себе, как огромный дуб в знойный день притягивает уставшего путника, обещая долгожданный отдых и защиту. Он немного стеснялся своих размеров, особенно длинных сильных рук и всегда боялся что-нибудь нечаянно повредить.

В 1938 году его прадед Энрике Гонсалес приехал в СССР вместе с испанскими детьми, которых тогда увезли от гражданской войны. На родине он был сначала учителем, а потом солдатом-республиканцем. Был ранен под Бильбао, потом еще раз под Арагоном, воевал в горах и закончил войну в уличных боях в Барселоне. После эвакуации в СССР стал опять учителем и продолжил рассказывать маленьким испанцам историю своей страны в подмосковном детском доме в бывшей усадьбе фабриканта Кноппа. Там он влюбился в молоденькую русскую медсестру Валечку. Женился. Весной 1941 года у них родился сын. А в октябре 1941 года они оба погибли под Москвой в один день, совсем рядом от этого детского дома. Энрике – под Волоколамском, а Валя – в расстрелянном госпитале в Солнечногорске, успев почти все: влюбиться, родить ребенка и побыть счастливыми.

– Ты посмотри, что я поймал в мутных Яузских водах, – Томас развернул большой сверток. Из-под нескольких слов плотной серой бумаги сверкнула бронзовым боком, перевязанная в нескольких местах бечевкой, огромная копченая треска.

– Вот это чудо-рыба! А она случайно желания не выпол-

няет? – сразу забыв про Лизу, обрадовался Родион. – Ты бы что загадал?

– О чем можно мечтать в такую жару, как не о хорошей чаше вина! – ответил Томас, доставая из сумки бутылку, два пластиковых стаканчика и пачку салфеток.

– А серьезно? – Родион взял протянутые салфетки и разложил их на скамейке.

– Все чудеса от золотой рыбки заканчиваются разбитым корытом и старой бабкой рядом, – сказал Томас, разливая вино по стаканчикам. – Выпьем за мечты, которые помогают нам просыпаться по утрам.

– За встречу! – добавил Родион.

Они выпили. Вино было терпким и совсем не утолило жажду.

– К такой рыбе и хорошего бочонка маловато будет... Наливай еще, пока не нагрелось, – Родион поставил на скамейку свой стакан и придерживал его, пока Томас наливал.

– А иногда неплохо вот так, прямо с утра, побездельничать, – сказал Томас. Он глубоко, с удовольствием втянул воздух и, отбив пальцами по животу барабанную дробь, достал из сумки еще одну бутылку. – У бездельников есть время оглянуться и осмотреться. Подумать, а туда ли ты летишь в этой «птице тройке»? На что ты тратишь самое ценное, самое уникальное, что у тебя есть? – Он легко снял фольгу с горлышка, протолкнул пальцем пробку в бутылку и наполнил стаканы. – И иногда становится печально.

– Ну, да... Потому что причина печали – несбыточные желания. Нет желаний – нет страданий. Алкоголизм уничтожает желания, а значит и страдания. Значит вино – кратчайший путь к нирване, – Родион когда-то увлекался буддизмом, но вскоре понял, что Россия давно нашла свой путь и оставила далеко позади всю планету в вопросах самоотречения и отказа от мирских благ.

– Ударим алкоголизмом по потребительскому рабству, – поддержал Томас, и они опять выпили.

Минут пять они молча ели рыбу, отламывая руками от хребта большие белые и немного липкие куски, отправляя их в рот.

– Ты опять улетаешь? – спросил Томас. Он достал салфетки и тщательно вытер руки, чтобы еще раз налить.

– Наверное.

– Надолго?

– Пока не сделаю. Может на год.

– Всегда поражался твоей целеустремленности. Медведи, вулканы – все это очень интересно, но целый год. Не жалко?

Родион сказал про год машинально, но сейчас задумался. Здесь все будут встречаться, влюбляться, веселиться, добиваться успеха, а он целый год и в снег, и в дождь будет ходить по лесам, болотам и сопкам с камерой за медвежьим семейством. Да еще и рисковать жизнью. Здесь, в солнечной Москве, это сейчас казалось чем-то нереальным.

– По-другому хороший фильм не сделать, – ответил он

Томасу. – Хотя утром, Лиза, я тебе про неё говорил, предложила сделать другой фильм.

– Ты же завязал с рекламой?

– Это не реклама. Говорит, что на днях здесь, в Москве, что-то произойдет, и я могу быть хроникером этого исторического момента, – Родион усмехнулся. Утром он не отнесся к этому серьезно, а сейчас говорил об этом Томасу, как о чем-то решенном. – Она обещала что-то очень неординарное.

– Лиза. Мы же говорили, что она из Романовых. Они уже сто лет во власти. Им верить – себя не уважать. Они же, как наперсточники: всегда обманут.

– Всю жизнь здесь под липами тоже не просидишь, надо пытаться выбраться, – оправдываясь, ответил Родион.

– Давно это ты надумал? Да и куда выбраться? Разве не замечательно утром выпить хорошего вина, поговорить об интересных вещах с хорошим человеком. Утром выпил – весь день свободен. О чем еще мечтать?

– А не боишься проснуться утром и обнаружить, что ты неудачник?

– Не боюсь. Неудачник не тот, кто вкопал у гаража скамейку от старого Икаруса и пьет понемногу с приятелями, нарежая рыбу с колбасой на газетке на железной бочке. Неудачник – это в голове, точнее это в штанах. Неудачниками нас делают бабы, которые выходят за нас замуж только ради хороших бонусов. А ты вдруг не оправдываешь их надежд.

– Это как? – Родион вытянул ноги и закинул руки за го-

лову.

– Как-как?! Приходишь ты усталый с работы, а тебе: «Вот Люське, моей подруге, муж вчера новую машину купил, а ты мне гвоздички раз в год». Мужик целыми днями от начальника подобную хрень слушает... А представь еще, что его начальник – тупая девчонка, любовница какого-нибудь чиновника... Тогда мужик и сломаться может. Так что если баб не слушать, то неудачником стать невозможно. Ну, или жениться по любви... По крайней мере, будешь знать, за что тебе это все.

– Или вообще не жениться. Ты сам, почему больше не рисуешь? Ты же так хорошо начинал. Не надоело чужое реставрировать? Для кого? – спросил Родион.

Вчера он был твердо уверен, что как только закончит дела, то первым же рейсом улетит на Камчатку. Но разговор с Лизой что-то изменил в нем. «Может действительно не стоит тратить жизнь на никому ненужное кино? А пожить для себя...» Он вспомнил, как Лиза рассказывала про дом в Тоскане. «Можно там снять шикарные фильмы об Италии. К примеру, про итальянский поход Суворова. Целый цикл можно сделать. В тепле и красоте. И главное, востребовано».

– А мне нравится реставрировать, – прервал его мысли Томас. – Я сохраняю прошлое. Без него не будет будущего. Историю всегда используют как публичную девку. Вот эта нам нравится – мы берем, а эта слишком неприглядная – спрячьте ее подальше. Вот я и сохраняю то, что сейчас спря-

тали.

– Получается, что вся история фальшивая и всегда подогнана под определенную власть?

– Ну, в общем-то, да.

– А тогда зачем ты переживаешь о том, что что-то исчезнет? Если власти это не надо, то тебе оно зачем?

– У них свои задачи, у меня свои. Все новые вожди начинают с того, что стирают старое. Совсем недавно церкви взрывали. Теперь семьдесят лет истории пытаются вытравить. Знаешь, сколько хороших картин в запасниках? А сколько вывезли за границу? То коммунисты вывозили, теперь капиталисты вывозят. В Нью-Йорке скоро будет больше нашей современной живописи, чем в Москве.

– Это всегда было и будет. Ты же сам говоришь: кто платит, тот танцует.

– Значит, на Западе наша история нужна, а нам нет? А как же «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», зачем стирать старое? Знаешь где больше всего предметов культуры Древнего Египта? В Лондоне. Если так дело пойдет, то и от нас тоже скоро только пыль останется.

– Ты сам себе ответил: если не стереть старое, не напишешь новое. Нужна чистая матрица.

– Да как же можно стереть Шолохова и Данелия, Пименова и Коржева, Свиридова, Прокофьева, Хачатуряна? Я могу бесконечно перечислять. Да такого расцвета культуры никогда не было в истории России, а может, не было и в мировой.

А чем заменить? Ничего же нет – пустота. Вот и получаются не люди, а зомби с пустой башкой.

– Я не знаю. Честно. Я не хочу об этом думать. Может быть людям важнее что-то другое. Неужели тебе не хочется иметь много денег? – неожиданно даже для себя, вдруг спросил Родион.

– Деньги вещь опасная. Они могут сломать систему координат любого человека. А мне мой мир очень дорог.

– Ты, наверное, там целую вселенную спрятал? – улыбнулся Родион.

– Ага. В моей вселенной мои друзья, с которыми я играю в футбол по четвергам на «Торпедо», где я в детстве провел больше времени, чем в школе, а по средам в моей вселенной я лабаю на гитаре в клубе бывшей картонажной фабрики с несбыточной мечтой дотянутся до Джимми Хендрикса. В моей вселенной моя работа. Когда я разворачиваю старый растрескавшийся холст и вижу мысль, которую давно забытый всеми человек пытался до нас донести... Он же на это годы жизни тратил... – Томас остановился и задумался. – Мои родители, мои предки – вот моя вселенная. А деньги могут все это вмиг разрушить.

– Я понял. Все это очень серьезно. Давай о чем-нибудь другом. Главное, что сейчас у всех есть шанс.

Томас так увлекся разговором, который видимо для него был очень важен, что налил вино только в свой стакан и выпил один.

– Не путай шанс с морковкой на палке перед осликом, – сказал он, вытерев губы тыльной стороной кисти. – Искусство – это оружие массового поражения и всегда под контролем власти. А у нее сейчас идеология проста: ограбь ближнего своего или он ограбит тебя. А если ты не вор и не жулик, и не имеешь денег, то ты лузер, неудачник.

– Мне жена, когда уходила, сказала что-то подобное. Так может она была права? Может не стоит запираяться в хрустальном дворце своих фантазий? Может надо жить только для себя и близких? Делать то, что можно продать, а не то, что никому не нужно.

– Про жену – ты прав, – согласился Томас и еще раз наполнил стаканы. – Иногда мне кажется, что женщин специально обрабатывают в инстаграмах и фейсбуках всякие маркетингологи, а они потом нас накручивают, чтобы мы вкалывали, брали кредиты и покупали ненужную хрень, обогащая всяких жуликов.

– А они потом к этим обогащенным жуликам от нас и уходят, – засмеялся Родион. – Вот это система нового рабовладения, только вместо морковки красивая ... – Родион остановился на полуслове, забыв, о чем говорил: в этот момент из арки подворотни вышла худенькая невысокая девушка и направилась к ним.

– Забыл тебя предупредить. Это Катя, – радостно улыбаясь, представил девушку Томас. – Мы на днях познакомились. Катя, это мой друг Родион.

Глава 7

Девушка подошла и, потянувшись на носках, быстро поцеловала Томаса в щеку. Родион сразу заметил, что под черной майкой без рукавов ничто больше не сдерживает ее красивую высокую грудь. В одной руке у нее была зеленая рубашка, другую она держала в кармане светлых брюк. Русые волосы спереди были убраны под бейсболку, а сзади заплетены в короткую косичку. Несколько мгновений ее насмешливые глаза с любопытством смотрели на Родиона, а потом медленно спрятались в тень козырька.

Она внимательно осмотрелась вокруг и, остановив взгляд на том, что осталось от рыбы, печально улыбаясь, сказала:

– Вот когда по-настоящему понимаешь, что на свидание надо приходиться вовремя.

В эту секунду в голове у Родиона проснулись и сработали крохотные датчики, отвечающие за распознавание «свой-чужой», которые до этого спокойно дремали где-то за гипофизом. Сделав заключение по никому неизвестным параметрам, что Катя не просто красивая девушка, а совместима с их владельцем на сто процентов, эти датчики отправили по нейронным цепочкам нужные сигналы и гипоталамус выпустил в кору головного мозга облачко дофамина, от которого Родион почувствовал легкое, очень приятное расслабляющее наркотическое опьянение. Проще говоря, произошла любовь с первого взгляда. И похожие процессы произошли

в голове у Кати. А может, все было гораздо проще: в небесной канцелярии кто-то покрутил ручку огромного трескучего арифмометра и их имена сошлись в одной строке.

Судьба-пересмешница чаще всего такие подарки делает не вовремя, поэтому люди боятся ими воспользоваться, и испугано делают вид, что это какая-то ошибка. Любовь – чувство нерациональное. И всегда отступает если к ней подойти серьезно и с трезвым расчетом.

Катя опять посмотрела на Родиона. Ему показалось, что в ее взгляде был вопрос: «Ну и как я по твоей шкале?» По шкале Родиона девушка была на пять с плюсом. И, конечно, она это почувствовала.

Ей было лет двадцать пять. Чуть вздернутые вверх, по-детски пухлые губы, делали лицо капризным, но только до того момента, пока она не начинала улыбаться. Когда она улыбалась, то чуть прищуривалась и в светлых зеленых глазах появлялась искренняя заинтересованность и доброжелательность. Когда красивая девушка так смотрит на тебя – хочется сделать невозможное.

Поэтому каждому из приятелей, уже разогретых вином, захотелось показать себя с лучшей стороны. А девушка, видимо привыкшая к таким турнирам, села на лавочку, всем видом демонстрируя свою готовность быть объективным арбитром.

Третьего стакана не было, и Томас согласился пить из горлышка.

– Из бутылки гораздо вкуснее, – сказал он. – Так, что ты говоришь используют вместо морковки? – Томас, усмехаясь, обратился к Родиону, возвращаясь к прерванному разговору.

– Основной инстинкт вместо морковки. Во все времена это лучший стимул, чтобы заставить мужика что-то делать. Без Лауры не было Петрарки, без Беатриче Данте был бы обычным мелким чиновником.

– Что-то я не вижу вокруг ни Данте, ни Петрарки: основной инстинкт пропал?

– Сейчас все упростилось: не нужно писать сонеты или Божественную комедию. Сейчас для завоевания женщины нужны лишь деньги и совсем не важно, как ты их заработал, – опять вспомнил слова своей бывшей жены Родион. – Все вернулось к тому, с чего начиналось миллион лет назад: есть у тебя кусок мамонта – ты имеешь право на воспроизводство, а нет, то ты лишний в эволюционном развитии и твои гены должны быть стерты, – сказал Родион.

– Вот как?! В вечном споре лавочников и поэтов ты начал примерять фартук мясника? Чувствуется романовское влияние, – Томасу не хотелось обидеть Родиона, но из-за присутствия Кати этот спор для него стал принципиальным. – То есть цивилизационный круг замкнулся, и мы вернулись к пещерным ценностям?

– А может, вся цивилизация с ее культурой была пустой болтовней, чтобы человек мог потешить свое тщесла-

вие и гордыню. А чуть подует ветер, и все эти пресловутые ценности рассыпаются, как домик на песке. Может человеку вообще все это несвойственно?

– Это ты о чем? О Нагорной проповеди? Не убей, не укради – это несвойственно?

– Не знаю. Все это красиво звучит, но вот только никак не приживается.

Томас растерялся и не мог найти хорошего ответа.

– А ты как думаешь? – спросил он у Кати, надеясь найти в ней союзника.

Катя, что-то рисовавшая длинной веткой на земле, казалось, не хотела отвлекаться от своего дела и своих мыслей, поэтому долго не отвечала.

– Представляете, один солнечный луч летит миллионы километров, чтобы попасть на липовый лист и помочь ему вырабатывать кислород, без которого бы на Земле ничего не было. То есть ничего живого: ни нас, ни вот этой травы, ни голубого неба – ничего бы не было. Только камни. А другой луч чуть промахнулся, пролетел мимо и попал на серый асфальт. Вот и получается, что эти миллионы километров по бесконечному пустому космосу он летел зря.

– Ты это сейчас нам говорила? Я что-то не все понял, – сказал Томас шутливо.

– Вечно вам, мужчинам, надо все разжевать, – Катя перевернула козырек бейсболки назад и, мягко улыбнувшись, пояснила. – Смысл жизни женщины не стать таким лучом,

а значит нарожать кучу детей.

– То есть цель женщин может быть только одна: воспроизводство себе подобных? – переспросил Томас.

– А что в этом плохого? – Катя посмотрела на него, как будто слышала то, о чем они говорили до ее прихода. – Это мужчины любят бегать из угла в угол, схватившись за голову и причитать: «Быть или не быть». Что чаще всего означает: «Кого мне выбрать на диване к пиву: Реал Мадрид или Спартак Москва». А для женщины все ясно почти с рождения.

– Ну кому-то же надо решать эти важные вопросы, – рассмеялся Родион. – А ведь еще надо разобраться, как нам заселить Марс и Луну, сделать эликсир вечной жизни, построить город-солнце, вернуть полигамные браки. Кто, как не мужчины, могут ответить на эти вызовы?

Катя, по-прежнему улыбаясь, посмотрела на Родиона долгим взглядом и ответила:

– А мне кажется женщины просто смелее. Мужчины так ценят свою жизнь, так боятся проиграть и прожить ее зря, что постоянно пытаются засунуть в нее хоть какой-нибудь смысл. А женщина этого не боится. Она знает свое предназначение. Женщина продолжает жить в своих детях и поэтому живет вечно. У нее одна проблема: не ошибиться в выборе.

– Наконец-то мы узнаем эти самые правила женского выбора из первых рук, – воскликнул Томас. – Только у нас вино кончилось. Здесь за углом есть замечательный магазинчик.

Я оставлю вас буквально на минуту для пополнения запасов.

Он вышел из двора, свернул к реке, вспоминая, где тот магазин, про который сам говорил. Томас был очень деликатным и стеснительным человеком. Он, конечно, заметил, что между Катей и Родионом что-то произошло. «Зачем я их познакомил? А что бы изменилось? Если у человека есть сомнения, они когда-нибудь все равно дадут о себе знать. Ну не сегодня, так завтра. Да еще я сам затеял этот глупый разговор. Может Родион и прав: если ты решил всю жизнь заниматься тем, что никогда не принесет тебе больших денег, то и не стоит заводить семью. Сиди тихо в своем подвальчике. Делай свое дело, а там... Ведь семья – это дети, а дети – это деньги. А денег нет и, скорее всего, не будет. Вот тебе и быть или не быть».

С такими мыслями он дошел до магазина. У входа увидел двух казаков. Томас уже привык встречать в Москве людей, которые непонятно зачем, одевались в казачью форму и вешали на грудь какие-то значки и медали. На этот раз он обратил внимание на нелепые в такую жару начищенные до блеска высокие кожаные сапоги и заправленные в них черные шаровары с широченными малиновыми лампасами. Томас вспомнил старый фильм «Кин-дза-дза» улыбнулся и пошутил:

– Малиновые штаны! Два раза «ку!»

Казаки, скорее всего, не смотрели фильм. Поэтому, не зная как отнестись к словам Томаса, как и всякие неуве-

ренные в себе люди, на всякий случай решили ответить хамством:

– Вали, гнида, отсюда, пока тебя нагайкой по спине не погнажи.

Томас заметил в руках одного из них какую-то плетку и спокойно посоветовал:

– Ты бы парень здесь с этим поосторожнее. Магазин винный – люди нервные.

– Тебя забыл спросить, пьянь волосатая. Сказал, вали отсюда, – казак оттолкнул Томаса и замахнулся нагайкой.

Наверное, этот момент имел в виду Родион, когда говорил, что иногда вся культура исчезает под порывом ветра. В данном случае, вместо ветра была испанская кровь Томаса, которая за какие-то доли секунды закипела у него в голове и казак, даже не успев понять что случилось, уже лежал без сознания на асфальте у самого входа в магазин. Его приятель не стал искушать судьбу и, отбежав метров двадцать, стал звонить кому то по телефону.

Глава 8

Томас ушел в магазин, а между Катей и Родионом появилось неловкое чувство, когда мысли уже ушли далеко, а слова еще не сказаны.

«Наверное, мои просьбы куда-то все-таки дошли... – подумала Катя. – Только вот... Как бы мне не пришлось скучать по своей спокойной жизни».

До этого дня каждое Катино утро начиналось с телефонного звонка мамы. Соседи по комнате в институтском общежитие уже не заводили будильник, зная, что в семь тридцать запоет Селин Дион «Every night in my dreams» с грустью рассказывая, что каждую ночь она видит любимого, который так далеко, что даже непонятно есть ли он вообще. И каждый раз, заверив маму, что у нее все замечательно, что она хорошо кушает и сильно скучает по дому, Катя понимала, что самое страшное, что может произойти, это ее возвращение в родной поселок и работа преподавателем истории в родной школе. Такие мысли взбадривали по утрам лучше любой зарядки и холодного душа.

Жизнь ее матери была для нее примером того, что не надо делать, чтобы в старости не остаться у разбитого корыта. Вместо того, чтобы воспользоваться красотой, которой наградила маму природа, и найти достойного мужчину, она влюбилась в шестнадцать лет в местного мачо: красавца и бабника Сашку Соколова. Свадьбу сыграли, не дождав-шись восемнадцатилетия, а спустя пять месяцев родилась Катя. Но через год отца зарубил топором ревнивый сосед, застав его со своей женой. А еще через год мама опять вышла замуж, теперь уже, как она считала, по расчету. У отчи-ма была черная помятая BMW, продуктовая палатка на проходящей через поселок трассе и двое детей от первого брака. Катя запомнила его всегда потным, жадным и пьяным. Родившийся братик был болезненным и вскоре умер. Дядя

Петя обвинил в этом маму и в итоге вернулся к своей первой жене. Больше мама замуж не выходила, решив посвятить себя дочке.

Окруженная навязчивой и совершенно бесполезной заботой, Катя терпеливо выслушивала мамины советы, хотя уже к четырнадцати годам была уверена, что разбирается в жизни гораздо лучше мамы. Мама мечтала встретить старость в большом красном кирпичном доме, воспитывая двух внуков. Для этого, планировала она, дочка должна получить хорошее образование, стать учителем в их поселке, выйти замуж за порядочного мужчину, с которым они родят ей двух внуков.

Маленький зеленый дом, в котором они жили сейчас, построил перед самой войной еще Катин прадед. В те далекие времена мимо него за день проезжало две-три машины и телега, а теперь он оказался в двадцати метрах от федеральной трассы и в стекла трех его маленьких пыльных окошек часто отлетали камни из-под колес мчавшихся непрерывным потоком автомобилей. Дед Кати в 70-х годах обшил почерневший бревенчатый дом тесом, покрасил в ярко-зеленый цвет и покрыл крышу шифером. С тех пор изменений больше не было. Даже туалетный домик на улице с тех времен не красился. Когда кто-то в студенческом общежитии, где теперь жила Катя, говорил про плохие условия жизни, она вспоминала этот туалет в самом конце двора, до которого зимой по утрам сама чистила в снегу узкую длинную дорожку.

Катя поступила в институт легко. Но не из-за маминых стараний, а из страха прожить в этом доме всю жизнь. Москва ее очаровала в первую очередь безграничными возможностями. Помня горький мамин опыт, она дала себе слово не заводить никаких романов до окончания института. Долгое время из любовного опыта у нее был единственный поцелуй после выпускного вечера. Но на втором курсе, с опаской глядя на новых первокурсниц, которые поразили ее своей наглостью беспринципностью напором, она пересмотрела свою позицию. Катя поняла, что конкуренция огромная, а красота очень мимолетна и легко заменима другими не менее красивыми и более доступными молодыми девочками.

Со стороны она казалась обычной, может быть, даже слишком прилежной ученицей. В институте она носила старомодные очки, и казалось, что у неё нет никаких забот, кроме как получить максимум знаний и, желательно, красный диплом. Катя была уверена, что если уж ей надо сидеть на этих лекциях, то почему бы не получить от этого пользу. К четвертому, последнему курсу она уже считала себя москвичкой. Научилась ездить в метро, не держась за поручень, узнавать по интерьеру некоторые станции и ходить в музеи только на новые выставки.

В институте парней не было совсем. А те пару мальчишек на весь факультет были скорее подружками. От сайтов знакомств осталось ощущение привокзального туалета. На вы-

ставки, в музеи и театры мужчины ходят уже со знакомыми девушками. Поэтому для Кати главный русский вопрос был не что делать, а где взять?

В результате, она решила, что настоящего свободного мужика можно найти только в пивном баре. Одной идти было неудобно, и Катя взяла с собой полненькую очень веселую подругу. В первый же вечер в ирландском пабе на Таганке она познакомилась с Томасом.

Глава 9

Когда Катя с Родионом уже начали волноваться из-за долгого отсутствия Томаса, зазвонил телефон.

– Вот, он сам звонит, – сказал Родион, посмотрев на экран.

Томас рассказал, что произошло у магазина и что его забрали в шестнадцатое отделение полиции на Воронцовом поле. «Вы не беспокойтесь, здесь Вадик Власов работает, мы с ним на «Торпедо» в футбол играли. Так что, протокол составят и скоро выпустят. Погуляйте пока», – успокоил он.

– Он в полиции, а нам предложил погулять, – не очень уверенно обрисовал ситуацию Родион.

– А мы не можем ему помочь? – спросила Катя, явно растерявшись. – Может нам лучше в отделении полиции его подождать?

– Да все нормально. Разберется. У него там знакомый. Говорит, что ненадолго, – ответил Родион, поймав себя на

неприятной мысли, что он рад тому, они остались одни. – Мы можем пока погулять, если ты не против. Когда он позвонит, мы за пять минут подойдем.

Они вышли на Яузский бульвар. Дом Родиона был совсем рядом. Он подумал, что лучше пойти куда-нибудь подальше от него, и они двинулись вверх по тихому тенистому бульвару в сторону Покровских ворот. Катя начала рассказывать про институт, где она училась, но мысли возвращались к тем новым непонятным чувствам, которые у нее появились.

Когда девушка воспитывается без отца, она по-особому смотрит на мужчин. Ей хочется получить то, чего она была лишена в детстве. И получить сразу за все прошедшие годы: много, ласки, много заботы, много тепла. Она мечтает увидеть в своем избраннике человека, с которым не только легко и просто, а за которого всегда можно легко спрятаться. Хотя Томас был, скорее всего, гораздо сильнее и, наверное, добрее, в нем не было такой уверенности, как в Родионе. Наверное, Томас был бы хорошим большим надежным другом. Но сейчас Катя поняла, что он сам большой ребенок и нуждается в хорошей опеке, а она никогда не относилась к женщинам, которые любят нянчиться с мужчинами. «Конечно, когда человек добрый – это замечательно, но когда доброты слишком много, то почему-то всегда мало денег», – думала Катя. Она вспомнила свою мать, которая всегда всем хотела помочь, а сама пришивала оторвавшиеся бретельки на старых лифчиках. «Может, Родион немного циничен, но

зато такие люди совсем не склонны к авантюрам и поэтому Томас в полиции, а Родион здесь, рядом».

Вот и сейчас: они только познакомились, а у неё ощущение, как будто они в детском садике на соседних горшках сидели. Катя догадывалась, что тоже понравилась Родиону. Но насколько? «Нравится – это одно, а что дальше? Томас его друг, а симпатичных девчонок здесь полно. Вон заняли позиции на лавочках вдоль бульвара. В таких шортах я бы даже на пляж не пошла, а они в центре города». Катя посмотрела на конкуренток с некоторым превосходством. «Решать надо прямо сейчас. Скоро вернется Томас и всё – выбирать будет поздно» – неожиданно для себя подумала Катя.

Они уже почти дошли до Покровских ворот. Посмотрели на не внушающие доверия камни от крепостной стены Белого города и, пропустив красный трамвай, свернули на Маросейку. Там было шумно, душно и многолюдно. Немного потолкавшись между вечно спешащими прохожими, свернули в тихий Петроверигский переулок.

– Ты любишь историю? – вдруг спросил Родион, вспомнив, что когда они еще шли по бульвару, Катя рассказывала ему, что учится на историка в педагогическом институте.

– Ну, ты и тормозишь! – рассмеялась Катя. – Мы уже пол-Москвы прошли.

– Да я что-то задумался, – улыбнулся Родион. – У меня такое бывает. Извини.

– Как тебе сказать? Даже не знаю, – попробовала честно

ответить Катя. – Но я точно не готова всю жизнь посвятить поискам того, кто сплел ту корзину, в которую упала голова бедной Марии Антуанетты, если ты об этом.

– А почему тогда история? Хочешь быть учителем?

– Это тоже вряд ли, – Катя помолчала и шутливо добавила: – Лет через двадцать моему мужу одной моей красоты будет мало и я, чтобы он не заскучал и не убежал к другой, буду развлекать его всякими увлекательными историями, как Шехерезада.

– Ты уже знаешь, что будет интересно слушать на ночь твоему мужу?

– Конечно, знаю! Я же сама его буду выбирать, – Кате очень хотелось сказать, что именно этим она сейчас и занимается, но побоялась, что Родион может не оценить ее юмора.

– То есть ты знаешь, кого ищешь? – спросил он.

– Знаю, конечно – москвичка с квартирой, – рассмеялась Катя. – И еще я знаю сто честных способов его обольстить. Дело за малым: где его найти?!

– Ну, вообще-то, я и есть москвичка с квартирой.

– Ну, значит, я тебя и искала. Можно приступать к обольщению, – Катя сказала это вроде бы в шутку, но в то же время попыталась из-под бейсболки незаметно заглянуть в глаза Родиона в надежде найти там

какие-нибудь подсказки.

– Справишься? – спросил Родион и осторожно поддержал

ее за локоть, переходя на другую, тенистую сторону улицы.

«Я-то справлюсь, – подумала Катя, – а как быть с Томасом? Для тебя, мне кажется, это тоже самая важная проблема». Мысли у нее смешивались и наслаивались. Она всегда и во всем предпочитала полную определенность. И не любила любую фальшь, жеманство и притворство. «Почему у людей есть возможность скрывать за словами свои мысли и желания. Скольких бы проблем удалось избежать, если бы люди общались не словами, а чем-то, что нельзя подделать. Ведь тогда ни слукавить, ни тем более обмануть было бы невозможно. Все было бы проще и честнее... Проще ли? Зачем я тогда осталась у Томаса – ведь не хотела. Решила довериться судьбе. Всего одна ночь, а теперь все так сложно. Хотя если бы не было той ночи, то не было бы сейчас Родиона. Но что произошло, то произошло и вернуть назад ничего уже нельзя. Если опять положиться на судьбу, то через час нельзя будет вернуть вот эти самые минуты. Может дождаться Томаса и сказать: «Томас, наша встреча была ошибкой – мне нравится твой друг?» А друг-то вообще в курсе моих планов? Почему я решила, что Родион влюблен?»

– Ау! Так что там с обольщением? – прервал ее размышления Родион. – Не только я торможу.

– С этим никаких проблем. Ты же сам говорил, что только мужчина с куском мамонта имеет право на воспроизводство своих генов, – Катя вспомнила их разговор во дворе. – А так как мяса всегда на всех не хватает, то у женщины тоже

должно быть свое оружие.

– И ее оружие – искушение? – спросил Родион.

– Женщина миллионы лет сидела в углу пещеры и от того, кого выберет мужчина, зависело, получит ли она свой кусок или нет, а значит, выживут ли или нет ее дети. Так что выживали те, у кого это получалось лучше. Естественный отбор. Это если продолжать твою же мысль, – пояснила она с улыбкой.

– Как здорово ты это повернула. Я так и думал, что это искусство у женщины в генах, – засмеялся Родион.

Катя никогда не было так легко с мужчиной. Она вспомнила, как непонятно зачем часто пыталась подстроиться под каких-то ненужных ей мужчин. Чтобы дать им возможность почувствовать свою значимость, могла долго слушать несбыточные бессмысленные проекты. Поощрять вопросами, делать вид, что открывает для себя с их помощью новый непознанный мир. Сейчас она подумала: «А зачем я это делала? Жила бы потом с каким-нибудь самодовольным болваном и всю жизнь слушала всякую хрень?» Она чуть отстала и сзади посмотрела на Родиона: «Может я сейчас все выдумала, потому что мне самой захотелось, чтобы он был особенный? Может мне все померещилось? А этот Родион такой же болван...»

Катя зря сомневалась в чувствах Родиона. Он, естественно, пытался говорить себе, что влюбляться в девушек друзей очень плохо. И тоже сомневался, что может это и не любовь

вовсе, а просто вино обострило или наоборот, затуманило его мысли. Но в глубине души он понимал, что уже не может контролировать появившееся еще там, в дворике, волшебное чувство, для которого тысячи лет ищут и не находят никакого объяснения. Что его магия гораздо сильнее и важнее любых правил.

Но Катя о его мыслях могла только догадываться. Из-за неразрешимых сомнений появилось болезненное беспокойство, а потом недовольство собой. Она обратила внимание на девушку у витрины магазина одежды, которую пытался тянуть за руку нетерпеливый молодой человек. Та не спешила, демонстративно разглядывая то яркие короткие платья на манекенах, то ценники внизу. Катя улыбнулась, понимая задачи каждого из этой пары.

– А еще у красивой девушки есть метод, который всегда работает, – сказала она. – Стоит ей только слегка намекнуть, что возможен секс, у мужиков испаряются мозги, и они становятся как зомби. Только с повышенным слюноотделением. Видел зомби в кино? Голову набок. Глаза бессмысленные. Ручки скрючены. И гребут маленькими шажками куда их направят, – Катя очень убедительно изобразила медленно плетущегося зомби.

– Да... В умелых руках это смертельное оружие, – смеясь, согласился Родион. – Но это уже не законные приемы, это как удары ниже пояса.

– Если бы мужики не мечтали переспать с любой симпа-

тичной девушкой, то этот метод бы не работал. А так они готовы хоть на бойню пойти, если их правильно поманить. А если это еще и секс без всяких обязательств, то забудут и про жен, и про детей, и про друзей – хоть ноги о них вытирай. Тряпки, а не мужчины, – Катя подумала, что сейчас сказала много лишнего: «Вечно я не могу вовремя остановиться».

– Основной инстинкт – куда против него. У всех есть слабые места, – Родион сделал вид, что не заметил слова про друзей. «А она права, вот я уже почти и зомби», – подумал он.

– А какие у женщин слабые места? – с любопытством спросила Катя.

– У каждой свои. Вот, к примеру, возьмем провинциальную девушку, мечтающую выйти замуж и остаться в Москве.

– Ты про меня? – уточнила Катя.

Родион улыбнулся, посмотрел на нее и, не уточняя, продолжил:

– Естественно, она хочет показать себя прекрасной хозяйкой. Но в то же, она не хочет показаться слишком доступной и поэтому делает вид, что стесняется napроситься в гости к одинокому мужчине. Значит надо подыграть. Позвонить ей как-нибудь вечером, рассказать как тебе грустно. При этом обязательно упомянуть, что так грустно, что не ел уже два дня, да и холодильник пустой. Для нее это приличный повод приехать спасти знакомого от голодной смерти, а заодно

и показать себя хорошей хозяйкой. В результате через час у тебя дома великолепный обед и девушка, готовая показать, что умение готовить не единственное, что она умеет.

– Это сейчас разве не ниже пояса? – Катя прищурилась.

Родион понял, что тоже немного переборщил и решил все свести в шутку:

– А ты умеешь готовить?

– А у тебя есть что-нибудь в холодильнике? – Катя засмеялась. – Ты знаешь, а на первом курсе я бы повелась.

– Ну, соблазнить человека не совсем честными методами можно, а как потом?

– Знаешь, я сейчас тоже об этом подумала. Соблазнить, а потом терпеть всю жизнь чьи-то недостатки? Ради чего?

– И что решила? Ради чего? – спросил Родион.

Катя резко остановилась, развернулась, встав перед ним и загородив дорогу, и задала вопрос:

– Может ради любви?

Родион взял козырек Катиной бейсболки, который мешал ему видеть ее глаза и повернул его назад. Этот жест можно было расценить и как желание поцеловать. Она не шелохнулась. Он увидел в ее глазах совершенно понятный призыв: «Ты мужик тебе и решать». И почему-то вспомнил медведицу на Камчатке.

– Подожди. Так нельзя, – он сделал шаг в сторону.

«Как скажешь», – подумала Катя.

– Вон лавочка, давай присядем, – предложил Родион.

Они сели под красивыми ясенями напротив серо-голубого здания с белыми колоннами, похожего на купеческий особняк за чугунным забором.

– Хочешь, расскажу тебе одну историю про любовь?

– А в твоей истории будет приезжая невеста?

– Главной героиней, – Родион повернулся так, чтобы смотреть на Катю и продолжил, – был такой неплохой поэт Афанасий Афанасьевич...

– Я знаю. Тот, который: «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало?»

– Вот-вот. Так он в какое-то время жил в этой усадьбе. У него в юности проблемы были и с дворянством: то его признавали дворянином, то отнимали дворянство... Еще больше было проблем с деньгами...

– И из-за этого он стал поэтом?

– Может быть, но я не об этом. Он влюбляется в приезжую прекрасную юную девушку Марию Лизич, дочку бедного сербского офицера, служившего в Российской армии. С первого дня знакомства с Машей они на одной волне: вместе сочиняют стихи, читают романы, понимают друг друга с полуслова. Но денег на жизнь нет. И поэт говорит своей возлюбленной, что им надо расстаться. А на следующий день произошла трагедия. То ли случайно на ней платье загорелось от лампадки, то ли она сама...

– Какой ужас! Она сгорела заживо?

– Да.

– То есть он ходил-ходил в дом, обнадеживал, а потом, когда пришло время жениться, убежал, потому что она была бедная? А что потом?

– А потом он женился на уже немолодой, не очень красивой, но очень богатой купчихе. Купил на ее деньги имение, в котором катался на коляске запряженной осликом. Ему очень нравилось быть помещиком. А потом и дворянство получил. Говорят, хотел на старости покончить жизнь, но не успел – умер от инфаркта сам.

– Он умер еще тогда, когда поменял любовь на деньги. А за свое предательство мучился всю свою жизнь, – Катя встала со скамейки. – Пойдем отсюда. Мне не нравится этот дом.

– А может и не мучился, писал стихи про любовь, жил в довольстве и в богатстве, – встал Родион, – а так бы сгинул в нищете. И куча детей орала бы от голода. В таких условиях любовь быстро бы кончилась, а нищие дети остались бы.

Они пошли дальше. Катя взяла его под руку.

– А так что делали его дети? – спросила она.

– У него не было детей.

– Так ему и надо. Не заслужил.

– А вот у Пушкина было пять детей, и женился он по любви. А погиб в 37 лет на дуэли, спровоцированной женой и весь в долгах.

– Зато он солнце русской поэзии.

– А ему что от этого после смерти? Счастливым надо быть

пока жив.

– Хорошая история. А зачем ты мне ее рассказал?

– Это история не про любовь, а про выбор. Может возможность выбора лишь иллюзия. Ты веришь в судьбу?

– Есть судьба или нет, я не знаю, – после небольшого раздумья ответила Катя. – Но я думаю, что в нас с детства заложено все, что определяет наши поступки на протяжении всей жизни.

– То есть у Фета с детства было где-то заложено, что он выйдет за богатую купчиху?

– Ну да, его комплексы. Ты же сам сказал: проблемы с дворянством, жажда денег, – Катя остановилась и отвечала, глядя прямо в глаза Родиона.

– То есть выбора нет и все решено? – спросил он .

– Выбор есть всегда, – очень тихо ответила Катя. – Мне часто снится, что я стою перед двумя дверями, и пытаюсь угадать, какую мне открыть. За одной сырой темный подвал, а за другой светлая солнечная комната...

– Вот бы знать, за какой дверью счастье, – добавил Родион и взял Катю за талию.

– Наверное, как всегда. За той, которая за нарисованным очагом. А еще нужно найти ключик от этой двери. «Полночный ключик от чужой квартиры, да гривенник серебряный в кармане», – продекламировала Катя и, чтобы освободиться, сделала шаг назад.

Родион отвлекся от своих мыслей и увидел, что они до-

шли до памятника Осипу Мандельштаму. Именно сейчас он отчетливо понял, что хочет прожить с Катей всю оставшуюся жизнь. Но в его квартире на спинке стула висели Лизины вещи, о которой он совсем забыл. А главное, что девушка, которую он любит, подруга его лучшего друга. Он посмотрел на неё и увидел в ее глазах, что она знает все его мысли.

И в этот момент Родиону позвонил Томас. Они оба долго смотрели на звенящий в руке телефон, а за мгновение до того, как Родион ответил, Катя сказала: «Передай ему, что у меня важные дела и я ему позвоню позже». Быстро повернувшись, она пошла к метро.

Глава 10

Через десять минут Томас рассказывал Родиону о своих приключениях. Они сидели у большого, от потолка до пола, окна, недавно открывшейся пиццерии. На светлом деревянном столе без скатерти на круглых зеленых картонных подставках стояли два запотевших бокала с пивом. На улице было очень жарко, а здесь кондиционеры работали так сильно, что на руках появились мурашки.

– Понимаешь, Родион, я сам переживаю: когда я делаю что-то плохое, то у меня самого на душе паршиво... Сто раз говорил себе: не горячись, сдерживайся. Добро позитивно, а сделанное зло всегда только разрушает.

– Чтобы относиться к людям по-доброму, надо научиться прощать их слабости и недостатки, – ответил Родион, думая

совсем о другом.

– Как это прощать? Признать факт, что вокруг полно подонков

и мерзавцев и их уже не переделаешь? – горячился Томас. – И пусть они делают что хотят? Так что ли? Этому я никогда не научусь.

– Зато лицемерам всегда лучше живется.

– Может и так. Но как жить? Себя не уважать?! Я так не умею, – Томас взял бокал и с огромным наслаждением сделал несколько больших глотков. – А ты знаешь, почему меня так легко отпустили?

– Вадик помог?

– И Вадик конечно. Но, главное, что они там, в полиции, сами очень плохо относятся к этим казачкам. Ведь это не настоящие казаки, а какие-то ряженные. Их набрали непонятно откуда, непонятно кто. Живут они

в воинской части. Им даже деньги платят.

– Может патрулировать будут вместе с полицией, – предположил Родион.

– Менты тоже так думали. Но у них такие терки начались... Говорят, там половина уголовников. Они сами ментов ненавидят. Конфликты каждый день. И вообще, Вадик думает, что готовится что-то непонятное. И скорее всего паршивое. Так что может твоя Лиза и не врала, когда обещала тебе интересный материал.

В этот момент принесли пиццу. Томас сделал большой

глоток пива и спросил:

– Кстати, как тебе моя Катя?

– Хорошая девушка. Я, пожалуй, пойду домой. Ночь плохо спал. Устал очень, – Родиону давно уже не было так стыдно перед самим собой. Он чувствовал себя виноватым и перед Томасом, и перед Катей, и перед Лизой.

– Ну, давай. А я еще посижу. Выпью за свободу.

Глава 11

В квартире еще пахло Лизиными духами. Родион зашел в душ – кран смесителя украшала оранжевая велюровая резинка для волос. Он давно заметил, что женщины любят метить свою территорию. «Дай волю, клеймо бы на лоб ставили, – усмехнулся он. – А мужики? Паранджу на голову и сиди в гареме за забором всю жизнь – мое!»

На старом комодe стоял советский проигрыватель, за стеклянными дверками на полке чуть выше – виниловые пластинки. Родион поискал и вытянул из пачки одну из них. Аккуратно вытряхнул ее из конверта, протер пыль, установил на гофрированную круглую резиновую площадку и нажал кнопчку. Черный диск с розовой наклейкой в центре закружился вокруг оси. Он очень осторожно опустил на него иглу звукоснимателя. После привычного легкого поскрипывания из двух больших колонок на полу раздались звуки свиридовского вальса к «Метели» Пушкина.

– Попробуем все спокойно обдумать, – сказал вслух сам

себе Родион и пошел на кухню за чаем.

Процесс заваривания действовал успокоительно. Он залил в темно-синий чайник немного кипятка, снял с полочки две стеклянные банки в форме граненых бочонков. В одной был черный чай, а в другой высушенные листки мяты. «В холостой жизни есть свои плюсы: всегда знаешь, что где лежит». Взболтал кипяток в чайнике и вылил его в раковину. Потом засыпал полную столовую ложку чая и четверть ложки мяты. Через пять минут он сидел в комнате за круглым столом и наливал себе свежесваренный чай. На столе на зеленой скатерти лежала коробка конфет, купленная Лизой. «Обложила как волка красными флажками и загоняет под каблук, – пришло в голову Родиону. – Но если тебя кто-то ловит, значит, ты кому-то еще нужен».

Родион встал и собрал в пакет все Лизины вещи. «Если бы так можно было решить все проблемы: сложить в пакет, завязать узлом и в дальний ящик или лучше в мусоропровод. А потом еще поменять флешку в голове на новую. И проколоть курс антибиотиков для верности».

Родион взял карандаш и листок бумаги. Положил перед собой. «Может это не самый хороший метод, но я не знаю, как сделать лучше. Это хотя бы можно назвать ответственным подходом». Он вспомнил свой первый брак. Тогда все решилось очень быстро и почти без его участия. Семейная жизнь напоминала какой-то сериал, в котором он играл чужую роль.

«Что мы сегодня имеем? – он провел линию разделившую листок на две половины. На одной написал «Лиза», на другой «Катя». – Может проще взять монетку: орел или решка? Было бы проще и может даже эффективнее. Но это мы пока отложим. Монетку бросить я всегда успею. А чтобы совесть была спокойна, попробуем, перед тем как положиться на судьбу, хотя бы немного поразмышлять. Для этого представим, что будет хотя бы через год».

Родион понимал, что Лиза амбициозна. Для нее важнее карьера, а не семейная жизнь. Даже если их отношения и продлятся какое-то длительное время, то вряд ли они для обоих будут самым важным делом в их жизни. Поэтому вполне можно сохранить относительную свободу и независимость. А если ее предложение снять фильм в Москве, окажется неинтересным, можно уехать опять на Камчатку, никого сильно не обидев.

«Это очень хорошо, – он обвел ее имя и рядом поставил большой плюс. – А вот с Катей так не получится, – Родион нарисовал в квадратике профиль ее лица, таким, как его запомнил и почувствовал, что о Кате ему думать приятнее, чем о Лизе. – Это не самый хороший сигнал. Сейчас эмоции могут только помешать. Так, что с нами будет через год? Если смотреть на вещи реально, то, скорее всего, через год будет ребенок. Значит, Катя будет иметь возможность мной манипулировать. Вряд ли она будет рада, если я уеду на долгое время куда-то далеко. А может мне и самому не захочется

куда-то уезжать. Следовательно, в этом случае я буду опять снимать какую-нибудь ерунду в Москве. Кажется, что я уже это проходил. Зато любовь. А что такое любовь? Даже если она есть у меня, то это совсем не значит, что она есть у Кати. Может все дело в желании найти москвича?»

Он вспомнил, как она смеялась, как грустила. Как легко менялись ее эмоции, и как это отражалось на ее лице. «Нет, – уверенно решил он, – такие люди совсем не умеют обманывать. Да у нее все мысли в глазах».

«Москвичей испортил квартирный вопрос!» Родион вспомнил, как они жили здесь мамой, когда она была жива. Пятнадцать квадратных метров на двоих и крохотная кухня без окна. Раньше вместо квартиры здесь была подсобка для уборщиц и техников, обслуживающих дом. «Если ребенок родится, квартиру придется менять. Это еще один минус».

Было душно. Он открыл балкон и вышел на улицу. Из-за жары не было видно даже пенсионеров, которые обычно играли в домино в соседнем сквере. Захотелось искупаться. «А может уехать с Катей куда-нибудь в Камбоджу на необитаемый остров с маленькой лагуной? Дети с листиками от пальмы вместо трусов собирают кокосы и бананы. А мы с Катей плещемся в бирюзовой воде...»

Родион вспомнил, как впервые увидел Катю в тот момент, когда она вышла из арки во двор. Он опять ощутил легкое и приятное головокружение. И понял, что он решает совсем не ту задачу. Вопрос не в том кого выбрать, а в том сможет

ли он без нее жить или нет. А значит решить, что для него важнее: Катя или все его прежние планы и мечты.

– Планы и еще лучший друг, – сказал он вслух сам себе и вернулся в комнату.

«Томас перечеркивает все эти расчеты. Тупик. А может поговорить с ним? И что я ему скажу? Томас, ты мне друг, но мне очень нравится твоя девушка. Может, мы как-то договоримся? Чушь какая-то! В лучшем случае он даст мне по морде и будет абсолютно прав».

Родион опять сел за стол и налил в чашку остатки чая. Сделал глоток. Чай был крепкий, но уже остывший.

«А может дело совсем не в Кате? А может тебе самому не хочется никуда ехать? Не хочется несколько месяцев сидеть с камерой рядом с диким зверем с непонятным итогом. А ведь эти звери могут и сожрать... Для чего я рискую? Кому это нужно? Просмотры на «YouTube»? Да красивая девчонка наберет в сотни тысяч раз больше просмотров, просто показывая свои сиськи. Может поэтому ты и решил найти себе причину, чтобы никуда не ехать, а сидеть на диване с молодой женой? И ради этого готов даже увести ее у лучшего друга?»

Родион вспомнил, какими глазами Томас смотрел на Катю. «Надо срочно уезжать. Плюнуть на предложение Лизы и к медведям!»

В этот момент в прихожей задребезжал дверной звонок. Родион сделал несколько шагов к двери. В тот же момент

сильный порыв свежего ветра ворвался в открытую балконную дверь и чуть не сорвал светлые занавески. Родион на мгновение растерялся, не зная, что сделать в первую очередь, но потом шагнул в коридор и открыл входную дверь. За ней стояла Катя и смущенно улыбаясь, смотрела на Родиона.

– Я не стала ждать, пока у тебя опустеет холодильник, и ты меня пригласишь, – сказала она, надеясь шуткой скрыть свое волнение.

– Как ты меня нашла? – удивленно спросил Родион. Ответа он ждать не стал, а аккуратно взял в ладони ее лицо и поцеловал.

Спустившись в метро, Катя не успела заскочить в уходящий поезд и села на лавочку в нише из бордового мрамора. «Может доучиться, получить диплом и просто уехать домой? Москва, Москва! Да свет клином, что ли, на ней сошелся? Живут же люди и в других местах», – думала она.

Вспомнила родной дом у трассы с пролетающими под окном машинами. «А что дальше? Найти работу в школе – не проблема. А вот найти мужа сложнее. Какой у меня выбор? – Катя встала и остановилась у дверей подъехавшего поезда, пропуская выходящих людей. – Если отбросить алкашей и бездельников, которых больше половины, то выбор не очень большой. Пару чиновников, с богатым семейным прошлым, кавказские бизнесмены уровня «палатка овощи-фрукты», и сосед тракторист Рома, влюбленный в меня

с первого класса. Упрямая статистика говорит, что в двух случаях из трех люди расходятся в первый год совместной жизни. В моем случае, вероятность развода еще больше. И что будет с ребенком и со мной? А будет все, как у мамы». От этого вывода она разозлилась.

«Ну, уж нет, только не это. Дома мне точно делать нечего. Томас хороший добрый, но очень несерьезный. Куска мяса мамонта от него не скоро дождешься. Родион хотя и не олигарх, но под моим руководством... А мораль в этом деле не лучший помощник. Так что будет правильным...» – Катя, даже не успев закончить мысль, повернулась и почти бегом побежала по платформе и потом вверх по эскалатору.

Глава 12

– Как-то очень стремительно все у нас получилось, как будто под лавину попали, – Катя лежала на плече у Родиона счастливая и даже не пыталась делать вид, что о чем-то переживает. Если бы он сейчас погладил ее по голове, то она бы заурчала от удовольствия, как кошка.

– Может быть, это и есть любовь с первого взгляда, – спросил Родион. – Сносит все на своем пути. Как ты думаешь? – он знал, что скоро голову заполнят назойливые как ночные комары мысли, но сейчас колдовство первых поцелуев еще действовало и защищало от неизбежных забот.

– Я не знаю, что такое любовь и, вообще, не очень уверена, что когда-либо влюблялась, – разоткровенничалась Катя.

– Ну у тебя были же какие-то встречи?

– Конечно. И каждый раз я думала, что вот это и есть любовь. А потом... Хочешь, я тебе расскажу про первый поцелуй?

– Конечно.

– А ты не будешь ревновать?

– Не знаю. Постараюсь.

Если бы Родион ответил что-то другое, то Катя все равно бы рассказала.

– Когда мне было 14 лет, мне первый раз показалось, что я влюбилась в мальчика.

– А мальчик был совершеннолетний? – Родион повернулся на бок лицом к Кате и с улыбкой смотрел на нее.

– Ему, наверное, было столько же лет, как и мне. Он приехал на лето. К бабушке, наверное... Но это все неважно. У нас там особо и гулять негде, и поэтому под утро мы оказались на железнодорожных путях на маленьком мостике из деревянных шпал над речкой с темной водой и с кувшинками.

– Как романтично.

– Ты точно не будешь ревновать? А то я не буду рассказывать, – Катя тоже повернулась лицом к Родиону и сейчас их лица были совсем рядом.

– Не буду. Продолжай, – Родиону показалось, что она рассказывает сейчас не о каком-то постороннем мальчике, а о их далеком первом свидании, о котором он почему-то забыл.

– А дальше он решил меня поцеловать.

– А ты?

– И я, – Катя смотрела не в глаза Родиона, а куда-то глубже. Прямо туда, где живут его мысли. – Мы прижались губами друг к другу и так и стояли почти час, – продолжила она рассказ. – У комаров был пир. А мы не знали, что делать дальше. Хорошо, что загудел поезд, и нам пришлось закончить наш долгий поцелуй. Иначе комары выпили бы всю нашу кровь.

– А дальше?

– А дальше ничего не было. С тех пор я еще несколько раз думала, что влюбилась, но потом оказывалось, что это совсем не то, о чем я мечтала.

– А как ты понимала, что это не то?

– Я не знаю. Я чувствовала.

– А сейчас что ты чувствуешь?

– Я чувствую, что счастлива.

Утром, когда Катя была в ванной, Лиза открыла дверь ключом, который ей вчера дал Родион. Лиза была умной девушкой и сразу все поняла.

– Когда ты все успеваешь? – спросила она, иронично улыбалась. У нее было огромное желание разнести квартиру, но она сдерживалась.

– Извини, но так получилось, – Родион достал пакет с вещами и протянул Лизе.

– Спасибо что не выбросил. Несмотря на все это, – она

посмотрела вокруг, неопределенно покрутила в воздухе кистью руки, – мое предложение остается в силе. Так что когда закончишь, позвони. Дела есть дела.

Лизе очень хотелось удержать свою ярость, но не получилось и захлопывая дверь, она вложила в это столько сил, что старенькая деревянная дверь чуть не слетела с петель. В этот момент из ванной вышла Катя. Она все слышала и так как тоже не была глупой девушкой, все поняла.

– Главное, ты не переживай. Лучше сделать и покаяться, чем не сделать и раскаяться, – сказала она застывшему Родиону.

Катя не стала хлопать дверью, но добавила перед уходом: – Нам не за что ни каяться, ни раскаиваться. Закончи свои дела. А я закончу свои, – Катя поцеловала его в щеку и не дожидаясь лифта, пошла вниз по ступенькам.

Через пять минут после того как она ушла, позвонил Томас.

– Катя куда-то пропала, телефон не отвечает, – сказал он. – Вы когда с ней вчера расстались, она куда пошла?

– В метро, – ответил Родион. – А ты сейчас где? Нам надо поговорить.

– Я дома. Приезжай.

Родион вышел на балкон. «А как ты хотел? За все надо платить. И теперь уже поздно ехать на Камчатку и прятать голову в песок».

После произошедшего у Юрия Владимировича, Софья хоть и добилась, чего внутренне желала, но и ей самой это дорого стоило. Ее качало и трясло, она боялась, что может в любой момент свалиться в обморок. Поэтому, оставив Прохора с Анфисой заниматься врачами и свекром, сама побежала в единственное место, где она могла отдохнуть и успокоиться.

После того, как в 45 лет в паспорт вклеят последнюю фотографию и седина на оставшихся волосах уже не вызывает паники, наступает время, когда молодых любовниц заводят не только для того чтобы наслаждаться их упругим и гибким телом или нежной шелковистой кожей, но и совсем по другим причинам.

Довольно часто на этот риск идут, чтобы банально похвастаться перед друзьями длинноногой моделью, так же, как хвастаются моделью нового автомобиля. Но и это не основная причина. Юные барышни с хищными глазами появляются в жизни стареющих донжуанов одновременно с нарастающим страхом приближающейся смерти. Нежелание принять неизбежное, приводит к жалким попыткам найти эликсир молодости в объятиях меркантильных красавиц. Как страус в страхе прячет свою голову в песок, так стареющие маразматика тыкаются свой плешью в юную грудь в последней надежде найти там спасение. Очень быстро, казалось неглупые

успешные люди, превращаются в жалких клоунов, и вызывают уже не зависть, а смех за спиной. Потому что нет ничего смешнее молодящегося старика с презирающей его любовницей. И ведь каждый из них, скорее всего, еще помнит старичка-царя, Шамаханскую царицу и золотого петушка до смерти заклевавшего поглупевшего вдруг Додона. Но каждый думает, что это не про него.

Болезнь становится неизлечимой, когда человек начинает верить дежурным словам своей молодой меркантильной подруги, что их связь основана совсем не на его денежной помощи, а на искренних чувствах. Если в случае насморка или чего-то подобного, заботливые друзья непременно посоветуют обратиться к врачу, то в этом случае они вряд ли попытаются остановить подвинувшегося рассудком человека. Никто не захочет вмешиваться, потому что прекрасно понимает, что лекарства от этого затмения нет, а превратить друга во врага бесполезными советами можно очень легко. А некоторые знакомые даже будут поощрять подобные приключения, надеясь позлорадствовать в скором времени на обломках разбившихся надежд. Стареющие женщины с молодыми любовниками встречаются реже, но порой выглядят еще глупее.

Софья долго не признавала себе, что помогает Руслану, молодому художнику, не только с благотворительными целями. Свою заботу она объясняла желанием помочь провинциальному бедному юноше раскрыть его талант. Большие

деньги, которые она тратила на аренду для него студии-мастерской в самом центре Москвы рядом с ее домом, она называла долгосрочными вложениями, так как взамен она получала часть его картин, которые, как она говорила, в скором времени будут стоить безумно дорого. «Это будет новый Мунк, а я буду его музой». Естественно, предполагая лишь платонические отношения.

Год назад, Софья, готовясь к какой-то давно уже всеми обсуждаемой театральной премьере, обнаружила, что никто из старых поклонников уже не звонит и не приглашает. Дело дошло до того, что она даже предложила Прохору съездить на спектакль и развлечься. На что получила обидный совет: завести собаку и развлекаться сколько угодно. Ей стало так обидно, что она еле удержалась, чтобы не разбить стоящий у него в кабинете огромный глобус, на котором как на дисплее менялись изображения, характеризующие выбранную нажатием пальца страну. В театр она тогда не поехала, а пошла в мастерскую к Руслану.

Там, неожиданно для себя, она начала рассказывать ему, что они с Прохором уже несколько лет не живут как муж и жена. Что она стареет и что даже на спектакль ей пойти не с кем. А скоро все ее заботы будут о таблетках и врачах. Софье стало так себя жалко, что она расплакалась. Руслан сидел напротив нее, часто хлопал глазами, не веря, правильно ли он ее понял. А если правильно, то совсем непонятно было ему что делать. Для него она была не только взрослой бо-

гатой женщиной, от которой он полностью зависел, но еще и женой человека, которого он часто видел по телевизору, когда еще жил дома и ходил в школу. Он даже боялся подойти и утешить плачущую женщину.

Софья, привыкшая к другой реакции мужчин, сейчас окончательно поняла, что с этого момента ей самой придется бороться за свое счастье. Она достала из сумки платок, вытерла слезы и посмотрела на Руслана долгим взглядом. Так, наверное, самка богомола смотрит на самца после спаривания перед тем, как отгрызть ему голову: без злобы, без эмоций, как бы говоря – ты вообще-то парень не плохой, но пришло время платить по счетам.

Руслан, высокий, очень худой парень, с длинными, как все начинающие художники волосами, еще надеялся, что сейчас Софья встанет, попросится и уйдет. И все останется как есть: он будет рисовать старые усадьбы, городские улицы, бульвары и переулки. Представлять, как не так давно по ним мчались тройки, дежурили у кабаков извозчики, как по утрам шли к торговым рядам красивые румяные девушки. Он любил Москву, мечтал найти и показать всем ее новый необычный образ, как когда-то сделал это его любимый Лентулов.

– Давайте я сейчас вас нарисую, – предложил он, чтобы прервать неловкое молчание. – Я никогда не видел, как вы плачете. Надеюсь, никогда не увижу. Вы сейчас похожи на Мадонну. Вы сидите не двигайтесь. Я сейчас.

Не дожидаясь ответа, он вскочил со стула и, быстро взяв небольшой мольберт в углу мастерской и установив на него заготовленный холст, начал что-то рисовать на нем любимым карандашом. Все это время Софья молчала и не спускала с него глаз.

– Я сейчас набросаю глаза, чтобы запомнить, а потом...
– Руслан боялся смотреть на Софью, понимая, что ее взгляд не оставляет ему ни малейшей надежды. – Надо еще свет включить. Я сейчас.

– Не надо света, – наконец прервала молчание Софья. – Иди ко мне.

Руслан, глядя на свои старые кроссовки, послушно сделал два шага к Софье. Потом вспомнил про карандаш в руках. Решив, что тот может чему-то помешать, повернулся положить его обратно на мольберт. Чуть потянувшись назад, он зацепился за провод от закрепленной на мольберте лампы и тот, качнувшись, грохнулся на каменный пол. Руслан виновато, но еще с надеждой посмотрел на Софью. Наверное, даже начавшийся сейчас пожар не смог бы ему помочь.

Первое время все шло замечательно. Как будто проснувшаяся от долгого зимнего сна счастливая Софья сказала: «Это наш медовый месяц». И увезла его в Европу. Ей необычно было выступать в роли спонсора, но денег она не жалела. Выбирая Руслану изысканные подарки в дорогих бутиках, она получала больше удовольствия, чем, если бы подарки делали ей. Ей очень хотелось вернуться в то время,

когда она сама открывала для себя этот мир почти тридцать лет назад. Они останавливались в тех же отелях, ходили в те же рестораны. В отражении зеркальных витрин она видела себя молодой влюбленной девушкой, у которой все впереди.

Медовый месяц кончился ссорой на Монмартре. Софье захотелось показать Руслану, где великие Пикассо и Модильяни, Ренуар и Ван Гог, когда еще не были всемирно известными художниками, тратили последние деньги на кисти, краски, вино и женщин.

– Я так и вижу тебя вместе с ними в маленьком кафе, только что вернувшегося с пленэра, за грубым деревянным столом. У ножки стула твой этюдник и красивая парижанка ставит на стол глиняный кувшин с дешевым красным вином, – фантазировала Софья.

Они начали подъем с площади Пигаль. В узких переулках, заполненных туристами, было душно. Дорога постоянно шла вверх, а в некоторых местах приходилось подниматься по крутым каменным лестницам с железными перилами. Софья очень устала, но виду не показывала и не жаловалась.

Наверху, у базилики Сакре-Кер, было так много людей, что стало ясно: внутрь попасть не получится. Софья расстроилась. В Париже она не пропускала ни одного храма, хотя в Москве никогда не была в церкви. Почему-то ей казалось, что здесь они какие-то другие, настоящие. И поставив коротенькую толстую свечку какому-нибудь незнакомому святому, можно попросить себе немного счастья. Вокруг базили-

ки на траве все тоже было заполнено отдыхающими людьми.

– Как здесь можно найти какое-то вдохновение? – сказал расстроенный Руслан.

– Тогда здесь не было столько людей. Это был бедный район, поэтому его и выбрали художники и поэты.

– Пойдем отсюда, – Руслан хотел добавить, что лучше быть бедным, но свободным, но сдержался, догадываясь, что может ее обидеть.

Они спустились чуть ниже, и вышли на площадь Тертр, плотно заполненную мольбертами и художниками. Руслан не ожидал это увидеть. Софья ему не сказала, надеясь сделать сюрприз.

Руслан прошел по одному ряду, свернул в другой. Софья еле за ним поспевала, боясь потерять в толпе. Он взял в руки картину.

– Trois mille euros, – откуда-то подскочил парень, больше похожий на сутенера, чем на художника. – Trois mille, – и парень для убедительности показал три пальца.

– Что он говорит? – спросил Руслан у Софьи.

– Он хочет три тысячи евро, – перевела Софья.

– Раша? – с услужливой улыбкой угадал продавец. – Раша. Хорошо. Бери, – говорил он заученные для туристов слова. – Я художник, много хорошо рисовал.

– Да это же на принтере сделано! Три тысячи за принтер?! – Руслан побледнел от злости и бросил картину обратно на подставку.

Потом резко схватил ее за руку и вывел обратно к базилике. Он был в бешенстве. Софья даже не предполагала, что он может быть таким.

– Всех этих пидорасов надо разогнать, а место сравнить трактором! Это шарлатаны! Здесь же Ван Гог жил, а они... Торгаши... Их палкой надо гнать от искусства, – не унимался Руслан.

– Это же для туристов, обычные сувениры, – не понимала его реакции Софья.

Естественно, Руслан это знал, и злость его была направлена не на китайские подделки и продавцов. Когда-то Париж был для него Меккой художников. Он даже не мечтал сюда попасть. Но если бы судьба подарила ему такой шанс, то, конечно, он хотел видеть себя не игрушкой в руках стареющей женщины, а увлеченным художником. Художником, который уверенной рукой делает великолепные эскизы рано утром на набережной Сены напротив Нотр-Дама или вечером в Люксембургском саду быстро и точно схватывает на бумаге характеры проходящих людей. А сейчас он увидел, сколько такой мазни уже тысячи раз воспроизведено сотнями художников. Что он может сделать нового, чтобы его заметили? Да он и не делает ничего. Он в Париже, а у него с собой нет даже кисточек. А нужно ли это? Может лучше вот так как сейчас? Тот араб продает китайские эстампы, а что продает он?

– Пойдем, присядем где-нибудь, выпьем кофе, – сказала

Софья.

От жары, от подъема, от людей она сильно устала. И главное, эй было обидно. Она хотела именно здесь увидеть почувствовать его благодарность. Ведь она привезла его сюда. Она балует его и выполняют все, что он хочет. А он машет руками, кричит. Зачем?! Да, он красивый милый талантливый мальчик. Но неужели он действительно думает, что его талант нужен кому-то кроме неё? Без денег – талант ничто. И чем быстрее он это поймет, тем ему самому будет проще. А она может ему дать деньги и имя. А это главное. Она может за руку поднять его на Олимп. Поднять его гораздо выше, чем этот дурацкий Монмартр.

Внутри кафе было прохладно от кондиционера, но мест не было. Пришлось сесть на улице на самом солнцепеке за маленький, приставленный к стене столик. Раньше официантка к ним подошла девушка с корзиной фиалок. Руслан заметил, что Софье хотелось бы получить в подарок букетик этих цветов, но она знала, что у него денег нет, а платить самой ей было неудобно. Продавщица, быстро перебегая взглядом от Софьи к Руслану, точно оценила ситуацию и, не тратя время, перешла к следующему столику, где сидела молодая шумная компания. Из-за этой неловкой ситуации Руслан опять разозлился. Ему хотелось сказать Софье что-нибудь обидное.

От природы очень худая, с короткой стрижкой, всегда ухоженная Софья обычно выглядела гораздо моложе своих лет. Но сейчас солнце нещадно высветило все то, что она хотела

скрыть. Свалявшийся от пота и жары крем застрял мелкими комочками в морщинах. Глубокие серые дуги под глазами ближе к переносице становились неприятного светло фиолетового оттенка. А в подтянутой операциями коже на красивых высоких скулах пугающей паутиной просвечивались капилляры. Но больше всего о возрасте говорили руки, которые Софья устало положила на стол. Кожа на кистях была покрыта сплошными морщинами. Сквозь загар проступали темные пигментные пятна. Кольца на длинных, истонченных возрастом пальцах, болтались свободно и давно бы слетели, если бы не артритные суставы. Даже обручальное кольцо, совершенно неуместное в этой ситуации, Софья не могла снять.

Именно это кольцо и остановило Руслана, когда он уже был готов выпалить ей что-нибудь очень неприятное. Глядя на кольцо, Руслан вспомнил, что у Софьи есть другая жизнь. И при желании она может сделать так, что он не увидит эту жизнь даже издалека. Он подумал: что будет, если после его грубости Софья просто встанет и уйдет? Ведь у него ничего нет. Он не только не сможет купить обратный билет, он не сможет купить себе даже булку хлеба. Руслан оглянулся. Вокруг нескончаемым потоком шли люди. Он вспомнил десятки попрошаек, которые попадались во всех туристических местах: грязные, вонючие, наглые они выпрашивали деньги или спали под кустами прямо на траве или на рваных матрасах. С одним из них он столкнулся в туалете на ав-

товокзале. Бородатый высокий мужик непонятного возраста развесил повсюду свою одежду и абсолютно голый обливал себя из раковины, сильно разбрызгивая воду вокруг. Увидев чуть замешкавшегося от неожиданности Руслана, он визгливо и противно закричал и вытолкал его из туалета.

Желание грубить прошло мгновенно. Наверное, в этот момент решила вся его дальнейшая судьба. Они встретились глазами. Умная Софья вспомнила, что благодарности на свете не бывает и надо все принимать так, как есть. А Руслан понял, что если не хочет сгинуть в неизвестности, то нужно делать то, что от него ждут.

– Может быть, пора возвращаться в Москву? – спросил он, пытаясь сделать так, чтобы его улыбка и взгляд понравились Софье. – Мне так хочется поработать.

– Да, конечно, – согласилась Софья.

У нее в мыслях мелькали два варианта. Прямо сейчас признать, что молодость и любовь за деньги купить невозможно и таким образом, приняв неизбежное, отправить его в Москву, забыть, а самой поехать куда-нибудь в Баден-Баден на лечение. Второй вариант – попытаться убедить себя, что сегодняшний день неприятное исключение и Руслан, как и все гениальные люди, очень эмоционален, и поэтому ему трудно показать свою благодарность и любовь. Естественно, Софья выбрала второй. Вниз они спускались по широкой лестнице. Оба молчали.

Вернувшись из Парижа, Руслан съездил домой к маме

и быстро вернулся. После того, как они оба сделали для себя нужные выводы, все стало намного проще. Каждый знал, что он должен делать и что может за это получить. Руслан совсем перестал воспринимать Софью как мецената. А воспринимал ее только как похотливую тетку, у которой есть деньги, которые она чуть ли не обязана давать ему.

Софья тоже изменилась. Её почти перестали интересовать его картины, она теперь не сидела тихо часами за его плечом, глядя, как он рисует. Ее больше интересовали другие вещи. Руслан жил здесь же в мастерской. В его небольшой спальне раньше стояла скромная простая кровать, единственный шкаф для одежды и стол с двумя стульями. Софья все изменила. Если до ремонта спальня была похожа на скромную комнату в офицерском общежитии, то после стала похожа на офицерский публичный дом. Темные малиновые стены, огромная кровать с балдахином, приглушенный свет, большое зеркало с туалетным столиком. Софья никогда не предупреждала о своем приходе. Она открывала дверь своим ключом, проходила через светлый зал мастерской, заставленный мольбертами с незаконченными работами, брала Руслана за руку и вела в спальню. Нельзя сказать, что ему это все совсем не нравилось. Его сексуальный опыт до Софьи был очень негативный. Кого мог в провинциальном городе заинтересовать длинный худой нищий пацан, мечтавший стать художником. А Софья подарила ему такое разнообразие ласк, что он забыл все свои комплексы, на которых может и основыв-

вался его талант.

Он все меньше рисовал и все чаще встречался с какими-то непонятными типами. Софья однозначно запретила ему приводить в мастерскую каких-либо женщин. Даже натурщиц. Но однажды она заметила, что в мастерской стал часто появляться какой-то смазливый парень откуда то из Средней Азии. Он был очень вежлив, и при появлении Софьи мгновенно исчезал. Руслан говорил, что это массажист Алдан и он просто волшебник, поэтому ей надо обязательно попробовать его массаж.

– Хорошо, как-нибудь попробую, – согласилась Софья и сразу забыла об этом.

Через два дня ей позвонил Руслан.

– Приезжай. Тебя ждет сюрприз, – коротко заинтриговал он.

Сюрпризом был массажист.

Спальня была подготовлена к ее приходу. Около кровати стоял массажный стол, сейчас собранный, как удобное кресло с сильно откинутой назад спинкой. Из маленьких вазочек в углах комнаты шел ароматный дым.

– Знакомься. Это Хамид. Утверждает, что он лучший специалист по арабскому восстановительному массажу.

– Здравствуйте, Софья Павловна, – массажист по-восточному часто кланялся и заискивающе улыбался, но Софье показалось, что в глазах у него на мгновение сверкнуло что-то наглое и высокомерное.

– Сначала надо все лишнее убрать, я вас очень прошу, Софья Павловна, сходите в душ, хорошо прогрейтесь, а я пока все подготовлю.

– Хочешь, я за тобой поухаживаю? – предложил Руслан. – Пойдем я тебя губкой помою.

Когда они вернулись, Хамид предложил специальный расслабляющий чай уже заваренный в чайнике, которой он, наверное, принес собой, потому что Софья его никогда не видела. То ли чай действительно был волшебный, то ли из-за душа или дымящихся трав, но Софья почувствовала, что заботы куда-то исчезли. Ей стало легко и весело.

– Вы садитесь вот сюда, и начнем, – предложил Хамид.

Софья замешкалась. Под халатом ничего не было. Она вопросительно посмотрела на Руслана.

– Вы меня не стесняйтесь. Я же, как доктор: вижу много голых женщин, правда, вот таких красивых еще не видел.

Софья скинула халат и, удобно откинувшись на спинку, села на массажное кресло.

– Таких масел в Москве больше ни у кого нет. Их только в Сирии делают в одной деревне. Я сам туда летал. Сейчас очень сложно. Война, – хвалился Хамид. – Мой массаж – это не то, что привыкли делать здесь в ваших салонах. У меня это и отдых, и лечение, и философия. Такая древняя философия, что когда арабы писали об этом большие книги, в Европе еще не научились умываться каждый день.

– Он обещал открыть чакры и изыскать скрытые резервы

организма, – сказал Руслан.

Хамид с двумя влажными теплыми полотенцами в руках опустил на колени перед Софьей и не спеша внимательно и нежно протер ступни и каждый пальчик по отдельности. Потом обернул ими ноги, в которых и, правда, открылись какие-то новые ощущения. Вытащив из корзинки разные масла, он приступил к массажу.

Через пять минут от его манипуляций с ногами, Софья задремала и готова была мурлыкать от удовольствия. Она не то чтобы отключилась от работы, она, вообще, потеряла и временную, и пространственную ориентацию.

Когда она очнулась от того, что кто-то гладил ее голову, то не смогла сразу сообразить, где находится. Хамид все также сидел у ее ног и массажировал левую икру. А Руслан был сзади кресла и, чуть подняв её волосы, гладил ее шею от мочек вниз к плечам.

– Ты решил научиться делать массаж? – пыталась пошутить Софья, голос ее был хриплым.

В этот момент она посмотрела на массажиста и, увидев его глаза, поняла, что Руслан пригласил его не только на массаж. Эта мысль не только не смутила ее, а наоборот, она как будто только этого и ждала. Хамид смотрел на неё снизу, пытаясь угадать её мысли. Она почувствовала, что возбуждение буквально захлестывает ее и, понимая, что он ждет от неё какого-нибудь знака, сняла ноги со скамейки, поставила их на пол и максимально раздвинула. В этот момент руки Руслана

скользнули на её грудь, и в животе у нее стало так же тепло, как недавно было тепло ногам от махровых полотенец. Что её удивило больше всего, что она совершенно ни о чем не беспокоилась.

То, что было потом, Софья могла вспомнить только отдельными моментами. Она понимала, что никто не собирается доставить удовольствие только ей, а даже наоборот: её используют и каждый хочет получить удовольствие так, как ему нравится. Она возбуждалась от этого больше, чем от своих физических ощущений. И лежа на спине, она совсем не удивилась, когда поняла, что в тот момент, когда Руслан раз за разом сверху входит в неё, в него сзади входит Хамид. Софья так возбудилась от этого, что не смогла уже ничего делать, а лишь дотянулась руками до его ягодиц и прижала их обоих к себе, не понимая, кончает она или падает в обморок.

Утром Софья сказала Руслану, чтобы он никогда ей об этом не напоминал, а этого Хамида не было и близко к мастерской.

От дома Романова до мастерской пешком можно было пройти за двадцать минут. Софья не стала брать такси, а решила прогуляться, чтобы прийти в себя. Она вспомнила глупое потерянное лицо Анфисы, когда упал Романов, и ей стало весело. «Да уж, Анфиске не позавидуешь. Вот что значит судьба. Пора ей искать хороший дом престарелых. А кто ее

туда возьмет без денег? Лето красное пропела: без денег, без семьи, без детей, без работы. Из приобретений только возраст».

Софья вспомнила, как еще пару часов назад ей казалось, что свадьбу отложить невозможно. И наследство могло уплыть в чужие руки. «Если бы Анфиса через суррогатную мать или еще как ухитрилась бы родить, то она точно обработала бы этого старого дурня, чтобы он все написал на неё. Но сейчас старый дурень под капельницей, а Анфиса, скорее всего, бьется в истерике», – подытожила Софья, с хорошим настроением открывая дверь мастерской.

Когда она вошла, то сразу увидела массажиста Хамида.

– Кто тебя сюда пустил? Я же сказала, чтоб ноги твоей не было! – не здороваясь, закричала она. – Чем ты меня тогда опоил? Наркотики подсыпал? – Софья пролетела мимо него, разыскивая Руслана.

Тот сидел за мольбертом, улыбался и делал вид, что не понимает, что так сильно разозлило Софью.

– Руслан, я тебя просила, я тебе приказывала, чтобы этого, – Софья показала пальцем назад, где по ее мнению должен был стоять Хамид, – чтобы этого и близко не было!

Но Хамид прошел за ней и стоял рядом.

– Софья Павловна, успокойтесь. Давайте поговорим.

– Не о чем мне с тобой разговаривать. Если ты через секунду отсюда не уйдешь, а через час не улетишь к себе на родину, то к вечеру ты будешь сидеть в тюрьме! Я тебе это

гарантирую.

В этот момент она увидела в руке у Хамида пульт от телевизора. Он нажал на кнопку и молча мотнул головой в сторону экрана, приглашая Софью посмотреть. На экране она увидела себя между двух голых мужчин.

– Вы такое Софья Павловна вытворяли, что я даже в порнофильмах не видел. Так что если не хотите, чтобы это посмотрели все ваши знакомые и все остальные любители интернета, то с вас миллион долларов и сроку вам три дня. А иначе все это уйдет по нужным адресам. Я тебе, сука, это гарантирую.

Софья все мгновенно поняла, взглянула на Руслана. Тот нагло улыбался и молчал. Она повернулась и вышла на улицу.

Глава 14

Перебрав в уме возможные варианты поиска денег, Софья, к своему удивлению, обнаружила, что кроме как к мужу ей обратиться и не к кому. Их брак с Прохором давно уже держался только благодаря тому, что никакие семейные обязанности никто из них не выполнял и не требовал выполнения. Они не лезли в личную жизнь друг друга и могли неделями не пересекаться в своей огромной квартире.

«С паршивой овцы хоть шерсти клок, – с сомнением подумала Софья, – Только вот как обосновать необходимость такой суммы? Ладно, разберемся по ходу дела. Судя по все-

му, у него даже бабы нет, так что денег тем более. И все это бесполезно. Хотя, не может же так быть, чтобы взрослый мужик не имел хоть какой-нибудь заначки».

Софья редко заходила в ту часть квартиры, где обитал Прохор. В своей «половине» он устроил большой кабинет с огромным письменным антикварным столом, который так и не собрался отреставрировать. Стол кое-где был сильно затерт и поцарапан. Кроме этого у него была своя спальная и небольшая кухня с уютной столовой. И он даже сделал отдельный выход к лифту. Кроме стола, вся мебель была очень скромная. Но на стенах висели хорошие картины: в столовой пейзажи Нисского и Пластова, а в кабинете карандашные эскизы «Дон Кихота» Коржева.

В половине Прохора Софья чувствовала себя неуютно и поэтому обычно для какого-нибудь важного разговора звала его в гостиную. Но сегодня был не тот случай. Софье необходимо было сделать невозможное: растопить лед, который давно покрыл толстым слоем их отношения.

Она зашла к себе в спальную, оценила быстрым взглядом себя в зеркале и решительно скинула черное платье, в котором была у Юрия Владимировича. Отодвинув створку шкафа, взглянула и, почти не раздумывая, выхватила оттуда вешалку с таким же по фасону маленьким платьем, но изумрудного цвета. Быстро одела. Еще раз посмотрела в зеркало. Короткие волосы заиграли благородной бронзой. «Вот, так-то лучше, но чего-то не хватает». Софья открыла шка-

тулку с украшениями. Отодвинув длинным тонким пальцем спутавшиеся золотые цепочки и серьги, она подцепила ногтем с самого дна давно забытый подарок Прохора: кольцо из белого золота изумительного плетения с кулоном в виде выгнувшей спину кошки с искрящимися крапинками бриллиантов. «Вот это как раз то, что нужно, – довольная, она ловко застегнула кольцо на своей шее. – Никто кроме нас, – вспомнила она чей-то девиз, улыбнулась себе в зеркало и пошла к Прохору».

Прохор сидел на своей маленькой кухне за небольшим столиком у окна.

– Выпьешь? – спросил он её вместо приветствия.

– А почему бы и нет, – после такого дня Софье на самом деле захотелось выпить чего-нибудь крепкого. – Водка у тебя есть?

– Даже так?! – удивился Прохор и, не вставая, повернулся к буфету, достал оттуда небольшой графин из зеленого стекла и две рюмки.

– Вон на блюде лимончик, – сказал он, наливая.

Софья села за стол и сразу выпила. Водка мгновенно согрела пустой желудок, а через несколько секунд уже отметилась в голове растекающимся спокойствием.

– Наливай еще, – Софье стало уютно на этой маленькой кухне. – А кроме лимона у тебя что-нибудь есть?

– Посмотри в холодильнике, – Прохор задержал взгляд на Софье. – Что-нибудь еще случилось?

– Да нет вроде. Как Юрий Владимирович?

– Жить будет, – ответил Прохор. «Чуть не угробила моего отца, а спрашивает так, как будто интересуется здоровьем соседской кошки»? – подумал он про себя.

– А ведь я первый раз в жизни напилась именно с тобой. Мы тогда к вам на дачу поехали на твоей новенькой вишневой девятке. За две недели до свадьбы... помнишь?

– Их тогда только начали выпускать, – ответил Прохор и улыбнулся. Он вспомнил завистливые взгляды знакомых, когда первый раз подъехал к институту на этой, подаренной отцом машине.

– А я тогда со своей девичьей жизнью прощалась. Была самая счастливая: такого парня отхватила.

Софья действительно тогда была счастливая: ей больше не надо было бояться возвращения в родной Касимов на место бухгалтера в какой-нибудь совхоз. Прохор, конечно, не Ален Делон, зато она остается в Москве.

Сейчас эта дача в Барвихе была почти заброшена: ни Прохор, ни его отец не любили туда ездить. Ставший вдруг маленьким, старый домик сиротливо стоял в окружении огромных помпезных дворцов новой власти.

А тогда Софье казалось, что она попала в другой мир. И этот мир от остальной страны имел свою хорошо охраняемую границу. На въезде в дачный поселок было два пропускных пункта: первый – со шлагбаумом и зеленой будкой, в которой дежурили несколько солдат; а через километр второй

– с огромными железными автоматическими воротами, который охраняли уже не солдаты, а вежливые безликие мужчины в серых гражданских костюмах и галстуках. На въезде для охраны стояла уже не маленькая будка, а красивый дом с большими тонированными окнами. Ничего подобного Софья до этого не видела. Красивый трехэтажный бревенчатый дом, весь, как в русской сказке, украшенный резными наличниками, карнизами и балконами, большой настоящий камин в зале, старинные иконы и картины на стенах, домотканые ковры и медвежьи шкуры на полу и даже маленький бассейн с зеленоватой водой и сауной в отдельном доме под огромными соснами. Для нее это было верхом роскоши. Она была в восторге. Ее мечта сбылась: она попала на самый верх.

– А помнишь, мы пробовали заняться сексом на кресле-качалке? – рассмеялась Софья.

– И разломали это кресло в щепки! – ответил Прохор, вспомнив тот день. – А потом, чтобы скрыть от отца, сожгли остатки дорогого ротанга в камине. Он потом мне весь мозг проел, куда делось его любимое кресло, – усмехнулся он. – И напилась ты тогда не водкой, а портвейном «Агдам». Все было по талонам или «из-под прилавка», как тогда говорили. Этот портвейн я покупал у грузчиков в универмаге на Добрынинской. А закусывали мы американскими куриными окорочками, которые пытались пожарить в камине. Но они получились наполовину сырые, наполовину обгоревшие. Их тогда называли «ножки Буша». И когда тебя тошнило, ты

пьяная кричала из туалета, что алкоголик Буш не моет ноги, и они отвратительно воняют.

Прохор хорошо помнил это время. Казавшийся пару лет назад несокрушимым, Советский Союз неожиданно начал рушиться, как карточный домик. Куда-то пропали самые простые продукты. Тот же портвейн, который делали из всяких отходов, сигареты, набитые гнилой соломой и даже вонючее хозяйственное мыло стало найти невозможно. Отец был сутками на работе и на вопросы отвечал неохотно. Единственный раз, когда Прохор поймал его утром дома и попытался узнать, что происходит в стране, тот ответил: «Восстанавливаем историческую справедливость, все должны знать свое место. Каждый сверчок знай свой шесток. Поймешь чуть попозже».

– Не помню, что это был портвейн, но утром у меня голова совсем не болела. Я кормила белок и мечтала, о том, как мы с тобой на этой даче через много лет будем играть с внуками. Тогда мне казалось, что наши сегодняшние 55 лет – это дремучая старость.

– Тогда все казалось другим, – ответил Прохор.

– А потом родилась Лизка. Через год мы первый раз поехали в Париж. Это было весной 91-го. Я влюбилась в этот город. Готова была все отдать, чтобы остаться там навсегда. У нас в стране были пустые полки, денег почти не было и мы ходили в парижские продуктовые магазины, чтобы просто посмотреть, чтобы понюхать. Помнишь, мы хотели купить

тебе галстук? Долго выбирали, а потом передумали и купили бутылку вина, – Софья встала и подошла к окну, у которого сидел Прохор. Непроизвольно ей захотелось положить руки ему на плечи. Воспоминания напомнили ей о том времени, когда она только с ним связывала планы своей жизни. Даже в кошмаре ей не могло присниться, что она будет пытаться выпросить у него деньги для того, чтобы их отдать шантажирующему ее любовнику, который младше их дочери.

– И выпили эту бутылку из горлышка вечером на набережной, – продолжил за неё Прохор. – Мимо проплывали прогулочные кораблики, все в ярких огнях. Те, кто были на набережной, кричали, приветствуя их, а на кораблях кричали и хлопали в ответ.

– Я уронила туфельку в Сену, когда мы сидели, свесив ноги над водой, и ты сказал, что теперь какой-нибудь местный принц будет меня искать. А я сказала, что ты мой принц.

Прохор тогда еще любил Софью. А она, танцуя, порхала по улицам, напевая куплеты Шарля Азнавура, и мечтала влюбиться в себя всех французов. В Париже была мода на все советское: перестройка, гласность, Горбачев. Холеные французские ловеласы оглядывались, чуть не сворачивая свои гусиные шеи, и пускали слюни, глядя на неё. Наверное, им хотелось переспать с этой русской красавицей, чтобы отомстить за свой многолетний страх перед Советским Союзом. Столько лет они боялись, что советские танки окажутся на Елисейских полях раньше, чем они успеют вылезти из своих

теплых кроватей и надеть военную форму. А теперь они решили, что победили и хотели получить положенные трофеи.

– Когда вернулись в Москву, я плакала. Вечером мы смотрели фильм с Джулией Робертс: она в магазине примеряла одно за другим роскошные платья. Я бы тогда руку отдала, чтобы оказаться на ее месте.

– В том фильме она играла дешевую проститутку.

– А потом рассыпался СССР и в 90-х у тебя появились такие перспективы, о которых мы и не мечтали. Ты тогда попал в правительство. Как же было весело тогда. Почти на каждые выходные мы летали во Францию. У нас наконец-то появились деньги. Все было чудесно. Помнишь, мы ночью занимались сексом в Люксембургском саду и к нам пристал этот толстый противный охранник? Ты дал ему кучу франков. Когда он увидел сколько, то хотел нам показать тихое место, где нам будет удобно и говорил, что будет нас там охранять. Из Парижа мы ездили на море, а от моря мчались на машине в снежные Альпы. Нам казалось вот это и есть счастье.

– Как маленькие дети, которые нашли большой мешок с конфетами, спрятанный взрослыми на Новый год. И мы объедались этими конфетами и не думали о том, что будет завтра и что за все надо платить. Мы были детьми и придумывали себе дурацкие игры.

– Помнишь, как мы в Марселе? Ты пил три дня, а потом у тебя что-то перемкнуло, и ты решил, что нужно освободить

из тюрьмы замка Иф всех пленников, которых там, конечно, никогда не было. Мы хотели высадиться на берег и разбили о камни арендованную яхту.

– Нас тогда чудом спасли рыбаки.

– Ты еще кричал, что ты внук Эдмона Дантеса и твоя фамилия Монте-Кристо.

– Полиция почти поверила.

– Мы так сорили деньгами, что они подумали, что ты действительно нашел сокровища.

Сейчас Прохору было стыдно за то, что он тогда делал. Работа в правительстве тогда тоже казалась игрой. В какой-то эйфории он подписывал проекты, планы, законы, указы. Иногда даже не читая. Он действительно верил, что делает что-то важное и это идет на пользу экономике, а значит людям. И как мантру, как заклинание на всех совещаниях, больше похожих на коллективные пьянки, он повторял: «Рынок все расставит по местам». А когда ему кто-то показал статистику самоубийств в стране, он сказал: «Эти люди не вписались в рынок». Он, проболтавшийся пять лет института между пивной и райкомом комсомола, да и после, толком не отработав ни одного дня, считал себя настоящим реформатором.

Как-то, оказавшись в уже переименованном Санкт-Петербурге, он пришел к памятнику Петру Великому. Долго стоял у огромного гранитного камня, вглядываясь в черты царского лица и поглаживая свои тоненькие «петровские» уси-

ки продекламировал: «Не так ли ты над самой бездной Россию поднял на дыбы».

И некому было сказать ему правду. Те, кто был вокруг него, мечтали о своем куске пирога, а Прохор мог отрезать им очень хороший кусок. Эйфория не прошла даже после расстрела из танков в октябре 93-го Верховного Совета. Прохор смотрел трансляцию CNN и не осознавал до конца, что это происходит не где-нибудь в Африке, а в его стране, с его согласия пусть и молчаливого. В этот день он решил, что отступать уже некуда.

А через год он узнал, что Софья ему изменяет. В то время в их кругу измена перестала быть чем-то осуждаемым. Получив неограниченные возможности, хотелось получить от этого неограниченные наслаждения. Смена партнеров была обычным явлением. Часто пьяные или обдолбанные наркотиками они занимались сексом на глазах друг друга с тем, кто оказался рядом. Актеры сериалов, певицы однодневки, члены правительства, модные журналисты и какие-то абсолютно случайные люди совокуплялись в закрытых клубах, не испытывая никакого стыда. Звезды мировых модельных подиумов парились в банях со вчерашними таксистами, ставшими вдруг влиятельными бандитами. Все строилось по принципу – после нас хоть потоп. Но в тот момент Прохор еще любил Софью, и для него ее измена была шоком. И почти сразу случилось то, что полностью изменило его жизнь.

– А ты помнишь, когда все кончилось? – спросил он ее.

– Если ты про тот Новый год то, конечно, помню. Мы ели успели: прилетели в Париж поздно вечером 31 декабря 1994 года. Тогда Рома с Борисом отмечали очень выгодное приобретение каких-то нефтяных активов с твоей помощью. Устроили грандиозный банкет. Сняли для нашей компании целый дворец на бульваре Сан-Мишель около Пантеона. Разве что Мадонны со Стингом не было. Зато был Элтон Джон. Все вокруг тогда становились не просто богатыми, а какими-то сказочными грезами. Кроме нас. Мы же честные – нам не надо.

Проخور тоже хорошо помнил ту новогоднюю ночь. Он поднялся в комнату часа в 4 утра и зачем-то включил телевизор. Может быть, по привычке ожидая увидеть «Иронию судьбы», но увидел в прямом эфире французского телевидения как горели российские танки на улицах Грозного. За окном гремел новогодний салют: на фоне Эйфелевой башни рассыпались огромными букетами тысячи разноцветных огней. А он смотрел, как вываливались из танков объятые пламенем восемнадцатилетние пацаны, как они падали рядом буквально разорванные ураганным автоматным огнем, как они догорали рядом с искореженными гусеницами. Фоном шли перехваченные радиопереговоры российских командиров. Проخور прекрасно слышал, как в прямом эфире погибает без всякой помощи, загнанная в город, как будто специально на заклятие, 131-я Майкопская бригада. Он позвонил в Москву и пьяный министр обороны плакал, причитая, что

его план взятия Грозного силами одного десантного полка провалился. Началась война.

Проход сидел и плакал в комнате, аренда которой в эту ночь была больше, чем месячная зарплата всех офицеров той, погибающей бригады и понимал, что войну, которая сейчас началась, можно было остановить в зародыше еще в 91-ом году. Тогда он летал в Грозный с важным чиновником из администрации президента: бывшим преподавателем марксизма-ленинизма Свердловского института. Глава Чечни Дудаев просил, почти умолял о возможности лично встретиться с Ельциным. Но этот советник был категорически против. Почему то он очень не хотел этой встречи. А в это время, вечно пьяный президент, брызгая слюной, в телевизионную камеру кричал на всю страну: «Берите столько независимости сколько проглотите».

Генерал Дудаев, бывший командир эскадрильи стратегических ракетноносцев вооруженных ядерным оружием способным стереть с лица земли Париж и большую часть Франции, никогда не был наивным дураком и поэтому понимал, что никакой независимости республике не дадут и что кто-то хочет сделать из Чечни показательную жертву, чтобы достичь каких-то своих целей.

Когда они летели обратно из Грозного с этим чиновником, тот блевал, не сходя с кресла себе под ноги, и продолжал пить, пока не заснул. А когда заснул, то обмочился. Бывший доцент сидел в белой рубашке и в серых светлых брю-

ках, и одна штанина была темная от мочи. Прохор запомнил взгляд проходившего мимо второго пилота. Если бы тому летчику разрешили, то он выбросил бы этого марксиста из самолета где-нибудь под Курском и этой войны бы не произошло. Как и многих других мерзостей. Через три месяца, в декабре 1991 этот чиновник с бесцветными пустыми глазами будет поддержать руку пьяного Ельцина, подписывающего Беловежский приговор своей стране. Если бы тогда пилот смог выбросить всего одного человека – сколько бы людей остались живы. Но тогда Прохор об этом не знал.

Прохор пил весь день 1 января никуда не выходя из комнаты, но водка не заглушала крики сгорающих живьем семнадцатилетних пацанов. В эту ночь он сделал для себя страшное открытие: их жуткая смерть была нужна всего лишь для телевизионной картинки, чтобы люди не заметили как он, Прохор, раздает собственность всей страны этим, непонятно кем назначенным Борям и Ромам, которые сейчас оплачивают этот новогодний банкет.

– Я пришла утром, а ты спишь в ботинках на кровати. А когда тебя разбудила, ты встал, молча, не глядя на меня, как будто меня не существует, без всяких эмоций опять налил себе водки. Ты понимаешь, я хотела праздника, а ты пил водку. Я тогда испугалась стать такой как ты. Я хотела жить. А ты ничего не хотел. Кто ничего не хочет, тот уже умер. Он ходит, говорит, но он уже мертв.

– Ты сама тогда чуть не умерла, – вспомнил Прохор.

– Да. Чуть не умерла, – повторила Софья. – За три месяца ты ни разу не пришел ко мне в больницу.

В феврале 1995-го у Софьи была передозировка наркотиков в загородном клубе, по сути, в элитном публичном доме для интеллигенции нового призыва. Когда-то давно в этом же стародачном местечке пионеры-тимуровцы строили коммунистическое будущее. Теперь их внуки устраивали оргии на деньги, которые им за услуги платили выращенные ими же хозяева страны, неожиданно для себя хапнувшие то, что создавалось миллионами людей.

Софья в этот момент поняла, что минута близости, основанной на общих хороших воспоминаниях, прошла. После тех событий Лизу отправили учиться в Европу. А они жили каждый своим. Она поняла, что если пять минут назад еще и был какой-то смысл в разговоре о деньгах, то сейчас уже поздно. Она опоздала.

– Жалко, что из-за меня ты разучился любить. А теперь... – Софья залпом выпила давно налитую рюмку, – а теперь Прохор, даже если ты и добрый, но добра никому никогда не сделаешь. Любовь – это главный винтик, главная шестеренка в механизме. Это как в часах: иногда все крутится, тикает, но без одного колесика время не покажет.

– Ни богу свечка, ни черту кочерга? – натужно рассмеялся Прохор. – Завтра я докажу, что я не самый бесполезный человек.

Софья чуть остановилась около двери, раздумывая над

его словами, но ничего не добавив, вышла из кухни. Ей показалось, что Прохор немного не в себе. В этот момент у нее запел телефон.

– Софья Павловна? – она узнала голос Хамида. – Софья Павловна, такое дело: я сегодня позвонил на телевидение в студию одной популярной программы и предложил им материал. А они мне предложили кучу денег.

– Говори короче.

– Короче, Софья Павловна, если завтра вечером денег не будет, мы отдаем материал на телевидение.

– Хорошо, – ответила Софья, ничего не комментируя, нажала на отбой. «Да его проще и дешевле убить, – вдруг подумала она. – Как это я сразу не сообразила. Ведь если я даже отдам деньги, то где гарантия, что он через день не потребует еще? А так решаются все вопросы. Осталось придумать, как это сделать. А потом и Руслан одумается, и мы с ним уедем в Италию».

Глава 15

Летом 1455 года инок Филофей из Кирилло-Белозерского монастыря повздорил с игуменом: ему казалось, что монахи в монастыре живут не по Закону Божьему, а по собственной воле и рассуждению. Утром он ушел из монастыря, несколько дней выбирал место, пока не наткнулся на родник на высоком лесном берегу реки Шексны, где и построил себе скит-землянку. Спасаясь от мирских искушений, стали

приходить к нему другие иноки. Строили кельи, а через год построили деревянную церковь Рождества Богородицы. Новая обитель отличалась строгим уставом и суровой жизнью. Заезжавший сюда из Ферапонтова монастыря Иван Грозный пожертвовал монастырю два села и деньги на строительство нового каменного храма. Во время смуты в 1614 году поляки сожгли кельи и деревянную церковь, но самое ценное монахом удалось спрятать или вывезти в соседние монастыри. Восстановили обитель уже только при Алексее Михайловиче.

Тихон с тремя монахами приехал сюда настоятелем ранней весной 1993 года. На солнечной стороне высокого холма под монастырем начал таять снег, и ручьи текли в Шексну, которая в этом месте поворачивала почти назад, образуя красивую излучину. Холодное солнце блестело серебром в реке, терявшейся в хвойных лесах, которые шли отсюда до самого Белого моря.

Монастырь был давно закрыт. Часть зданий развалилась. Неплохо сохранились лишь большая церковь Благовещенья и трапезная, в которой при советской власти был клуб с библиотекой. Внутри на стенах еще висели портреты членов Политбюро ЦК КПСС и стоял на фанерной подставке бюст Ленина. Но время сделало свое: под обвалившейся во многих местах штукатуркой появилась церковная роспись с ликами апостолов.

Великолепный образец ростовской архитектуры – собор

Рождества Богородицы стоял без крыши и без шатрового купола. Небольшой колхозный гараж из красного кирпича за храмом тоже начал разваливаться. Ворот уже не было. В смотровой яме, заполненной водой, плавали покрышки и ржавые бочки. А на улице стоял без колес и стекол на окнах проржавелый желтый автобус.

Жители соседней деревни с недоверием и любопытством смотрели на монахов в черных одеждах. Они приходили к монастырским воротам почти каждый день с неясной, но явно последней надеждой понять, как так получилось, что несколько лет назад за тунеядство можно было получить тюремный срок, а теперь невозможно было найти хоть какую-нибудь работу. Конечно, Тихон не мог ответить на такие вопросы, но вместе с восстановлением монастыря, он начал восстанавливать местный колхоз.

Этой же весной высадили огромный сад. Старые знакомые прислали грузовик саженцев: яблони, вишни, сливы. «Дом можно быстро построить – были бы деньги, а с деревьями деньги не помогут – нужно время».

Привели в порядок церковь и трапезную, где пытались кормить всех кто придет. В эти годы обитель больше напоминала гуманитарную миссию.

Сразу за монастырем утопали в бурьяне и крапиве три длинных низких коровника. Разобрав на кирпичи один из них, смогли немного залатать два других. И сразу поместили там коров и поросят, купленных на пожертвования. Уха-

живали за ними сами монахи. Учились животноводству по книжкам, найденным здесь же в библиотеке.

Однажды Тихона среди ночи разбудили – рожала корова. То, что корова стельная, обнаружили недавно. Оборудовали в углу специальное место. Большинство коров были черные, некоторые с белыми пятнами. А эта огненно-рыжая, с белой каемкой вокруг черного мокрого носа и необычайно доверчивыми и любопытными глазами.

Чтобы вовремя оказать корове помощь за ней постоянно присматривали и старались не оставлять без внимания. Когда Тихон с послушником прибежали в коровник, она лежала на боку на соломе и из нее уже показались две передние ножки и голова теленка. Тихон хоть и понимал, что именно это он и должен был увидеть, но зрелище родов, так сильно его взволновало, что он растерялся. Особенно его поразили огромные, ждущие от него помощи глаза коровы.

– Уже полчаса ничего не меняется, как будто теленок застрял, – сильно волнуясь, сказал приставленный к коровнику послушник. – В книжке написано: надо помочь корове, а как не написано. Да и боюсь я.

– А ветеринар в деревне есть?

– Да. Только ночь и телефон не отвечает. Есть адрес – первый дом от памятника.

Опомнившийся Тихон побежал к машине.

– А номер у дома, какой? – крикнул он, уже садясь за руль.

– Номер двенадцать, но там таблички на доме нет. Нон-

на Викторовна. Дом кирпичный. «Нива» у неё перед домом стоит, – кричал вдогонку послушник.

До дома ветеринара Тихон домчался за пять минут. Калитка была закрыта, а звонка на ней не было. Сигналить среди ночи Тихон постеснялся. Забор хоть был не высок, но перелезть через него ночью, чтобы постучать в дверь, было невысказано. Тихон улыбнулся, представив себя в рясе, лезущим через забор в темноте. Он негромко, как робкий влюбленный, попробовал позвать врача по имени. На его счастье в доме зажегся свет, открылась дверь и на крыльцо вышла женщина.

– Вы кого-то ищете? – спросила она негромко.

– Здравствуйте. Я Нонну Викторовну ищу. Ветврача.

– Это я, – женщина, спустилась с крыльца и подошла к калитке.

Высокая, статная, даже разбуженная посреди ночи, она держалась спокойно и уверенно. Лишь увидев, что ночной гость ей незнаком, поправила косынку, которую успела повязать, выходя из дома, чтобы спрятать неубранные густые черные волосы.

– Вообще-то, ветврачом я давно не работаю, как колхоз наш развалился. А что у вас случилось? – спросила она.

– Я из монастыря – настоятель. Корова у нас рождает.

– Вижу, что из монастыря, – улыбнулась женщина. – Пять минут подождите, пожалуйста, я соберусь. В дом не зову, дети спят.

– Спасибо, Нонна Викторовна. Конечно, подожду, – Тихон, переживавший, что она будет ругаться за то, что ее разбудили посреди ночи, был сильно удивлен таким простым ответом.

Через несколько минут она вернулась. В одной руке у нее был коричневый чемоданчик с красным крестом в белом круге, а в другой большая сумка.

– А кто же у вас там доярками работает? Что же они мне раньше не позвонили? – спросила она, усаживаясь в машину.

– Доярками у нас работают наши монахи. И опыта у них мало: только учатся.

– Мужчины?! И коров сами доят и роды принимают? Не скучаете, наверное. По-другому я монастырь представляла.

Когда приехали на ферму, с коровой и теленком все было без изменений

– Давно рожает? – сразу спросила Нонна Викторовна. – Воды теплой надо и как можно больше тряпок чистых. Сколько времени рожает? – повторила она вопрос.

– Минут 45, – ответил монах, не зная то ли бежать за водой, то ли отвечать врачу.

Она внимательно осмотрела корову, обойдя ее вокруг. Потом наклонилась, погладила ей голову.

– Как зовут?

– Сергей.

– Я про корову.

– Да никак еще не назвали. К нам привезли их всего месяц назад. Она у нас латвийской породы, – не очень уверенно ответил послушник.

– Нехорошо без имени. Ну, если латвийской, пусть будет Марта, если вы не против. Она у вас, похоже, первый раз рождает? – спросила она и, не ожидая ответа, обратилась к корове:

– Ну что, Марта, будем дальше рожать. Ты, милая, мне должна помочь. Без тебя у нас ничего не получится.

Тихону показалось, что корова поняла Нонну Викторовну. По крайней мере, корова, подняв голову с соломы и чуть скосив на врача один глаз, несколько раз моргнула, как бы говоря, что она постарается. Нонна Викторовна достала из сумки толстые веревки и быстро накинула их на ноги телянка.

– Я буду придерживать корову, а вы берите телянка за передние ножки и аккуратно его вытягивайте. Она будет тузиться и у нее схватки будут, тогда старайтесь подтягивать потихоньку. Только осторожно, ноги не оторвите.

Тихон и молодой послушник хотя и кивнули ей в ответ, но явно не понимали, что им делать. Женщина, быстро взглянув на них, это заметила и решила чуть поменять свой план.

– Давайте лучше так: вы, молодой человек, придерживайте корову, и разговаривайте с ней побольше и подороже, а мы с батюшкой, извините, если я к вам неправильно обращаюсь, а мы с батюшкой вытащим телянка. Одной у меня сил не хва-

тит. Где теплая вода?

Через час Тихон и Нонна Викторовна пили чай в трапезной.

– А у вас здесь столовая теперь. Чисто красиво, – осматриваясь, похвалила она.

Неделю назад трапезную побелили. Хотя пол вымыли уже несколько раз, но между серыми плитками на полу еще проступала белизна, и сильно пахло известью. Они сидели вдвоем за длинным столом, накрытым простой белой скатертью.

– Я же здесь полжизни провела, в этом здании. Когда здесь еще был клуб и библиотека. Книжки приходила читать. А сейчас значит вот так. Представить не могла, что здесь опять церковь будет. Ну, все равно – это лучше, чем развалины.

Тихон видел, что гостья не очень радуется восстановлению монастыря и ему, вложившего в это дело уже много сил, было немного обидно.

– Когда мы приехали, здесь все уже почти развалилось. А книги мы все оставили, – сказал он, чтобы хотя бы этим ее порадовать. – Вот, стеллажи под них сделали. Но книг немного осталось. Много уже испорченных на улице валялось.

– Во время войны не развалилось и после войны устояло, а потом вдруг, когда мир и покой наступил, все вдруг рушится начало. Без помощи явно не обошлось. А книги свои

местные по домам растащили. Будто читать будут, – сказала она с заметным певучим вологодским акцентом.

– Может кто-то и почитает, – примиряюще произнес Тихон.

– Да бросьте... Почитают?! Лишь бы утащить, – она сняла косынку, поправила волосы и опять завязала. – За рекой колхозный пионерлагерь был, как только сторожа убрали, сразу все разломали. Как ждали. Туда теперь зайти страшно. На центральной аллее памятники пионерам-героям стояли, из цемента... их не унесли только потому, что тяжелые, но руки-ноги обломали.

Выговорившись, она замолчала, о чем-то задумавшись. Её красивые руки будто бы не могли находиться без дела. Она машинально переставила сахарницу, поменяв ее местами с небольшой вазочкой с цветами. Потом поправила скатерть и спросила:

– А что, теперь наши местные у вас здесь работают?

– Да, помогают иногда. Денег мы платить не можем – так что не за деньги работают, а просто помогают. А потом вот здесь, в трапезной, все вместе ужинаем.

– За деньги в колхозе не работали – отлынивали на речке, да в лесу с самогоном, а теперь за еду трудятся. Что-то понимать, кажется, начинают. Только поздно. Сначала вы пришли – попы, а скоро и бояре новые пожалуют. Потом школы закроют. И восстановят порку народа за амбаром по пятницам. И правильно сделают. А ведь сами себе такую жизнь

выбрали – не нравилось при коммунистах.

– Думаю, до порки не дойдет, – мягко улыбнулся Тихон. – А вам нравилось при коммунистах?

– А я и сейчас коммунистка. Это колхоз меня послал в Москву учиться. Стипендию мне дополнительную платил, – Нонна Викторовна взяла из широкой деревянной вазы сушку с маком и легко разломала ее в кулаке. – После института вернулась ветеринаром и замуж вышла. Дочь родилась – мне колхоз дом построил. Я хоть и местная, а жить негде было: семья большая, одних сестер пятеро и два брата.

– Все здесь сейчас живут? – спросил Тихон скорее из вежливости.

– По-разному, – ответила Нонна Викторовна. – А мужа я себе нашла здесь, в колхозе.

– Я, наверное, у вас дома всех разбудил?

– Детей не добудишься, а муж погиб давно: замерз в снегу ночью здесь, около монастыря, когда пьяный от чужой бабы возвращался. Хороший мужик был – добрый работающий. Мог на тракторе своем, если надо, сутками пахать. Руки золотые. Но на баб был слаб и на водку. Две дочки остались.

Нона Викторовна откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на Тихона, будто сравнивая со своим мужем.

– На все воля божья, – машинально сказал Тихон и перекрестился.

– Может божья, может судьба такая. Назвать можно как

хочешь. Если присмотреться к человеку внимательно, то всю его жизнь увидишь от рождения до смерти.

– А вы не цыганка случаем? Гадать умеете? – пошутил Тихон.

– Я ветеринар, а не гадалка, – строго ответила Нонна Викторовна, – но про людей, как и про животных, многое сразу могу сказать. Вот, возьмите щенков. Вроде с одного помета, одни родители, а щенки все разные: один трусливый, другой веселый, третий злой, а четвертый флегматик и все ему до лампочки. Гены одинаковые, а щенки разные. И такими останутся на всю жизнь, как не переучивай. Так и человек.

– Думаете человека переделать невозможно?

– Если жизнь заставит, то человек может и спрятать свой характер, но как только обстоятельства изменятся, он опять прежним станет.

– И гены значит не причем? – спросил Тихон.

– От дворняжки лабрадора, конечно, не получится, только умная дворняжка иногда полезнее, чем какой-нибудь глупый лабрадор.

– Может, из породистых больше умных получается, чем из дворняжек.

– Не думаю. У породистых не сразу все видно – люди сначала по одежке смотрят. Приехал человек в дорогом автомобиле, костюм хороший и должность ответственная – думаешь, ну этот то, наверное, умен и сейчас все вмиг разъяснит. А как он говорить начинает, так непонятно становится,

кто его, дурака, назначил на это место. Уверена, что наши бабки местные лучше бы страной управляли, чем та пьянь в хороших костюмах наверху. Тракториста пьяного с работы увольняют, у водителя права отбирают, а у нас пьяный президент на весь мир страну позорит и ничего. Я ему даже коровник чистить бы не доверила, а он за всю страну решает. Значит, заслужили мы таких.

– Я тоже раньше думал, что коровником легко управлять, каждая бабуля справится, – улыбаясь, сказал Тихон. – Да и вообще не думал, что этим придется заниматься.

– Как вы сказали только что: «на все воля божья». Вот только не пойму я, как это получается. Бог же вроде говорит: плодитесь и размножайтесь, – от чая Нонна Викторовна немного подбрела. В глазах у нее появились веселые искорки. – Значит в этом его воля. А вы, здоровые умные непьющие мужики, которых у нас и так не хватает, сами себя в острог загоняете. В чем смысл этого? Объясните мне, атеистке?

Тихон сам часто задавал себе этот вопрос. Когда он решил посвятить себя богу, много виделось совсем другим. И сейчас уже как настоятель, он пытался понять тех, кто приходил в монастырь с желанием стать монахом. Чаще всего это были люди, которые готовы были отречься от многих мирских радостей, пойти на большие ограничения только для того, чтобы избавиться от необходимости самим управлять своей жизнью. Были обиженные неудачники и были амбициозные

карьеристы. И совсем мало людей было искренне верующих. Но говорить сейчас об этом ему не хотелось, и поэтому он ответил просто:

– Приходят сюда по разным причинам. А остаются те, кто полюбил бога.

– Вот вы говорите: «Полюбил бога». Как можно полюбить того, кто и без тебя хорошо проживет? Вот у меня две дочки. Я их люблю, потому что когда они малюсенькие были, они бы без меня дня бы не прожили. Да и сейчас, хоть и считают себя взрослыми, а ведут себя как слепые котята. Людей любишь, не когда они тебе что-то дают, а когда ты видишь, что не могут они без тебя. Любить бога – это как любить богатого дядюшку, ожидая от него каких-то подачек. «Боженька помоги, боженька дай». Какая же это любовь? В жизни тогда смысл есть, когда ты кому-то нужен. Хотя бы вот той корове с теленком, – Нонна Викторовна встала. Стряхнула рукой со скатерти несуществующие крошки. Провела руками по бедрам, расправляя юбку, и добавила: – Поэтому любить надо не бога, который и без нас проживет, а людей, которым мы нужны. А не запыряться с важным видом за каменным забором... Людей за забор за преступления сажают, а вы добровольно запираетесь. Чтобы любить, забор не нужен.

Когда Тихон отвез Нонну Викторовну домой, уже расцвело, и скоро надо было идти на утреннюю молитву. Чтобы передохнуть и успокоится, он сел на скамейку около ворот монастыря. Отсюда открывался великолепный вид, к кото-

рому нельзя было привыкнуть. Синий лес за рекой уходил так далеко, что не верилось, что в мире существует что-то еще, кроме этих деревьев, голубого неба и еще не проснувшихся облаков. Было так тихо, что казалось можно услышать, как течет река. Первый раз ему не хотелось идти в монастырь. Так, наверное, солдат после увольнения останавливается у КПП, чуть задумавшись, а потом окунается привычную распisanную по минутам жизнь. Где каждый следующий день повторяет предыдущий. Чем он отличается от этого солдата? Разве он ушел из мирской жизни не для того чтобы избежать запрограммированной жизни. Ему стало грустно. Глядя на бесконечный простор, он подумал о том, как одинок человек. Он немного позавидовал Нонне Викторовне: она может говорить то, что думает. И как замечательно, что есть такие люди как этот врач. Оттого сколько в стране таких людей, зависит, есть у этой страны будущее или нет.

Глава 16

Со школы он чувствовал себя «сыном Юрия Владимировича». Повышенное внимание учителей, незаслуженные оценки, зависть одноклассников. Это же продолжилось в институте. И за полгода до его окончания, он уже знал, где ему предстоит работать – министерство тракторного машиностроения. Знал свою будущую должность. И хорошо мог представить этапы своей карьеры.

Тогда, в 1986 году, никто не мог представить, что с Со-

ветским Союзом что-то может случиться. Удивительно, но тогда эта стабильность совсем не радовала, а лишь наводила тоску. Да еще эта неожиданная свадьба Софьи с Прохором. Поэтому когда Ленка, с которой он вместе ходил еще в детский сад и в школу, предложила ему съездить в Киев на несколько дней, он с удовольствием согласился.

В дождливой серой Москве шла бессмысленная антиалкогольная компания с огромными, бурлящими скрытым недовольством очередями, а в Киеве была весна. Предпраздничный город был завешан красными флагами и плакатами, сообщающими, что советский народ может смело смотреть в будущее. На городских клумбах распустились тысячи красных тюльпанов.

Тихон взял вина, с которым в Киеве было гораздо проще, чем в Москве и уговорил Лену заменить поход в пыльные музеи поездкой на природу. На метро доехали до станции «Гидропарк», по аллее вышли на песчаный пляж. Вода в реке не прогрелась, и людей еще не было.

В дальнем конце пляжа они открыли бутылку, порезали ветчину и сыр, наломали кусками вкусный киевский хлеб. Вино пили из горлышка по очереди. Оно было терпкое и немного кисловатое. Прямо напротив них на противоположном высоком берегу Днепра сияли купола Киево-Печерской лавры.

– Я в прошлом году в сентябре ездил в Псков, там рядом тоже лавра. На горе около лавры смотровая площадка. День

тогда был замечательный. Бывают такие в сентябре. Тепло тихо. И уже паутинки летят. И желтые листики с берез. Монастырь прямо под нами и все как на ладони. Купола на солнце блестят. И вдруг перезвон... Ты знаешь у меня мурашки по коже... Монахи в своих длинных одеждах и в высоких клобуках с развевающимися сзади легкими черными покрывалами. Потом мы к ним туда спустились. Все ухоженно. Цветы вокруг. Но самое интересное это их лица. Какие-то загадочные, глаза светятся, как будто они что-то такое важное знают, что-то хорошее, что их из-за этого счастье прямо переполняет. Я им даже позавидовал.

– Интересно, наверное, – Лена не очень интересовалась монастырской жизнью, а больше думала о насущных вещах.

– Вот бы получить в Киев распределение, – мечтательно сказала она. – У нас в Москве какая-то спешка, гонка, а здесь все как-то провинциально по-домашнему просто и уютно.

– Ну да, только тогда не в Киев, а куда-нибудь в село, поближе к морю. Гарные дивчины, крынка молока утром, сало и горилка вечером, – рассмеялся Тихон.

– А я могу сойти за гарную дивчину? – спросила Лена, откидывая со лба длинные русые волосы и глядя на Тихона.

Вино, солнце, песчаный пляж. «А почему бы нет, – подумал Тихон. – Беленький домик с черепичной крышей, обязательно большой сад с яблонями, сливами и черешней и, главное, много детей. По вечерам они будут ездить на велосипедах на лиман, и купаться там в теплой воде, пока не сядет

солнце. Лена простая, но зато надежная».

Что его ждет после института? Сделать комсомольскую карьеру, как Прохор? Это точно не его. Можно пойти работать заведующим в овощной магазин: зарабатывать деньги, точнее воровать... Или мелкая фарца. Но тогда зачем было учиться и, вообще, зачем тогда все – книги, картины... Остается пойти по распределению по специальности в какое-нибудь управление и сидеть там экономистом в окружении добрых стареньких тетей.

– Завтра поедem искать подходящий домик, – рассмеялся Тихон.

Утром они проснулись в номере гостиница «Москва». Лена посмотрела в окно на цветущие каштаны в сквере на Октябрьской площади и спросила:

– Едем искать домик?

– Давай сначала в Лавру сходим, – улыбнулся Тихон. Сейчас идея с домиком уже не казалась ему такой заманчивой. – Надо сначала у бога одобрение получить, – пошутил он.

– Я бы и без его одобрения обошлась, – немного расстроилась Лена. – Ну, в Лавру, так в Лавру.

До Лавры они дошли пешком. Чуть осмотревшись, спустились в пещеры. Тихон и сейчас, спустя более чем тридцать лет, помнил то впечатление, которые на него произвели эти захоронения.

Помнил, что сначала, как он не пытался, он не мог представить ничего возвышенного и святого, глядя на кости че-

репа. Было жарко и душно. Свет был только от свечек экскурсантов. Из-за замкнутого пространства было не по себе. Он почувствовал какой-то холодок смерти. А потом он увидел руки... В стеклянном гробу находилось тело человека. Оно было закрыто красивой расшитой золотом зеленой материей. А открытые руки были сложены на груди. Стало жутко. Совершенно было непонятно зачем это все надо выставлять напоказ. Эти подвижники при жизни прятались в этих пещерах от людей, а их кости после смерти выставляют на всеобщее обозрение. Захотелось выйти на свежий воздух.

Под цветущими каштанами сразу стало веселее. Со смотровой площадки открывался прекрасный вид на Днепр и на тот песчаный пляж на противоположном берегу, на котором они вчера были. В углу площадки, около невзрачного двухэтажного здания, толпа окружила очень необычную бабушку. Она стояла спиной, прижавшись к зданию, двумя руками опираясь на высокий посох и тихим голосом говорила:

– Верить я вас не заставляю, но хочу снять с себя эту ношу. Видела сон вещий: пришел на землю антихрист с огромным пятном на лбу, звать его Мишка Меченый. А вокруг него черти собираются. Дерутся между собой и орут как оглашенные. Хотят посеять ненависть на земле и народы стравить, чтобы устроить бойню, а души погибших во злобе людей себе забрать. И будут знаки, которые подтвердят желания его. По ним зрячие узнают правду. Будет черная быль огнем жечь. И пепел от нее развеется по всей земле. Это первый

знак и будет он завтра.

– Пойдем отсюда, – потянула его за руку Лена.

Они повернулись и начали выбираться из толпы. Но в этот момент Тихон почувствовал вокруг себя какое-то внимание. Он остановился. Все вокруг смотрели на него. Он оглянулся. Бабушка, которая казалась секунду назад стояла у стены, была сейчас прямо за ним. Тихону стало не по себе. Бабушка все так же опиралась на свой посох и смотрела куда-то в сторону. Сейчас он смог рассмотреть, что у неё вместо зрачков мутные серые круглые пятна. Было очевидно, что она слепая. Лена опять потянула за руку.

– Хочешь спастись, уходи из института и езжай на север в монастырь. Там твое место, – заговорила вдруг бабушка, обращаясь явно к Тихону. – А ты, девочка, его к себе не тяни, не будет тебе с ним счастья.

Потом они еще долго бродили по городу, сидели в кафе, но Тихон уже знал, что не будет никакого домика у лимана, не будет ни винограда, ни подсолнухов.

Вечером они сели в поезд и утром 26 апреля были в Москве. Отец был дома. Он сказал Тихону, что на Украине в Чернобыле взорвалась АЭС. Взрыв был похож на взрыв атомной бомбы. Все вокруг, вплоть до Киева, заражено радиацией. Через неделю Тихон уехал из Москвы и поступил послушником в небольшой монастырь.

Прошло больше четверти века, как Тихон приехал молодым настоятелем восстанавливать монастырь. Через год после тех родов у рыжей монастырской коровы Нонну Викторовну выбрали Председателем местного сельсовета. И она до последнего своего дня работала так, что на ее похороны приехало больше людей, чем на похороны первого российского президента. Столько искренних слез Тихон не видел никогда. Он подумал, что вряд ли столько людей придет на его похороны.

Многое вокруг изменилось. За это время кто мог, уехал в большие города. У оставшихся людей в глазах уже не было надежды, а лишь равнодушие и иногда ненависть. Рискнувшие уехать, часто возвращались с пустыми выжженными глазами и их рассказы о повальном московском мошенничестве, обмане, хамстве отбили желание у тех, кто только собирался. А здесь работы не было совсем. Церковное возрождение девяностых быстро прошло. На службы теперь приходили только редкие бабушки.

Все чаще Тихон сам задавал себе вопрос – зачем он здесь? Он видел, как утекает жизнь. Как она быстротечна и иногда ему становилось страшно. Может это его амбиции, гордыня и желание быть не таким как все, а найти свой особый путь и привили его к этому месту. Ведь кто он? Настоятель? Да он больше похож на председателя бедного колхоза. На что он тратит свою жизнь? Он не терял веры, наоборот, с каждым годом лучше понимая жизнь, видя каждый день и хорошее,

и плохое, он во всем находил промысел Божий. Но как говорила Нонна Викторовна – зачем богу наша любовь. Любить надо людей. И тогда может быть воздастся.

Разве не может он принести больше пользы в каком-то другом месте. От кого они прячутся здесь, в монастыре, за высокими каменными стенами. Или эти стены нужны для них? Чтобы не разбежались? Тихон видел, что никакие строгие монастырские уставы не могут вытравить в людях их человеческих качеств. И даже в их маленьком монастырском коллективе продолжают обычные житейские склоки. Они также завидуют друг другу, также злятся и обижаются. Только причины зависти не автомобиль или большой дом, а более мелкие. Ведь кому-то приходится идти на свинарник, а кому-то протирать пыль на иконах.

Два раза ему предлагали перейти настоятелем в более крупные монастыри. Но он понимал, что его, как уже опытного прораба, хотят перебросить на более крупную стройку, и отказывался.

Большим утешением для него был сад. Он уже вытянулся до реки по всему южному склону холма, на котором стоял монастырь. В этом году весна очень запоздала. Но как только потеплело и появилось солнце, за один день нежными бело-розовыми цветами покрылись тоненькие вишни. А потом к ним присоединялись крепкие роскошные яблони. Несколько дней Тихон ходил каждый день под деревьями в каком-то непонятном возбуждении и ожидании.

Когда цветение в саду закончилось, и трава под деревьями покрылась белым снегом опавших лепестков, у Тихона появилась мысль уйти из монастыря. Это одновременно и напугало его, и развеселило.

Недавно в монастырь приехал из Москвы его старый приятель: известный театральный режиссер. Он просился в послушники, но согласно правилам, Тихон мог взять его только обычным трудником, причем какой-то специальной легкой работы в монастыре не было и Гена, так звали режиссера, согласился на трудную работу при ферме.

Причина такого неординарного поступка была очень серьезная. Как это часто бывает, где популярность, там и поклонницы. Гена влюбился и решил развестись. Жену это не обрадовало. И как рассказал Гена, она с помощью друзей решила состряпать уголовное дело. Будто бы он грубо обращался с ее дочкой от первого брака и несколько раз то ли накричал на неё, то ли отвесил за что-то подзатыльник. Со слов самого Гены ничего такого не было. А всему причиной была огромная квартира на Патриарших прудах, оставшаяся ему еще от родителей. Квартира разделу не подлежала, что не устраивало его жену.

– Мы с ней пять лет прожили, – рассказывал он. – Она актриса из Саратовского театра. В одном сериале прокурора играла, а потом после этого стала больше не нужна: ее только прокурором и воспринимают. Понятно дело пьет. Я ей предложил купить квартиру на «Выхино», но она меня послала.

– Неужели без всяких доказательств можно только со слов обвинить человека? – засомневался Тихон.

– Ну вот видишь, даже ты раздумываешь: «А может и нет дыма без огня». На это все и рассчитано. Чем страшнее ложь, тем лучше. Ведь нормальный человек не подумает, что интеллигентные люди способны так нагло врать. Может чуть преувеличивают, но не будут же они просто уничтожать человека из-за квартиры. А оказывается, могут. И очень легко.

Но дальше Гена рассказал, что его делу дали ход не только из-за этого. Это был лишь повод. А главным было то, что его последний спектакль не вписывался в определенные рамки. Гена утверждал, что цензура в современной российской культуре сейчас гораздо сильнее, чем в СССР. Но в СССР было хотя бы понятно, что такое хорошо, а что такое плохо. Поэтому было попроще. А сейчас власть как девица перезрелая: сегодня у нее одно в голове, завтра другое. Есть темы, которые ты обязан затронуть. Иначе не будет денег, не будет хорошей критики. А скорее всего, просто не подпустят к театру даже пятым помощником осветителя. Но это не самое плохое. Трудно понять, кто на самом деле власть. Иногда кажется, что те, кто в Кремле, лишь куклы-марионетки, и их задача лишь щеки грозно надувать.

Гена говорил, что есть темы такие запретные, о которых даже думать нельзя. Он, конечно, не полный идиот и не собирался играть не по правилам. Но одна сцена из его нового спектакля по «Бесам» Достоевского могла быть истолкована

по-разному. В результате, дело, которое было начато из-за квартиры, кто-то вытащил на телевидение и карьера его была закончена.

Дело было представлено так, что будто бы Гена долгое время чуть ли не ежедневно издевался над бедным ребенком и были даже намеки на возможное сексуальное насилие с его стороны. Теперь было уже не до карьеры. От него, как от чумного, отвернулись все знакомые. А жена, воспользовавшись моментом, сказала, что может изменить свое заявление в милиции и добавить в него еще и педофилию, если он не перепишет на неё свою квартиру. Гена знал, что она легко это сделает, и что в его ситуации суд не будет долго разбираться и отправит его на нары на очень долгое время. А это для него означает верную смерть. Поэтому он сделал все, что от него хотели, и уехал к Тихону.

Тихон пытался узнать, что за сцены были в его спектакле, но Гена не согласился об этом говорить. «Это как ругать коммунистов на коммунальной кухне в 37-ом году. Сейчас время очень похожее. Только все наоборот. У стен есть уши. Наказывают быстро, сильно и показательно, чтобы другим неповадно было. Как мафия. Можно изменять жене, можно мужику жить с мужиком, можно воровать бюджетные деньги. Это даже не считается зазорным. Но о некоторых вещах говорить нельзя. Табу».

– Я, кажется, в своей глуши совсем от жизни отстал. А как же таланты? Есть что-то интересное?

– О чем ты? Все решают деньги. Заплатил за десяток публикаций в интернете и твой спектакль хороший, заплатил за сто – стал талантливым режиссером, заплати за тысячу и ты гений. И наоборот. Не заплатил – ты бездарь и твое творчество унылое дерьмо.

– Ну, неужели все так просто? – сказал Тихон. – Люди ведь не полные идиоты.

– Люди? Что-то люди не очень охотно покупали Ван-Гога и Гогена, пока им не рассказали, что они гении. Деньги решают все. Деньги – это власть. А власть – это еще больше денег и куча приятных дополнений. Никто ее просто так не отдаст. Поэтому при власти всегда будет свора бешеных собак: «критиков Латунских», готовых по команде разорвать любого, на кого она укажет.

После этого разговора Тихон возвращался к монастырю по склону холма над рекой. Скользя резиновыми сапогами по размокшей тропинке, он думал, что там, в Москве, люди живут полной интересной жизнью, а он тратит свою уникальную жизнь непонятно на что. Он столько лет что-то откладывал на завтра, чего-то лишал себя навсегда. А когда оно будет, это завтра? Может быть, оно было еще вчера? Он остановился. Рядом на холме стоял его монастырь. Он провел здесь уже половину своей жизни. Внизу по реке медленно уплывало вырванное весенним половодьем дерево. Глядя на это дерево, совсем недавно готовое распустится зеленой листвой, Тихон до боли в сердце отчетливо ощутил, как он

одинок. «Надо съездить в Москву. Навестить отца и брата». И в этот же день позвонил Прохор, с которым они не виделись много лет и сказал, что необходимо встретится. «Значит и богу так угодно», – решил Тихон.

Глава 18

Простое, казалось бы, решение съездить в Москву потребовало от Тихона пересмотра некоторых внутренних запретов. Очень давно, когда он был молодым послушником после какого-нибудь очередного тяжелого послушания на ферме, чтобы отогнать желание сбежать из монастыря домой, Тихон постоянно внушал себе, что Москва просто исчезла. Для этого, борясь со сном и усталостью на тяжелых ночных службах, он представлял, что в самом центре столицы в земле вдруг появлялась гигантская воронка и, вращаясь как детский волчок, засасывала в себя целый город.

А начиналось все в его воображении на рассвете в Кремле. Первым начинала дрожать, разнося вокруг тревожный звон, чугунная крышка канализационного люка на Соборной площади. Растревоженный этим, медленно отрывался от земли и откликался густым набатом Царь-колокол. Грохнув прощальным салютом, поднималась в воздух Царь-пушка. Постепенно ускоряясь, многотонные исполины начинали вращение вокруг Ивановской колокольни. Постепенно и сама колокольня начинала неохотно раскачиваться, отрывая от земли то один, то другой угол. К ней присоединялись сна-

чала Успенский собор, затем Архангельский и Благовещенский. Воспарив над землей, они медленно кружились по часовой стрелке над площадью, рассекая воздух золотыми куполами, будто в ожидании какой-то команды. С глухим недовольным рокотом одна за другой, не разрывая целостности крепостной стены, поднимались в небо башни Кремлевской стены и громадным ожерельем присоединялись к грандиозному хороводу.

В этот момент, давшая старт этому жуткому движению, крышка с тисненой надписью «Кремль» с диким воем срывалась вниз, в невидимую еще пропасть. За ней, сначала робко, один за другим, потом целыми рядами, начинали куда-то проваливаться серые гранитные кирпичи брусчатки. И вскоре на месте площади появлялась огромная черная дыра, куда сорвавшись со своих орбит, сваливались башни, соборы и дворцы. Через несколько минут на месте Кремля оставалась лишь гигантская воронка, а в нее двумя шумными водопадами обрушивалась разорванная Москва-река. А вскоре и весь город, ненадолго воспарив в воздухе и набрав необходимую скорость, умчался в пустоту воронки, которая прекратила расти, достигнув разделительной полосы МКАД.

Ощущение, что Москвы не существует, так укоренилось в Тихоне, что пришлось приложить большие усилия, чтобы мысленно вернуть ее на место. После восстановления исторической и географической справедливости, благодарная Москва подарила ему такое замечательное состояние, какое

бывает лишь у влюбленных, получивших приглашение на первое свидание. Надо было лишь определиться с местом встречи.

В отеле Тихону останавливаться не хотелось, а поехать к Прохору или отцу значило бы ограничить свою свободу. Да и не ясно было, как пройдет их встреча. Почти тридцать пять лет лишь редкие поздравления с праздниками – всякое могло произойти. Поэтому, чтобы никого не беспокоить, перед отъездом Тихон арендовал на несколько дней квартиру в Казарменном переулке. Совсем рядом со своим старым домом.

«Москву не узнаешь: европейский город теперь, – напутствовал Гена. – Тротуары гранитной плиткой выложили, бульвары все в цветах. Кафе и рестораны на каждом углу. Полно красивых магазинов. Это как из СССР 80-х сразу в Париж попасть. Можно растеряться с непривычки».

Если у Тихона и было какое-то волнение по этому поводу, то оно исчезло сразу, как только он вышел из здания Ярославского вокзала. Все было на своих местах и без больших изменений. Прямо напротив за Комсомольской площадью разновысокий силуэт Казанского вокзала с синим циферблатом часов, чуть правее высотка гостиницы «Ленинградская» и рядом железнодорожный мост, под которым начиналась дорога к дому.

От вокзала до квартиры пешком было минут тридцать, и Тихон решил прогуляться. Из-под моста он вышел на Ка-

ланчевскую улицу. Здесь все было, как и прежде. От небольших изменений были такие же ощущения, как от раскрашенных советских черно-белых фильмов. Стало, конечно, ярче, но сказать однозначно, что новый вариант лучше и органичнее было нельзя. На Садовое кольцо он вышел около еще одной сталинской высотки, где когда-то жил его хороший приятель радиолобитель Валя Старобинец. Для всех знакомых это был человек из другой, гораздо более развитой цивилизации. Его комната была вся заставлена разной полувоенной техникой, которая непрерывно пищала, моргала лампочками, дрожала стрелками индикаторов, скрипела, выдавала отрывки разговоров на разных языках и, главное, великолепную музыку.

Как-то Прохор уговорил Валу выдать в эфир запись их школьной рок-группы. Из-за этих нескольких минут сомнительной славы у Вали чуть не изъяли всю его технику, а вместе с ней дело его жизни. В конце концов, ограничились приличным штрафом. Братьям досталось гораздо меньше. Через несколько дней во время урока в класс вошел директор школы и пригласил Тихона с Прохором к себе в кабинет. Там их ждал очень веселый человек хорошо эрудированный в вопросах современной музыки. Задав несколько ничего не значащих вопросов, он, мягко улыбаясь, попросил в следующий раз выступать через официальное радио в молодежных передачах и даже пообещал содействие. Но Прохор уже остыл к музыке и увлекся театром.

Тихон слышал, что сейчас Валя очень богатый человек и живет в Канаде.

По Садовому Тихон дошел до бывшей улицы Чернышевского, а по ней до Лялина переулка. Свернув в переулок, Тихон как будто провалился в прошлое. Почти с каждым домом, с каждым двором, было что-то связано. Воспоминания в голове менялись как узоры в калейдоскопе, создавая цветные картинки из давно минувших событий. От переизбытка эмоций и от смены обстановки кружилась голова и хотелось схватить за руку какого-нибудь прохожего и рассказать ему о том, что здесь происходило много-много лет назад. Через знакомые с детства дворы он вышел на соседний Казарменный переулок и быстро нашел нужный ему дом. Через несколько минут девушка-администратор, с которой он заранее договорился о встрече, передала ему ключ от арендованной квартиры.

Через час на Покровском бульваре впервые за тридцать пять лет он встретился с братом. Тихон даже немного растерялся, увидев Прохора, и первое что пришло ему в голову: «Неужели я и сам такой же старый?» Они молча обнялись. Прохор, заметив смущение в глазах брата и догадавшись о его причине, сказал чуть оправдываясь:

– Это ты там, на монастырской пище, на свежем воздухе ни капли не изменился, а я да... Смотрю на себя в зеркало и сам себя не узнаю. А внутри еще хуже, чем снаружи. Время не делает нас лучше... по крайней мере, внешне, – после

небольшой паузы сказал Прохор.

До встречи Тихон представлял брата все таким же веселым, энергичным и даже немного задиристым, а увидел перед собой вялого, очень худого человека с осунувшимся лицом, на котором застыла какая-то кривая пренебрежительная усмешка. Но больше чем нездоровый облик брата, Тихона очень встревожил странный блеск в его глазах. Очень похожий взгляд бывал у ревностно верующих людей, которых Тихон встречал среди своих прихожан.

– А по тебе никогда не скажешь, что ты монах, да еще настоятель, – оценил Прохор внешность брата. – Больше похож на нежелающего стареть рокера, а был бы беретик на голове, так вылитый Че Гевара.

Тихон первый раз за много лет решился выйти на улицу в обычной одежде: джинсах и темно синей рубашке. Длинные темные волосы он стянул в хвостик, а редкая борода у него почти не росла. Худощавый, невысокий, с ясными, умными, веселыми глазами, окруженными мелкими морщинками, он действительно был похож на героя кубинской революции.

– Ты ведь, наверное, голодный с дороги? – предположил Прохор. – Я знаю тут одно местечко – тебе понравится. Там все и расскажу.

Они пошли вверх по бульвару. Всю дорогу через каждые несколько метров они останавливались, и Тихон восторженно говорил: «А помнишь...» и рассказывал что-нибудь

из детства и юности.

Когда умерла их мать они только пошли в первый класс. Отец почти не уделял им внимания, и Прохор с Тихоном были предоставлены сами себе. Поэтому вспомнить было что.

В первом классе мир ограничивался только своим двором, даже школа тогда была в этом же дворе. Но вскоре их мир стал расширять свои рубежи. Сначала до бульвара, по которому они сейчас шли, потом до Садового кольца и Курского вокзала. А как-то они заскочили в трамвай и оказались в Замоскворечье, которое их встретило очень не гостеприимно и зафиксировало встречу двумя синяками под левыми глазами обоих братьев. С тех пор, все, что не было за Садовым кольцом, считалось враждебными территориями.

У Чистых прудов Тихон не удержался и, спустившись, опустил ладони в теплую воду. Прохор смотрел на это немного снисходительно, пытаясь скрыть, что его тоже растрогали воспоминания.

– А помнишь, после выпускного вечера, когда мы все пришли сюда под утро, ты выдумал, что существует традиция купаться здесь голыми? – рассмеялся Тихон.

– Ага, но поверила в эту традицию только Машка Павлюченко, а она, к сожалению, совсем не была похожа на русалку, – отозвался Прохор.

Через несколько минут они подошли к двухэтажному зданию на берегу пруда.

– Я помню: здесь был индийский ресторан с непроизно-

симым названием, – вспомнил Тихон.

– Сейчас почти все то же самое, только не для всех, – ответил Прохор.

Вежливый молодой человек проводил их в небольшой зал на втором этаже. Одна стена в зале была почти вся застеклена и выходила на пруд. Пальмы в больших медных горшках, изящный фонтан с маленьким водопадом, мозаичным дном и цветными рыбками, плетеная мебель с яркими разноцветными подушками – все это действительно напоминало что-то индийское.

– Ты же, наверное, и не ешь ничего: посты и все такое, – спросил Прохор.

– Сейчас Петров пост, но рыбное сегодня можно, – ответил Тихон. – Ты мне почти ничего не рассказал, как отец попал в больницу. Когда его можно будет навестить?

Прохор подробно обрисовал то, что произошло утром. И о сорванной свадьбе и об Анфисе. Рассказывая о роли Софьи, он с любопытством посмотрел на Тихона, но тот, казалось, больше интересовался медицинским диагнозом, а не причинами произошедшего.

На самом деле Тихона интересовало все. Он хоть и провел эти годы всего в нескольких часах езды от Москвы, но то, что происходило в его семье и в стране, было для него совершенно непонятным. То, что рассказывал брат, требовало каких-то других знаний, и кроме Прохора никто ему помочь не мог.

– Ты я вижу, как будто с необитаемого острова приехал. Ты хоть телевизор там смотрел? Про интернет я и не спрашиваю, – у Прохора всегда была привычка вести себя так, как будто он знает что-то такое, чего другим недоступно. Еще в детстве Прохору за это часто доставалось от товарищей. Но желание показать свое превосходство тем, что у него есть доступ к разным, часто выдуманным им самим секретам, было сильнее. Сегодня, когда он понял, что действительно необходим брату, в голосе у него сразу появилось прежняя снисходительность.

Тихон это заметил, но сейчас это не обижало, а возвращало в доброе прошлое.

– Телевизор я смотрел и интернет у нас есть, но это же невозможно сравнить с твоими знаниями, – решил он небольшой лестью подыграть брату. – Если бы ты мог немного меня просветить...

– Хорошо, – согласился Прохор, – но с одним условием.

– Конечно. Каким?

– Сначала ты мне расскажешь, зачем ты все бросил и ушел в монахи. Можно коротко.

– Если коротко, – начал Тихон, – в тот момент я подумал, что вся моя жизнь предопределена. Из-за отца... Всю жизнь быть «сыном Романова». Получалось, что как будто я ее уже прожил. Тогда меня это очень испугало.захотелось попробовать пойти другим путем.

– Ну и что? Как этот другой путь?

– Вряд ли человек когда-то будет полностью доволен своей жизнью...

– Я не про это, – прервал его Прохор, – я про страх предопределенности. Он прошел?

– Сейчас я этого не боюсь, – Тихон говорил, глядя в глаза Прохору, пытаясь понять, как тот отреагирует на эти очень важные для него самого слова. – Сейчас я твердо знаю, что жизнь каждого человека в руках бога, все наши дальнейшие шаги ему известны, но вместе с тем бог бесконечно добр и всегда оставляет человеку свободу выбора.

– Стоп, стоп. Как это? Все события расписаны, но свобода воли есть? Разъясни мне, пожалуйста, только без этой вашей... ну ты понимаешь, – Прохор покрутил кистью руки у себя перед лицом, – без витиеватости...

– Помнишь, когда мы в пятом классе подложили учительнице биологии пару кнопок на стул?

– Ну да... Крику было много. Как она вообще их почувствовала? Полшколы сбежалось.

– Ты тогда сказал, что Петька Демидов обязательно расскажет директору, кто это сделал.

– Он и рассказал.

– Вот видишь, ты не бог, а все заранее предсказал. И при этом у Петьки сохранилась свобода воли. Ведь он мог и промолчать. Так и бог всегда знает, что с нами произойдет, но каждому человеку оставляет возможность выбора.

– Да уж, – засмеялся Прохор, потирая руки довольный по-

нятным примером. – То есть наши поступки заложены в нас самих. И практически неизбежны. А как же тогда использовать свой шанс на свободу выбора?

– Если коротко, то молитвой и огромным трудом. Но на твой вопрос я уже ответил. А эта тема бесконечна. Твоя очередь рассказывать, – Тихону не терпелось выслушать брата.

– Хорошо. Только вот еще последнее... А стран это тоже касается? Есть ли у стран своя судьба?

– Конечно есть... Но и свобода выбора тоже.

В этот момент начали приносить закуски. И главным блюдом была уха.

– Раз пост, то сегодня рыбный день. Такой ухи, Тихон, ты нигде больше не попробуешь. А знаешь что важно: главный ароматный навар ведь не стерлядь дает и не судак с семгой, хотя без них настоящей архиерейской ухи не сварить, а простые ерши. Ну, за встречу! – Прохор выпил рюмку, сильно поморщился и продолжил. – Как ты вовремя приехал. Как раз все завтра сам и увидишь. Чтобы ты все понял, я сейчас кое-что тебе расскажу. Только придется начать издалека.

– Уж сделай одолжение – просвети нас, сельских жителей.

– Ты, главное, сразу не наедайся. Сейчас рыбник принесут. Вроде ничего особенного – простая щука в тесте. В этом все и дело. Сделать шедевр из самого простого... С какого периода начнем?

– Наверное, мне надо сначала понять, как так получилось, что когда в 1986 году я уезжал, то СССР, мне казалось, был

незыблем как гранитная глыба, а через пять лет его не стало. Что отец рассказывал?

– Да столько лет прошло. Сейчас это уже не важно, – было видно, что Прохору не понравился вопрос об отце. – Сам же говоришь: все predetermined. Было сотни векторов направленных на разрушение страны и не одного на сохранение.

– Ну нет, – Тихон отложил ложку и несогласно покачал головой. – Я хоть и уехал, но не на Северный же полюс. Был же референдум. Большинство хотело сохранить страну. И уж абсолютно точно никто из людей и представить не мог, что произойдет дальше.

– Вот из-за этих людей ничего и не получилось, – Прохор опять вернулся к своему назидательному тону и говорил как бы неохотно и с одолжением, старательно делая вид, что это все должно быть известно каждому школьнику. – Не хотел я на это тратить время, но, кажется это необходимо. Все идет от человека, вот от этого ерша, – Прохор выловил ложкой из тарелки маленькую, почти прозрачную рыбку. – Дело в том, что социализм подразумевает человека сознательного. А сознательный – это когда он без палки, без других стимулов работает на общество и на страну. Нет такого человека – нет социализма.

Прохор нежно взял рыбку за голову двумя пальцами, наклонил назад голову, опустил ее в открытый рот, несильно сжал зубы и вытащил обратно только скелетик с хвостиком.

– А что, по-твоему, было у нас семьдесят лет. Не социализм? – Тихон пытался не обращать внимания на высокомерие брата.

– Социализм – он разный... Был ленинский, потом сталинский, а мы с тобой ностальгируем по брежневскому... И не потому, что он хороший, а потому, что наша молодость... – Прохор, довольный собой, откинулся на спинку стула, держа в одной руке рюмку, а в другой рыбий скелетик. – Самое смешное заключается в том, что социализм похоронили именно те, кто его и придумал: либеральные интеллигенты. Точнее их внуки. Помнишь программный спектакль у Любимова?

– «Мастер и Маргарита»?

– Ну, нет. Это уже была попса. А первым был Брехт «Добрый человек из Сезуана». Не было бы этого спектакля – о Любимове никто не узнал бы. А после него из Таганки сделали знамя и символ.

– А чем он интересен и почему программный?

– Так этой пьесой дали сигнал, что проект социализм не удался и его пора закрыть. Ты разве забыл о чем там речь? Добрая женщина пытается помочь соседям, а соседи доводят ее до нищеты и разорения. Проще про это пропела Шапокляк. Это уж ты должен помнить: «Кто людям помогает, тот тратит время зря», – Прохор засмеялся, чуть вытянул вперед шею и подбородок, залпом выпил рюмку, потом понюхал рыбку и добавил: – А значит социализм, основанный на

доброе, невозможно. Потому что человек существо недоброе.

Тихон вспомнил о словах Гены, что настоящая власть сидит вовсе не в Кремле. «В те времена без согласования с КПСС и КГБ ни один фильм и ни один спектакль появиться не мог, – подумал Тихон. – Значит если принять, что брат прав, значит уже тогда, в 70-х, советская элита лишь исполняла чей-то приказ».

– Так эту пьесу Брехт, кажется, еще до войны написал, – вспомнил Тихон.

– Точно, в 1941 году. После того, как Сталин внес заметные коррективы в цели построения социализма. До пресловутого тридцать седьмого года российский социализм рассматривали как начало глобального мирового переустройства, а Сталин не захотел стать марионеткой. Кавказская кровь... И решил строить социализм в одной стране в расчете на собственные силы. Плохо это или хорошо – мы уже не узнаем. Но личные амбиции кавказского парня остановили очередной план глобализации. За это из Сталина сотворили образ кровавого тирана, но Россия стала мировой державой. Через десять лет после того как Сталина закопали, его обвинили во всех тяжких грехах и решили тот сталинский социализм прикрыть. То, что мы застали – это уже была агония.

– Да ладно, – Тихон посмотрел на Прохора недоверчиво, подумав, что тот опять придумывает какие-то конспирологические секреты. – Кто смотрел этого Любимова? Это ты

выдумываешь.

– Любимова смотрели, конечно, только допущенные, в этом и был смысл, но вот Гайдая смотрели миллионы.

– А Гайдай здесь причём?

– А у Гайдая в это же время запели про тех, которые «на лицо ужасные добрые внутри». Помнишь, наверное: «Что они не делают, не идут дела. Видно в понедельник их мама родила» и Миронов ножкам так хлоп-хлоп. Как ты думаешь, про кого эта песенка? Не о советском ли народе, строителе коммунизма? И вторая песенка там есть, для тех кто первую не понял... Про зайцев, которые никого не боятся: ни волка, ни лисы, потому что они косят траву. При той цензуре сказать, что единственный выход для советских остроумцев это отменить понедельники, то есть социализм, и начинать косить траву под руководством каких-то зайцев, могли только с разрешения на самом верху.

– Ну, у тебя и воображение! Я этот фильм смотрел сто раз, и мне даже в голову не пришло, – Тихон внимательно смотрел на Прохора, не понимая, шутит тот или говорит серьезно. – А дальше что?

– Дальше все просто: из миллиона обиженных Сталиным выбрали нашего папу, дали неограниченные властные рычаги. Все как обычно: глупость, жадность и предательство. Вообще-то, социализм, основанный на изменении к лучшему человеческой природы, был обречен с самого начала. Изменить человека невозможно.

– А как же первые в космосе и другие достижения? – Тихон спросил почти машинально.

– Эти достижения были в тот период социализма, который основан совсем не на добре и сознательности, а, наоборот, на палке и кнуте. И возвращаться туда вряд ли кто захочет. Хотя без палки, видимо, не обойтись.

– А как же христианство? Оно тоже основано на любви, – спросил Тихон и поморщился, понимая, что ответа на его слова не будет. – Ладно, с социализмом хотя бы понятно. Но зачем было страну разваливать?

Прохор опять посмотрел на брата, будто бы удивляясь наивному вопросу.

– Да с этим как раз все ясно. Одно следовало из другого. Если человек человеку не друг, не товарищ и не брат, то зачем нужны нахлебники в виде гордых бедных и очень обидчивых республик? Ракетно-ядерное оружие отменило необходимость большой толпы солдат. А в экономике к этому времени в мире твердо сложилось разделение прав и обязанностей. И, к сожалению, для России осталась только одна вакансия, несколько обидная, но не самая хлопотная. Роль сырьевого придатка. А сидеть на трубе лучше и проще, когда народу меньше. Поэтому расковыряв национализм по окраинам, Россия избавилась от кучи нахлебников. Да еще и так красиво, что теперь они до сих пор никак не поймут, что не они ушли, а их послали...

– Я даже не буду спрашивать тебя, кто распределял роли

в этом твоём несуществующем мире, почему страна, создавшая это ракетно-ядерное оружие, оказалось пригодна только для роли бензоколонки, – Тихон понял, что у брата сложилось твердое мировоззрение и спорить с ним бесполезно. – Но если ты говоришь, что чем народу меньше, тем лучше, то где тогда пройдут окончательные границы такого государства? По границам Московского княжества Ивана Калиты? Так здесь нет ни нефти, ни газа. На что оно будет жить? – Тихон неожиданно разозлился. – И вообще, это уже не страна, а какая-то банда. Что-то же должно народ объединять: идея, религия, общая история, наконец.

– Вот какой ты умница – мы как раз пришли к самому главному. Во-первых, Тихон, ты почему-то чуть ли не меня в этом обвиняешь. Это не я спланировал и не я осуществил. А во-вторых, многие из тех, кто это делал, искренне считали, что все это идет на пользу стране, а значит людям.

– Да уж, благими намерениями вымощена дорога в ад.

– Тихон, есть объективные вещи и от того что мы будем пытаться их игнорировать они не исчезнут. Все это: общая история, религия никого никогда не объединяла. Вот мы с женой столько лет прожили, а ничего общего между нами нет. А историческая общность народов – это вообще бред. Объединять людей могут только материальные интересы, а не какие-нибудь фантазии о далеком будущем в виде коммунизма через много поколений и тем более рая в загробной жизни. Людям сегодня нужна хорошая машина,

дом, красивая одежда, путешествия. Потому что завтра ничего может и не понадобится.

Как раз в это время официант принес на деревянном подносе, накрытом белым полотенцем, большой пирог. Из пирога выглядывала большая щука с небольшим ярко-красным яблоком во рту. Бока ее были развернуты в разные стороны и накрыты тестом.

– Они делают это в настоящей дровяной печи. Обязательно возьми кусочек и попробуй, – предложил Прохор.

Тихон отломил небольшой край румяного пирога. Сверху лежали аппетитные кругляки запеченного лука, а хрустящая корочка, местами светло-желтого, местами красно-коричневого цвета, пахла вкуснейшим хлебом, свежайшей рыбой и березовыми дровами. Тихон откусил. Пирог был великолепным.

– Ну что? Я тебе говорил: это шедевр. Рыбу есть не надо. Она нужна только чтобы дать вкус и мякоть.

Прохор налил себе еще одну рюмку и тоже, отломив кусочек, мгновенно выпил. Потом закрыл глаза и, улыбаясь, понюхал пирог.

– А Софья мне за тридцать лет ни разу даже блинов не испекла, – с грустью и тоской выдохнул он.

– Вообще-то, чревоугодие – это грех.

– У вас попов все, что по-настоящему приятное, все грех.

Ну что, переходим к главному?

– Да, конечно.

– Помнишь, с чего мы начали разговор? С того, что у каждого человека есть свой путь, избежать которого он практически не сможет.

– Да. Предопределение.

– Помнишь наш класс, когда мы еще учились в общей школе? Ведь все про всех можно было сказать заранее. Любой хороший детский психолог, осмотрев первоклассника, угадает с большой вероятностью, кем он вырастет. Из всего того нашего класса собственно никто никем не стал. А потом мы с девятого класса перешли в спецшколу на Солянке. И почти весь выпуск сейчас так или иначе приносит стране большую пользу.

– К чему ты это говоришь?

– К тому, что страна может быть сильной, только основываясь на своей родовой национальной элите. А не на дворовых голодранцах. Всегда, везде и во все времена это было залогом успеха. Никакая армия не победит без хороших командиров.

– А что будут делать те, кто не попал в вашу элиту? – усмехнувшись, поинтересовался Тихон.

– Продолжать жить, как и живут, – не задумываясь, ответил Прохор, пожав плечами. – Большинство из них ничего и не поймет. Они вряд ли способны задуматься над своей жизнью. Просто катятся по жизни, как по течению. К тому же для них сейчас есть всякие инстаграммы, твиттеры, фейсбуки, сотни сериалов и другого информационного мусора,

в котором для них непрерывно создаются новые бесплодные цели и задачи, которые вносят в их жизнь хотя бы какой-то смысл. И ты знаешь, идея улучшить свою жизнь, пришив силиконовую грудь, гораздо больше им нравится, чем идея получить хорошую специальность и пойти работать для себя и общества. Поэтому они счастливее, чем ты: они уверены, что точно знают, чего хотят. Хотя их желания моделируют другие люди.

– Как-то ты очень плохо думаешь о своих соотечественниках.

– Давай без ханжества и лицемерия. Ты, наверное, забыл, что происходило в СССР. Как толстые хабалки обвешивали в магазинах, как обсчитывали в кафе, как вымогали деньги в ЖЭКах, автосервисах, ателье. Забыл, как воровали мясо в столовых, недоливали бензин, разбавляли водой пиво. Забыл, как телевизоры ломались в первый день, а автомобили на второй, потому что пьяные рабочие молотком забивали саморезы, вместо пайки лепили скрутки, а вместо сварки использовали синюю изоленту. Забыл гнилую морковь, нечищенные коровники и зеленую картошку с комьями земли. Поголовное воровство было нормой. Чья-то мама гордо приходила с работы на мясокомбинате, обмотанная сардельками, и учила дочку, как надо жить. Папа приносил с завода украденную, абсолютно ненужную дома фрезу, и гордо хвастался подрастающему сыну: «Вырастешь, пойдешь в мой цех – станешь настоящим человеком!»

– Ну не все так плохо. Ты преувеличиваешь, – неуверенно возразил Тихон.

– Я?! Многие сейчас ругают нашего отца. Да, он много чего сделал не так, но ты знаешь, какие жуткие цифрынесли ему на стол. По пьянству, по преступности, по смертности. Да мы стремительно лезли во всем этом безобразии на первые мировые места. Зарезать собутыльника на кухне, забить ногами до смерти прохожего, чтобы забрать у него мелочь на бутылку водки... Этим даже гордились. Стоило чуть дать людям свободу, и они сразу показали, что они могут. За несколько лет после того, как не стало палки сталинизма, страна деградировала настолько, что не могла прокормить саму себя.

– Нет, конечно, не забыл. Но ведь были и хорошие люди, – сказал Тихон.

То ли от выпитого, то ли от взволнованности в глазах Прохора опять появился тот лихорадочный блеск.

– Тогда эти хорошие люди должны были хотя бы попытаться сохранить свой социализм и свою страну СССР, – презрительно сказал Прохор, – а не продавать за жвачку и джинсы. В жизни редко даются вторые шансы. А что сделали они в своем беспробудном пьянстве и дикой зависти? А? – он сделал паузу, ожидая ответа и не дождавшись, прокричал: – Они сами свергли свою власть.

Прохор согнулся и опустил голову к ногам. Плечи его тряслись. Тихон не мог понять, что с ним. Он встал, подошел

и тронул его за плечо.

– Прохор, ты как?

В этот момент Прохор выпрямился и откинул назад голову. Стало видно, что он смеется. Это было страшно. Из глаз его текли слезы. Он их утирал тыльной стороной левой руки, а правой махал так, словно пытался стряхнуть с нее что-то прилипшее. Все это он делал почти беззвучно, лишь глубоко и часто хватая ртом воздух. А потом началось какое-то кряхтенье, сразу сменившееся глухим надрывным кашлем. От напряжения лицо стало малиновым и на висках набухли синие вены. Когда он успокоился, на лицо опять вернулась пренебрежительная усмешка.

– Они выгнали коммунистов за их копеечные привилегии, потому что мечтали их сами получить. Но вышел облом. Они думали «кто был ничем, тот станет всем», а получилось как всегда. «Дураки остались в дураках, а журавль снова в облаках». И теперь это навсегда. Больше им из стойла вылезти никто не даст. Больше никаких революций, для их же спокойствия. Касты на века.

– За что ты их так ненавидишь? – тихо спросил Тихон.

– Ненавижу? Да нет. Скорее презираю. Хочешь, верь, хочешь, нет, а я любил СССР, я привык гордиться им. И было за что. Да к тому же, если убрать все эмоции, социализм самая справедливая и самая экономически выгодная форма управления государством. Впервые за всю тысячелетнюю историю у России появился шанс стать достойной державой.

Но из-за глупости, жадности, подлости и зависти людей он провалился. И теперь я хочу, чтобы они знали свое место.

– А ты о газовых камерах еще не думал?

– Извини Тихон, – Прохор встал со стула и отошел к окну.

Тихону показалось, что он вытер слезы на глазах.

– А ты давно встречался с кем-нибудь из нашего двора? – спросил Тихон, чтобы сменить тему.

– Даже не помню. А что?

– Я вчера нашел в интернете пару наших ребят и договорился о встрече. Так что поехали, съездим. Заодно и проверим твою теорию пока не поздно.

– А куда ехать? – спросил Прохор, не поворачиваясь от окна.

– Сказали, что живут в Некрасовке. Это что?

– Некрасовка – это жопа.

– Почему жопа?

– Потому что если где-то есть рот, то где-то обязательно будет жопа. Кстати, именно в Некрасовке все завтра и должно произойти. Так что едем. Это судьба.

Глава 19

Из телевизора, подвешенного к потолку, Екатерина Андреева с торжественной интонацией, с которой когда-то произносили рапорты об открытии в стране новых заводов к очередной годовщине Октября, рассказывала, насколько выросло количество российских миллиардеров в списке

Форбс по сравнению с прошлым годом.

На 22-ом этаже панельного дома в Некрасовке на кухне у окна стоял отец Томаса Энрике, названный так в честь погибшего под Москвой деда, и смотрел на странный желтый дым, поднимающийся за домами напротив.

– Похоже, это на свалке что-то горит, – решил он.

Его жена Лена выключила воду, убрала чистые тарелки в шкаф над раковиной и подошла к мужу.

– Химией какой-то пахнет. Давай окно закроем, – предложила она. – А ты, Саня, кури, пожалуйста, поменьше и так дышать нечем.

Александр Геннадиевич Рыжиков – Саня, из-за волнений по поводу предстоящей встречи одноклассников, выпил уже половину бутылки водки, ничем не закусывая, лишь прикуривая новую сигарету после каждой выпитой рюмки.

– Пока вы в окно смотрите, я придумал, как в стране устроить полное согласие между всеми гражданами, – объявил Саня, показывая пальцем на телевизор.

– Предлагаешь телевидение и интернет отключить? – предположила Лена.

– Ну это тоже способ неплохой, но у меня есть более гуманный вариант. Все просто. Собираются эти жулики, – Саня опять показал на экран телевизора, – где-нибудь у себя в Куршевеле и сами раз в год выбирают одного из своих миллиардеров для принесения в жертву. Умные жрецы давно этот метод освоили. Только они самую красивую девуш-

ку в жертву приносили, чтобы никто никому не завидовал и в стране был мир и покой... Так вот. А в это же время здесь, в России, в предновогоднем выпуске «Поле чудес», разыгрывается возможность поучаствовать в исполнении.

– В каком исполнении? Что-то я нить потерял, – поинтересовался Энрике и повернулся от окна.

– Участвовать в расстреле выбранного ими олигарха, – разъяснил Саня и рассмеялся, радуясь своей идее. – Вот представь, – Саня повернулся к другу и продолжил рассказывать, обращаясь к нему: – Десять минут до Нового года... все уже за столом провожают Старый год и по телевизору начинается репортаж с Красной площади. Этот мужик с усами... как его...

– Янукович... нет... Якубович, – подсказала Лена.

– Да, Якубович. И он говорит, держа в левой руке микрофон, а правой указывая на Лобное место у Покровского собора: «А сейчас, товарищи, те счастливики, которые получили право участия в новогоднем праздничном расстреле, от всей души пальнут в этого гада из петровских пищалей из Оружейной палаты. Мы специально для этого случая их отреставрировали, так что осечки не будет. Рядом с ними в эти минуты будет мысленно вся наша могучая Родина». Он коротко перечисляет, что украл этот олигарх, сколько людей из-за него пострадало, сколько он совершил других преступлений. Потом из Спасских ворот Кремля выходит торжественный караул, а за ним человек десять этих счастливи-

ков. Они радостно улыбаются, машут собравшимся на Красной площади людям и проходят к Лобному месту. Медленно кружится пушистый новогодний снег. Судья в мантии зачитывает приговор, и расстрельная команда очень гуманно приводит этот приговор в исполнение. Думаю, от выстрела из десяти пищалей его мгновенно разорвет на маленькие кусочки. Потом Президент выступает с поздравлениями. Бьют куранты. Залпы салюта. Радостные люди обнимаются и целуются. Останки олигарха тут же сжигают на Лобном месте. Неужели жизнь нескольких жуликов, дороже спокойствия в стране?!

– А почему ты думаешь, что олигархи пожертвуют своим... коллегой? – спросил Энрике.

– Во-первых, чтобы получить возможность дальше воровать, во-вторых, в каждой группе людей всегда есть тот, которого никто не любит и, в-третьих, если его судить по закону, он настучит на всех остальных, а там все настолько замазаны, что стреляй любого – не ошибешься. Зачем им это? Сейчас Сталина ругают, что он как-то половину съезда своих большевиков под расстрельные статьи подвел. Так вот, посмотри сейчас на нашу Думу или Правительство, там есть кто-то, кого можно пожалеть? Ни одного! Если здесь на улице завтра опрос провести, то все проголосуют за то, чтобы всех этих думцев пожизненно в Соловецкий монастырь отправить.

– Я смотрю, ты добрый сегодня, – сказала Лена. – А вы по-

думали, чем гостей кормить будете? Или вы их сразу на расстрел? Я картошки почистила, придут – пожарю. Есть банка грибов, банка огурцов. Колбасы там немного осталось в холодильнике.

– Самогонки у нас трехлитровая банка. Должно хватить, – неуверенно прикинул Энрике. – Да и они может чего-то принесут.

Энрике, очень высокий, с благородной сединой в волосах стального цвета, моложавый мужчина старше пятидесяти, тоже волновался перед предстоящей встречей. Хотя они все и были друзьями детства, но Прохор поднялся на самый верх, а они сидели без работы в самом бедном районе Москвы. Куда переехали из того же дома, где жили братья. В начале 90-х Романов отселил сюда всех из той части дома, в которой сейчас жил сам, наобещав им чего только можно и, естественно, не сдержав своих обещаний.

– Сомневаюсь я, что они чего-то принесут, – сказал Сая. – А Тихон, он тоже в правительстве или чем-то другим занят?

– Тихон в монастыре, – ответила Лена, – как уехал в 86-м, так там и остался.

Лена вспомнила про ту поездку с Тихоном в Киев и посмотрела на мужа. Сейчас она волновалась больше всех, но по ней заметить было невозможно.

От ресторана на Чистых прудах до Некрасовки Тихон уговорил Прохора доехать на метро, в котором оба не были уже

много-много лет.

– Вот это да! – выйдя на поверхность, Тихон, растерянно озираясь, оглядывал бесконечные ряды высотных и абсолютно одинаковых жилых домов. – Дома как термитники. Мне здесь как-то не по себе. И запах ужасный. Свалкой пахнет. Как же они здесь живут?

– После твоей деревни, конечно, не по себе. Пожил бы немного – привык.

Прохор чуть протрезвел после ресторана и тоже не очень уверенно осматривался вокруг. Он уже много лет не был так давно от центра Москвы, да еще без машины. Рассказывать Тихону, почему горит свалка, он не хотел. Да и в гости ему идти уже совсем не хотелось. Он попробовал увильнуть от встречи:

– Зря мы сюда приехали. Аура здесь отвратительная.

– Что здесь раньше было? – поинтересовался Тихон.

– Ты не поверишь, – Прохор пренебрежительно усмехнулся, – сюда сто лет со всей Москвы канализацию сливали. Здесь на километры вокруг отстойники были. А вот теперь, видишь, жена мэра город-сад на говне построила.

– И что же люди здесь квартиры покупают?

– И не просто покупают. Здесь, можно сказать, самые активные люди страны собрались. Кто в деревне хвосты коровам крутить не хочет и баклуши бить, все сюда едут.

Тихон вспомнил забитые окна брошенных домов вокруг монастыря. Заросшие березняком бывшие колхозные поля,

развалившиеся фермы.

– А что же они здесь делают?

– Китайские чайники и пылесосы друг другу продают. Вообще-то, толку от них государству никакого, но их здесь выгоднее держать, экономичнее. В одной такой бетонной коробке три деревни помещается. Школ меньше, больниц меньше, дорог меньше. Да и им самим интереснее здесь, чем в какой-нибудь дыре. Двадцать первый век.

– Я думаю, если была бы работа у них дома, то они бы сюда не поехали. Ведь, по сути, здесь так и остался отстойник. Только теперь человеческий. Лет через двадцать единицы смогут вырваться, а здесь будет большое гетто.

– Так все рассчитывают, что именно они поймают за хвост птицу счастья.

– Ты так спокойно об этом говоришь. А если они не захотят жить в гетто? Здесь до Кремля совсем близко. Это не из Вологды идти.

– Да брось ты. Перевероты и революции везде и во все времена устраивались исключительно какой-либо частью самой власти. Сам народ может лишь иногда сгоряча, а чаще по пьянке, барский дом подпалить... Ну ладно, пойдем, раз приехали.

– Может быть, надо в магазин зайти, купить что-нибудь? – спросил Тихон.

– Хорошо, что ты вспомнил, а то пришли бы с пустыми руками, – Прохор даже стукнул себя по лбу, расстроенный

собственной несообразительностью.

В магазине Прохор начал набирать в тележку самые дорогие продукты и напитки, но Тихон его остановил:

– Давай возьмем что-нибудь попроще, а то подумают, что ты или похвастаться хочешь, или задобрить.

– Ты опять прав, – сказал Прохор, – я не подумал.

Глава 20

Неловко пообнимавшись в тесной прихожей, мужчины расселись за столом в комнате, а Лена ушла готовить на кухню.

– А у тебя раньше волос чуть больше было, – улыбнулся Прохор, глядя на почти совсем лысого Саню и вспоминая его молодым с прической, как у Анджели Дэвис. – Тебя даже в школу не пускали без родителей, стричься заставляли.

– Зато теперь рога сразу видно, – отшутился Саня.

– Раньше обычно ты сам рога наставлял, – сказал Прохор. – Помню, как своими прыжками с вышки в бассейне «Москва», где сейчас Храм Христа Спасителя опять поставили, ты всех девчонок у нас уводил.

– Не выдумывай. Там в мороз такой туман был, что ни меня, ни девчонок видно не было, – скромно ответил Саня.

– А после бассейна мы в пельменную ходили, – напомнил Тихон.

– Самая лучшая пельменная была у Политехнического на Богдана Хмельницкого. Сколько же мы там портвейна

выпили... – Прохор как будто вернулся на угол той улицы, на крыльцо здания в стиле советского авангарда, где тогда находилось ЦК ВЛКСМ, куда он несколько лет ездил на работу.

– Теперь это опять Маросейка, – уточнил Саня. – Помню, после этой пельменной мы пошли фильм «АББА» смотреть.

– Да, вниз по улице, в кинотеатр «Новороссийск». Там потом Серега Минаев первые дискотеки устраивал, – сказал Прохор.

– «АББА», конечно, фантастика, – поцокав языком, добавил Саня, – даже на экране.

– Про всю «Аббу» не скажу, но когда эта беленькая, как ее... – Прохор несколько раз щелкнул пальцами.

– Агнета, – улыбаясь, напомнил Тихон.

– Да, Агнета, – кивнул Прохор. – Когда эта Агнета повернулась к залу спиной и пошла в глубину сцены в своих белых обтягивающих брюках, покачивая бедрами... Это была фантастика! – засмеялся Прохор.

– У меня ее попа до сих пор перед глазами стоит, – тихо сказал Саня и глубоко вздохнув, добавил: – Это иногда очень помогает с женой по ночам.

В этот момент рассмеялись все и даже Энрике, который до этого не принимал участия в разговоре.

После того, как Лена принесла закуски и села за стол, воспоминания стали чередоваться с частыми тостами.

Лена украдкой посматривала на Тихона. Он внешне силь-

но отличался от ее мужа. Был ниже на голову. У мужа волосы были жесткие поседевшие и коротко постриженные, а у Тихона длинные, до сих пор каштановые и чуть выющиеся. В отличие от Энрике, он часто улыбался и казался мягче. Но она, как женщина, чувствовала в нем такой же внутренней стержень, что и в муже. Именно это и притягивало, и пугало ее в юности. Она знала, что они оба что-то решив, пойдут до конца.

А для Тихона, после его многолетнего затворничества, все происходящее казалось каким-то сном. Воспоминания о давно минувших событиях становились реальнее его вчерашнего дня в монастыре. Тихон увидел на книжной полке, стоящий обложкой вперед альбом «Киевский музей русского искусства». Он прекрасно помнил, что в музее они с Леной не были, но купили два таких альбома на Крещатике. И на каждом сделали друг другу какие-то смешные памятные надписи. Он не помнил, что написал в Ленином альбоме, и ему очень хотелось сейчас это посмотреть. Рядом с альбомом стояли в рамках семейные фотографии.

– Я тебя, Прохор, постоянно вспоминаю, – вступила в разговор Лена. – Ты мне столько раз помогал с билетами в театр, что я стала завзятым театралом. Мы и сейчас с Энрике стараемся хотя бы раз в месяц в театр выбираться.

Обрадованный этими словами, Прохор благодарно посмотрел на Лену и вспомнил:

– Мы как раз сегодня вспоминали один спектакль Люби-

мова по Брехту.

– Прекрасно помню. «Добрый человек из Сезуана», – сказала Лена.

– Да-да, – кивнул Прохор, – там еще идея очень интересная, что добро всегда убыточно, и если со всеми делиться, то пряников на всех не хватит.

– Мне, кажется, ты не совсем правильно понял эту пьесу. Я думаю, она о том, что у каждого человека в жизни есть выбор: делиться или не делиться, любить или не любить, – пояснила Лена.

– Каждый человек рано или поздно обязан этот выбор сделать, – добавил, не поднимая головы, Энрике, – и потом отвечать за свой выбор.

– А мы сегодня с Тихоном решили, что все для всех давно решено и если мы что и можем выбрать, то это в какой руке держать зубную щетку, – сказал Прохор.

– Я не совсем так говорил, – вмешался Тихон, – но это вряд ли интересная тема.

В этот момент Энрике шумно отодвинул стул и встал.

– Ты что вскочил? – спросила Лена.

– Ты, Прохор, меня извини, но такого шанса спросить обо всем, у меня больше не будет, – Энрике говорил тихо и медленно. Было видно, что все слова им много раз обдуманы. – Я знаю, ты мужик хороший и мне все разъяснишь. Вот вы сидите и вспоминаете, как все замечательно было. А скажи мне, Прохор, кто сделал так, что от этого всего сейчас лишь

воспоминания и остались? А страна-то сама где? Кто решил, что она не нужна? Кто на месте моей страны слепил это недо-разумение? Кто за меня этот выбор сделал? Или у меня, как ты говоришь, изначально выбор был только, какой рукой по-пу вытирать?

– Ты сейчас на меня как прокурор смотришь. Даже му-рашки по спине, – попытался пошутить Прохор. – Будете ме-ня судить? Тогда хотя бы адвоката дайте.

– Нет, Прохор, судить мы будем не тебя, – сказал Энри-ке, – а ту власть, которую ты представляешь, а ты у нее как раз адвокатом и поработай. Тебе и самому полезно с наро-дом откровенно поговорить: послушать его мнение.

– Ну раз так, я готов, – Прохор тоже встал и отошел от сто-ла к окну. – У тебя и речь обвинительная готова? – Прохор улыбался, делая вид, что все это воспринимает как игру.

– Мы с тобой, Прохор, в один год родились, – Энрике до-стал с полки большой альбом с фотографиями и положил на стол. – Тогда после войны прошло всего семнадцать лет. Но страну, потерявшую десятки миллионов лучших людей, уже подняли из руин. И главное, сделали так, чтобы впредь не у одной суки даже во сне мысли не было с нами повоевать. Всего семнадцать лет...

– А можно за это выпить? – Прохор вернулся к столу, и с любопытством стал смотреть фотографии, перелисты-вая тяжелые страницы. На одной он узнал себя, очень юно-го и веселого с каким-то плакатом в руках на длинной пал-

ке, в толпе одноклассников, наверное, собирающихся на пер-
вомайскую демонстрацию. – А то может все уже заскучали
от наших разговоров.

– Мы еще не успели заскучать, но выпьем с удовольстви-
ем, – Саня разлил по рюмкам и предложил тост: – За Юрия
Алексеевича Гагарина! Это после его полета стало ясно, что
отсидеться за океаном у них не получится.

Все выпили, кроме Энрике. Он подождал пока опустеют
бокалы, пока все закусят и дожуют, а потом продолжил:

– Так вот, в этот момент появились вы: жадные, ленивые,
высокомерные дети партийной элиты. Вам было мало ваших
папиных дач и квартир. Вы хотели гораздо большего. Вам
хотелось красивой жизни. Не завтра, а немедленно. Это мы,
крестьяне не понимали тогда, что и сколько стоит. Про внеш-
ний мир мы знали только из вашего телевизора. А ваш теле-
визор показывал нам только бомжей и миллионы безработ-
ных. А вы были там лично и вам там очень понравилось. Де-
лать жизнь хорошей здесь и для всех долго. И вы решили
уехать туда на уже готовое. Но чтобы жить там, нужны день-
ги.

Энрике ходил за спинами гостей от окна до двери и обрат-
но. Он был сильно возбужден, но очень хотел говорить спо-
койно, чтобы было понятно каждое его слово. Прохор про-
должал листать альбом, но было видно, что он внимательно
слушает.

– В это время в мире произошли две вещи: энергетиче-

ский кризис там у них, а здесь у нас, в Советском Союзе, открыли сибирскую нефть. Тюмень, Сургут, Ханты-Мансийск. Вы посчитали, прикинули и когда поняли, сколько триллионов долларов стоит то, что находится в нашей земле, решились. Было страшно, но жадность победила страх. От страха вы побежали к нашим врагам, пообещав им, что если они дадут вам разрешение жить у них, то вы принесете им на блюдечке нашу страну. Презирая и не пуская вас дальше крыльца, они научили, как взорвать страну изнутри.

Энрике наконец остановился, встал за своим стулом и сжав пальцами его спинку, смотрел на продолжающего улыбаться Прохора. Все молчали, чувствуя неловкость ситуации, но не зная, как это остановить. А он продолжал:

– Для этого вы из подонков и мерзавцев сотворили мучеников и кумиров, и выслали их из страны. Эти лжепророки круглыми сутками учили нас ненавидеть свою страну. Чтобы им помочь вы устроили открытый саботаж в экономике. Делали вид, что страна, которая сотнями запускала ракеты, не способна сшить джинсы и произвести дурацкую жвачку. Вместо оплаты по труду вы ввели бестолковую уравниловку и отбили у людей желание трудиться. А когда в 80-х годах нефть перевалила за сотню долларов за баррель, у вас началась истерика. Вы уже считали эти деньги своими, и вас рвало зеленой желчью от злости, когда вы думали, что эти деньги текут не в ваши карманы. И вы пошли в разнос. Вы загнали страну в войну, в Афганистан. Убили и изуродовали

тысячи молодых пацанов. Сделали так, чтобы нас, русских, начали ненавидеть во всем мире. Потом ввели талоны на табак из опилок и на водку из нефти. Разбудили националистов всех мастей в каждом углу, выпустили на телевидение бешеную свору из подонков и проституток. И делал это тот, кто должен был с этим бороться. Ты знаешь, Прохор, о ком я говорю.

Энрике опять отошел от стула и встал рядом с Прохором. Видно было, что из-за напряжения и волнения он очень устал. Лена подумала, что вообще не-помнит, чтобы когда-то в своей жизни ее муж столько говорил. У него сел голос и дальше он говорил совсем тихо.

– А когда вы почувствовали, что народ начал понимать чего вы хотите, что ваши усилия могут пропасть, вы устроили цирк с ГКЧП, а сами под шумок организовали в стране переворот и захватили власть. А через пару месяцев три упившихся от страха упыря разорвали мою страну. Как предсказал дед одного из вас – «за банку варенья и пачку печенья» вы продались буржуинам...

Когда Энрике закончил, никто не хотел говорить.

– Как ты нас... – тихо сказал Прохор, стоя ко всем спиной и глядя в окно. – Почему же вы не боролись?

– Ты забыл как в 93-м году вы сами, устроив еще один переворот, показали нам свое настоящее лицо? Вы выгнали на улицы танки и прямой наводкой, в упор расстреляли свой же Верховный совет. Тех, кто не понял, что это провокация

и пробовал сопротивляться, вы убивали в московских дворах, а трупы по ночам сжигали в кочегарках.

– Ты пойми, Прохор, – сказала смущенно Лена, – мы же привыкли верить людям. Мы даже представить тогда не могли, что руководители страны могут так легко врать людям в лицо. И тем более мы не могли представить, что они так нас ненавидят. Хочешь, я расскажу, как мы жили эти годы, и ты поймешь Энрике?

Прохор опять вернулся к столу и, не отвечая, налил себе водки.

– Когда наш завод в Филях, тот, что делал ракеты, в один день закрыли... Нам тогда сказали, что по просьбе наших друзей американцев, – продолжила Лена. – Пойти работать было некуда. Все, что лежало на книжке в банке на черный день, вы сразу же как захватили власть, обнулили за одну новогоднюю ночь...

– Проще говоря, украли, чтобы мы не дай бог в вашу приватизацию не вмешались, – добавил Саня.

– Мы заняли денег у всех знакомых и родственников, накупили утюгов и поехали в Польшу торговать. Представляешь, какое унижение? Мы, два инженера-конструктора... с утюгами на польском рынке! Целый год так ездили. Нас бандиты и там трясли, и здесь. Но что-то оставалось на еду,

—
Лена говорила спокойно и как-то отстранено, как будто рассказывала не о своей жизни, а о каких-то совершенно

незначаших событиях. – Как-то летом 93-го под Смоленском, когда мы ехали на автобусе обратно из Польши домой, нас остановили люди с автоматами. Зашли в автобус и приказали отдать все что есть. Сказали, что если кто хотя бы копейку спрячет, то его убьют. Мне не хочется об этом говорить, но Энрике тогда так избили, что он полгода в больнице лежал там, в райцентре у Смоленска. Я его даже перевести сюда не могла, врачи не давали. А в местной милиции мне сказали, что если я к ним еще раз приду, они меня сами к этим бандитам отвезут.

– Где тогда ваша власть была? – спросил Саня. – Сказать тебе где? Она страну делила и ей не до нас было. А сейчас, когда разделила, она опять о холопах вспомнила.

Прохор хорошо помнил тот год. Тогда с Софьей они открыли для себя Портофино – маленький курорт около Генуи. Бирюзовая вода в бухте, старинные цветные домики на скалах. Они на все лето арендовали роскошную виллу и по вечерам, любуясь морем и закатом, пели вслед за Далидой «I found my love in Portofino».

– Когда моя мама умерла, мы продали ее квартиру и палатку у метро открыли. Половину денег отдали на взятки. Сделали все документы. Нам сказали, что это место наше навсегда. Сутками вдвоем работали. Что мы пережили, даже вспоминать страшно. Тогда в этих самых некрасовских отстойниках людей пачками каждый день топили. И только мы чуть зажили, вы нас грейдером опять в труху. Весь товар за

одну ночь трактором. Даже вывезти не дали. А у нас все документы были и на землю, и на магазинчик. Теперь на этом месте сын префекта построил торговый центр. Куда нам идти? Кем нам теперь работать? И теперь еще вы нас пенсии лишили, которой нам бы только на хлеб и хватило, ведь получается, у нас стажа никакого нет.

– По 200 грамм блокадных, – попытался разрядить обстановку Саня.

– Но самое страшное даже не в этом, – опять заговорил Энрике. – Ну угробили вы нашу жизнь, ладно. Нефть же никуда не делась, народ никуда не делся, можно было бы попробовать что-то исправить... Только ваши хозяева уже не останутся. Они вас пинками будут гнать, пока вы здесь камня на камне от страны не оставите. Вы ликвидационно-оккупационная администрация. Ваша задача устроить здесь вечную гражданскую войну: все на всех... А потом и вас самих в отстойник спустят.

– Ну нет, ребята, – Прохор был бледным, на лбу выступили большие капли пота, – мы еще поиграем. Не вы одни здесь патриоты. Я тоже свою родину люблю.

Лучше бы он этого не говорил. Даже Лена, встала и ушла на кухню.

– Как легко вы все переобушаетесь, – произнес Энрике. – Я когда «Неуловимые мстители» в кинотеатре смотрел, то их будёновку на себя примерял и с тех пор она не снимается, потому что в этой будёновке дед мой здесь, под Москвой,

за эту мечту и за страну под танки лез. А вы...

Когда братья вышли на улицу, вид у Прохора был как у побитой собаки. Вся его спесь куда-то исчезла.

– Тебе тоже кажется, что они правы? – раздавленным голосом спросил он у Тихона.

– Прохор, я честно не знаю. Энрике закончил Бауманский, у него с головой все отлично. Обнадеживает только одно: сейчас они еще злятся, значит не все потеряно. Вот когда они над вами начнут смеяться – уже ничего не сделаешь, – ответил Тихон, а потом неожиданно добавил: – А Лена красивая. Совсем не изменилась.

– Я надеюсь, что еще не все потеряно, – сказал Прохор, думая о своем, а потом, когда понял последнюю фразу, внимательно посмотрел на брата, улыбнулся и грустно уточнил: – Но кое-что уже не вернешь.

Тихон и сам прекрасно понимал, что прошлое вернуть невозможно. Но сейчас он подумал не об этом. Он заметил, что не такие они все и разные. И объединяет их не только общее прошлое. Ни у кого из них в глазах не было того, что хуже всего: не было равнодушия и безнадежной покорности. Тихон понимал, что и Прохор, и Энрике, и Лена, и Саня больше всего хотят, чтобы у них и у их детей было будущее. И не смотря на разногласия, прекрасно понимают, что если у них всех не будет общего будущего, то не будет никакого.

Прохор достал из кармана телефон и посмотрел на экран.

– Ничего, мы еще поиграем. Ты же сам в детстве мне говорил, что даже когда проигрываешь «пять-ноль», играй до последнего, чтобы не привыкнуть к поражениям... – он хлопнул Тихона по плечу и стал набирать номер.

Он отошел чуть в сторону и закрыл ладонью ухо, чтобы не мешали проезжающие автомобили. Потом повернулся к Тихону и произнес:

– Отец умирает. Надо срочно ехать.

Глава 21

Иногда некоторые события происходят в такой последовательности, что трудно поверить в их случайность.

За два часа до того, как Тихон с Прохором приехали в Некрасовку, к контрольно-пропускному пункту, расположенному там же на гигантской свалке, которую не могли скрыть даже 24-этажные корпуса жилых домов, подъехали несколько легковых автомобилей, два микроавтобуса и четыре зеленых тентованных грузовика. Началась операция, о которой Лиза на крыше намекала Родиону.

Первым делом рослые ребята с автоматами, выскочившие из микроавтобусов, уложили на пол лицом вниз всю охрану на КПП, одновременно отключив связь и системы видеонаблюдения. Затем из-под тентов грузовиков на асфальт выпрыгивали солдаты и взяли под охрану весь периметр ограждения свалки. Когда это было закончено, из легковых автомобилей вышли несколько человек и прошли в будку КПП.

Один из охранников, чуть приподнял голову с пола, поинтересовался:

– Вы кто будете, братцы? Вы хотя бы представляете, чья это свалка и что с вами сделают?

И в эту же секунду он получил удар начищенным до блеска берцем по ребрам, который отбил у него не только почки, но и излишнее любопытство.

На территорию заехали три военных буровых установок. Медленно по серпантину, поднявшись на самую вершину мусорной горы, они начали одновременно вгрызаться в грунт в трех разных местах. Дойдя до необходимого уровня, бурильщики что-то опустили в готовые скважины, сели в машины и спустились вниз. На горе стало пусто и тихо. Те, кто был у КПП, внимательно смотрели на то место, где недавно были машины.

– Ну, с богом, – сказал коренастый человек и, подмигнув остальным, нажал что-то на телефоне.

Наверху из земли вырвались три огненных факела и в эту же секунду под землей что-то гулко и тяжело громынуло.

– Теперь начнется веселье. Едем в часть, – скомандовал коренастый.

– Не потухнет? – спросил кто-то.

– Теперь захочешь, не потушишь. Будет гореть даже без воздуха. Только бетонировать в саркофаг, как в Чернобыле, но это быстро не сделаешь.

Вместо огня из земли уже вырвались клубы оранжевого

дыма.

– А с охраной что делать?

– Охрану забираем с собой. Здесь она теперь не нужна. Посидят у нас пару дней, разучатся задавать лишние вопросы.

С этого момента остановить подготовленную Прохором операцию было практически невозможно.

Глава 22

После той трагической новогодней ночи, когда началась война в Чечне, Прохор ушел из правительства. Его мир рассыпался. То, что наполняло его жизнь смыслом, оказалось ложью. Он понял, что является лишь куклой-марионеткой в чьих-то руках. Кто-то умело дергал за веревочки, легко добиваясь от него нужных действий. Если бы он был смелее, то, наверное, сплел бы веревку, натер ее мылом и...

Несколько лет он сидел на кухне и смотрел в окно. На улицу он боялся выходить. Ему казалось, что его сразу узнают, и, в лучшем случае, будут показывать пальцами и плевать в спину. Поэтому гулять он выходил только по ночам.

Кроме стыда у него было еще одно чувство. Болезненная горькая обида. Доводящая иногда до бессильных слез. Он вспоминал смеющиеся лица своих знакомых, их снисходительные взгляды, плохо скрываемые презрительные усмешки. То, что он принимал за приятельские отношения, теперь ему казалось отвратительным лицемерием. Каждый раз

что-то вспоминая, он находил доказательства того, что его просто использовали. А за глаза, считали глупым самовлюбленным павлином. Обмануть которого даже не считалось чем-то зазорным.

С каким-то болезненным самобичеванием, возвращаясь к почти забытым событиям, он как будто специально расковыривал зудящие раны, чтобы вновь и вновь испытать моральное унижение. И скоро в его жизни появилась новая цель. Отомстить.

Самолюбие не позволяло ему считать мелкую месть смыслом своей жизни, и поэтому со временем он внушил себе, что хочет отомстить не за себя, а за всю ту несправедливость, что произошла в стране. И он не обычный обиженный неудачник, а скромный патриот своей страны. Для начала он захотел разобраться, кто и зачем организовал в стране переворот в 1991 году, итогом которого стал развал огромной империи и раздача нескольким случайным людям самой ценной собственности огромной страны.

Проход попытался обосновать это экономической необходимостью, но даже его знаний хватило чтобы понять: все проблемы в конце 80-х были или созданы искусственно, или возникли из-за обычного разгильдяйства. А главное, после переворота никто решать их не собирался. Цель была проста: выжать из страны все что можно и перевести за рубеж. Понятно было, что в ближайшем будущем это неизбежно приведет к большим социальным потрясениям, вплоть до

незатухающей гражданской войны по всей территории бывшего союза и раздроблению новых государств на еще более мелкие. И к полной утрате ими какого-либо суверенитета. Те районы, которые имеют какое-либо сырье, попадут под контроль транснациональных компаний, а те у которых ничего нет, а это почти вся центральная Россия, превратятся в нищие резервации под контролем местных преступных группировок. Катастрофическое падение образования, и как следствие этого, невозможность населением оценить происходящее, сделает процесс необратимым. Бантустаны Южно-Африканской республики станут реальностью для Северо-Русского княжества.

Вывод был простой и очевидный. Переворот 1991 года преследовал одновременно несколько целей. И все они были достигнуты. Был уничтожен Советский Союз, враг номер один, с его идеологией, которая легко может похоронить всех старых хозяев мира. После уничтожения советской экономики освободились огромные рынки сбыта чужой продукции. Это спасло экономическую систему Запада от краха. Чтобы закрепить победу и исключить возможность возврата к идеям социализма, максимально быстро организовали раздачу наиболее ценных советских активов кучке людей, ставших гарантами того, что ликвидация ненавистной страны будет доведена до победного конца. Прохор понял кто его цель. С этим было все ясно.

Занимаясь всем этим, Прохор сделал поразительное от-

крытие. Все это было сделано руками обычных людей, тех которые сами пострадали от этого больше всего.

Прохор хорошо мог понять заработавших на этом миллионы и благополучно осевших в теплых странах. Но почему активно пилили сук те, кто на нем сидел? Именно многотысячные митинги в Москве использовали для легализации переворота. А главным участником на них была пресловутая советская интеллигенция: врачи, учителя, инженеры. Почему оказалось возможным так легко обмануть и использовать, казалось бы, образованных людей. «Вам не нравились привилегии секретаря обкома в виде ржавой «Волги»? Теперь радуйтесь новеньким яхтам откровенных жуликов и бандитов!»

Он вспоминал сотни ненужных КБ и НИИ, где эти инженеры целыми днями пили чай или сидели в курилках. Хамовитых врачей, которые смотрели на больных, как на врагов. Равнодушных к детям, бездарных учителей. Брызгающих слюной из телевизора доморощенных писателей-патриотов разных национальностей, призывающих вешать коммунак на их собственных кишках. Где они все сейчас? Что они получили? Им-то чего не хватало? Кем они хотели увидеть себя в другой жизни?

Прохор понял, что рассчитывать на народную поддержку в его деле глупо и неперспективно. Народ, как засидевшаяся без жениха ленивая девка, всегда поверит тому, кто слаще врет.

Он часто ходил по ночам к реке смотреть на возводимого Петра. Нелепый памятник в окружении черной грязной воды, поставленный в нелюбимой им Москве, воспринимался как насмешка. Как будто Петру, мечтавшему о мощной мировой морской державе, показали, где его настоящее место. Прохор вспомнил, как недавно сравнивал себя с тем Петербургским Петром. Ему было стыдно.

«Почему получилось у молодого, еще не искушенного царя совершить со страной небывалый рывок?» – думал Прохор. Он вспоминал других великих правителей: Ивана Грозного и Иосифа Сталина. «Как они смогли осуществить подобные исторические прорывы? Что объединяло этих, совершенно непохожих людей?»

Если бы Прохор догадался прочитать пару обычных учебников истории хотя бы за восьмой класс, то смог бы найти правильные ответы. Без них же он сделал вывод, что причиной их успеха было то, что в своих грандиозных начинаниях они опирались не на легкомысленный и легко искушаемый кем угодно народ, а на собственную, безоговорочно преданную и, главное, кровно заинтересованную в победе, новую элиту и личную гвардию: опричнину, дворянство, органы государственной безопасности.

После этого грандиозная цель Прохора окончательно оформилась в идею личного и государственного реванша. Прохор вернулся в правительство. Несколько лет он готовился, создавая свою команду, объединяясь с другими заин-

тересованными людьми, и вскоре стал представлять во власти одну из самых сильных групп. В основном это были промышленники, для которых прогресс собственного бизнеса был кровно связан с развитием страны и благополучием народа. Еще одной большой группой, готовой поддержать Прохора, были силовики. Их поддержка имела простую причину: на Западе они были не нужны. А здесь у них была власть, а значит и деньги.

В какой-то момент Прохор понял: в сложившихся условиях его группа достигла максимально возможного, и сильнее изменить соотношение сил в свою пользу, более-менее мирными средствами, больше не получится. До этого рост их влияния основывался на поглощение небольших, в основном региональных команд, которых на тот момент было слишком много. Но теперь остались только крупные игроки, которые сдавать позиции не собирались. А времени на длительное противостояние не было. Каждый год все труднее было поддерживать главный атрибут сильной державы: ракетно-ядерное оружие, большая часть которого была сделана еще в Советском Союзе. Наука, промышленность, транспорт, инфраструктура городов, сельское хозяйство – все это требовало огромных вложений. А денег не было.

Фактически Россия, войдя в мировые финансовые организации, как и все остальные, стала страной ограниченного суверенитета. На развитие своей экономики она могла потратить лишь часть денег, полученных от реализации своих

природных ресурсов. К тому же, большая часть тех денег, что все-таки попадали в страну, опять выводилась в зарубежные банки в результате воровства, которое приняло катастрофические масштабы. И бороться с этим при существующем раскладе сил было невозможно.

Главная проблема была в том, что действующий президент был лишь арбитром в постоянных конфликтах интересов различных групп и собственной реальной властью не обладал. Какое-то время эта система сдержек и противовесов была для страны приемлемым вариантом, но сейчас это было тормозом и дальнейшее ее сохранение неизбежно бы привело к катастрофе.

Поэтому прохоровской командой был подготовлен план, целью которого являлась силовое перераспределение полномочий от разных групп влияния, непосредственно к президенту и создание вокруг него национально-ориентированной элиты на основе группы Прохора. План был многоуровневый. Но главной и самой рискованной его частью была та, что началось сегодня в Некрасове. Она была одновременно и самой простой, и самой ответственной.

Для начала нужно было создать очаг недовольства населения. Организовать беспорядки где-нибудь подальше от Центра, спровоцировать инциденты и столкновения, даже может быть и кровопролитные. Потом назначить и арестовать организаторов. Провести показательные процессы одновременно с массированным информационным ударом.

Так можно будет уничтожить большинство конкурирующих групп. А если повезет, то остаться единственной политической силой. Дальше, под предлогом предотвращения подобных событий, можно будет на какое-то время закрутить гайки. Позже их можно будет ослаблять, допуская эффектные, но ничего не меняющие смягчения.

Почему выбрали Некрасовку Прохор и сам не знал. Там и так уже была очень неблагоприятная обстановка. Дешевое некрасовское жилье покупали с помощью ипотеки в основном молодые семьи, приехавшие в столицу в надежде закрепиться. Свои возможности люди часто переоценивали. Поэтому вскоре многие уже не могли оплачивать взятые кредиты. Признавать собственные ошибки не любит никто, поэтому по привычке во всех проблемах обвиняли власть. В такой обстановке организовать беспорядки в Некрасовке было легко. Да и традиционно все трагические события в Москве чаще всего происходят в промышленных юго-восточных районах.

Для детонатора было решено поджечь местную огромную свалку, чтобы и без того из плохой экологической ситуации, сделать реальную катастрофу. Одновременно организовать протестный митинг с призывами навести порядок. Кроме экологических требований на митинге должны быть озвучены и политические. Особенно громко должно прозвучать требование наказать тех, кто довел страну до этого кошмара. А имена их давно у всех были на слуху. На просьбы людей

ответ должен последовать немедленно. Так что все должно произойти быстро и точно по плану.

Казалось, все было просто. Но на самом деле обсуждение было долгим. Были предложения расширить протест на всю страну. Для этого использовать, что-то более серьезное, чем свалка и экология. Это предложение отвергли из-за больших расходов и сложности организации. Были очень радикальные предложения. К примеру, один генерал из силового блока сказал, что план плохой, слишком сложный и поэтому не сработает. Он предложил собрать большой экономический форум, где-нибудь в Саратове. Пригласить на него всех оппонентов, а потом взорвать здание вместе с участниками. Ответственность переложить на террористов из ячеек леворадикальных коммунистов. План был надежный, но не был раскрученных прессой надежных радикалов, на которых можно было это повесить. Поэтому остановились на Некрасовке.

Глава 23

«Люди не меняются, – подумала Софья, поговорив с Прохором. – Нашел себе новую идею-игрушку и думает: сам поменялся. Если бы все было так просто – проснулся утром и другой человек. К сожалению, это невозможно».

Она не заметила, как вышла на Яузский бульвар, и лишь прогремевший рядом с ней трамвай, отбросивший из-под токоприемника кучу искр с длинными, как у комет хвостами,

привел ее в чувство.

«Надо успокоиться, а то сейчас начну искрить, как этот трамвай, – подумала Софья, присаживаясь на лавочку. Она еще не могла осознать, что Руслан так легко ее предал. – Что ему не хватало?»

Софья посмотрела на свои туфли, потом на колени и на взбухшую варикозную вену на внутренней стороне икры. Мимо нее прошла молодая пара. Девушка что-то рассказывала, но мужчина ее явно не слушал, задумавшись о своем. С завистью глядя на этих красивых и чем-то похожих друг на друга ребят, она сама ответила на свой вопрос: «Ровесника ему не хватало. Рано или поздно это должно было произойти. С этим ясно. Но где взять деньги? Этот Хамид – тупой и жадный и отдаст видео первому, кто заплатит. А Руслан? Он очень внушаемый. Если получится убрать от него эту сволочь... Тогда все можно будет вернуть».

Какое жаркое лето в этом году. Она вспомнила, как давным-давно горели леса вокруг Косимова. Над городом висел дым, и начало занятий в школе перенесли на неделю. Тогда это была бесконечность, а она так хотела быстрее увидеть мальчика из старшего класса... «Как же его звали? Уже и не вспомнить». А тогда ей казалось, что без него она жить не сможет. Сколько потом еще было этих мальчиков...

Но сейчас Руслан может быть последний, других не будет. «Надо вернуть его, во что бы ни стало, – думала она. – Он молодой. Неопытный. Его так легко сбить с пути». Поэтому

ему нужна она, которая будет все это направлять. Сколько начинающих талантливых людей погибло от водки, наркотиков, разврата, не успев развернуться по-настоящему. А за теми, кто смог подняться на самый верх, всегда была женщина. Умная, добрая, понимающая женщина. Такая как она. Только одно мешает: нужны деньги. Срочно! Иначе она его потеряет.

Софье захотелось выпить. Оглянувшись в поисках бара, Софья увидела напротив через дорогу сильно бросающийся в глаза сплошной забор из высоких туй. «Кто это здесь спрятался? – подумала Софья, и через мгновение чуть было не завизжала от радости: – Это же Семен! А говорят бога нет. Спасибо, боженька! Как же я забыла... Спасибо, дорогой!» Софья быстро нашла в сумке телефон. «Троицкий, Троицкий, – повторяла она, перебирая список контактов. – Боженька, если ты такой добрый, сделай так, чтобы он был дома. Умоляю тебя! Чего тебе стоит?»

– Семен, привет! Не ожидал? А я тут гуляю по бульвару и смотрю – твой дом! Дай, думаю, позвоню. Может дома и не откажет старой знакомой в чашке чая. Ты же меня столько раз звал, – выпалив это, она глубоко вздохнула и замерла, как в ожидании приговора.

– Софьюшка, милая, как я рад! – услышала она в ответ. – Ты не шутишь?! Конечно дома. Бегу к воротам тебя встречать! Через секунду буду.

Семен Троицкий был однокурсником Софьи и одним из

кандидатов в мужа. Софья помнила, что пару раз была у него дома. Он тогда жил в знаменитом доме на набережной. Но других достоинств Софья у него не нашла и сейчас даже не помнила, был ли у них тогда секс или нет. Зато хорошо помнила его толстые, вечно влажные губы, которые он постоянно облизывал. И может именно это склонило ее к выбору Прохора, а не его в качестве мужа. С тех пор Семен каждый год поздравлял ее с Днем рождения, говоря о вечной любви и сравнивая то с петрарковской Лаурой, то с Беатриче Данте. Софья не воспринимала это всерьез, хотя ей было приятно. А когда она узнала, что Семен вошел в список российских миллиардеров, то даже хотела с ним встретиться, но в это время в ее жизни появился Руслан, и Семен, даже будучи олигархом, был опять забыт. Сейчас Софья точно не понимала, чего же хочет от Семена и как он может ей помочь. Ее мысли сейчас крутились вокруг трех вещей: он богат, он ее любит, а ради Руслана она готова пойти на все.

Когда она перешла дорогу, Семен уже был на улице и ждал ее возле неприметного домика охраны с букетом цветов. Софья не помнила, встречались ли они после института и сколько лет они не виделись. Сейчас перед ней стоял практически незнакомый, очень толстый плешивый мужичок с самодовольной, но в то же время с угодливой улыбкой провинциального конферансье. На секунду Софья засомневалась, но отступить было поздно и некуда.

– Сколько лет я этого ждал! – воскликнул Семен, прижи-

мая Софью к своему животу и пытаюсь поцеловать ее губы. Софья успела подставить щеку и резко отстранилась, представив под костюмом потное липкое волосатое семеновское тело. – А ты не изменилась, – Семен заметил ее реакцию, – все такая же красивая и недоступная. Давай я покажу тебе дом. Пойдем!

Софья подумала, что надо бы изобразить любезность, но после такого дня сил на это не осталось. «Я к вам пришла, чего же боле? И пусть все будет, как будет!» – решила она.

– Я столько раз представлял, как ты ко мне придешь, – искренне сказал Семен, взяв ее под руку, и повел к дому.

За стеной из туй прятался шикарный сад. Пруды, ручьи с деревянными мостиками и даже водопад среди черных, блестящих на солнце огромных валунов, окруженных плетистыми розами.

– И розы оцепили вал... чтоб спящий в гробе Теодорих о буре жизни не мечтал... – вспомнила Софья чьи-то стихи.

– Как точно ты подметила, – видимо Семен, и добивавшийся такого эффекта, был рад, что Софья это оценила.

– Это не я, это кажется Блок, – ответила Софья.

В глубине сада стоял трехэтажный дом. К нему и вел Семен.

– Московский модерн 20-го века. Какое время было. Сколько надежд. Сколько шансов у российской империи.

Дом действительно был чудесным. Стены дома нежно бирюзового цвета были украшены удивительной лепниной. Ка-

залось, дом был оплетен бесконечными лианами, за которыми прятались диковинные животные: драконы с длинными языками, кентавры, олени с дубовыми листьями вместо рогов, совы и жар-птицы. Тот, кто это делал, явно знал что-то такое, что современным людям недоступно. Да и с воображение у него было очень хорошо. Эркеры на углах дома переходили в высокие башни с круглыми маленькими окошками. Кованые решетки маленьких балконов, украшенные чугунными лилиями и орхидеями, придавали дому сходству со сказочным замком. Над массивным глубоким сводом резного крыльца из белого мрамора было огромное окно причудливой формы с красивым переплетом рамы в форме ствола дерева с расходившимися ветвями. А еще выше, над окном, расположилось майоликовое панно, на котором женщина с огромными печальными глазами склонилась над лежащим юношей.

– Похоже, у архитектора была белая горячка, – усмехнулась Софья.

– Здесь больше философии, чем во всем Канте. Башни, устремленные в космос, и сложность взаимоотношений. Никаких прямых линий – ни горизонталей, ни вертикалей – все переплетено и взаимосвязано. А ведь этот дом заказал для себя обычный вологодский купец. Что же у него в душе творилось? Здесь весь русский человек. И ведь знаешь, чем кончилось? Тем, что он все состояние, которое с детства зарабатывал тяжким трудом, отдал на революцию, против таких

же, как он сам... А потом нарисовал себе на сердце кружочек чернилами и пустил туда пулю. А дом какой-то немец приобрел. Но, как ты понимаешь, долго в нем не пожил. Не смог.

– Смесь пряничного домика с ярославским вокзалом, – обрезала эти рассуждения Софья.

Ее раздражала его восторженность. Как было бы просто и хорошо, если бы он сказал: «Софья, я всю жизнь мечтал с тобой переспать. Я понимаю, что недостойн тебя и поэтому готов компенсировать». Деньги, которые ей нужны, для него ничего не значат. А она в свою очередь готова потерпеть. Вряд ли это будет долго.

Они вошли в дом и оказались в большом холле, в центре которого начиналась лестница. На стене площадки, где она заканчивалась, был огромный витраж опять с деревом, как на окне, но здесь на нем сидели большие птицы с женскими головами.

– Какой ужас. Что это? – Софья одернула руку с лестничных перил, увидев, как они сделаны.

Ограждения лестницы были искусно вырезаны из мрамора, создавая очень натуральный ажурный рисунок из человеческих костей и черепов.

– Лестница – символ движения вверх, а это, чтобы всегда помнить, что жизнь конечна. Думай о смерти, поднимаясь к небесам. Может, меньше нагрестишь. А там, на витраже, Дерево познаний. Из-за его плодов мы и оказались здесь на земле. Этот витраж Луиса Тиффани.

– Я смотрела «Завтрак у Тиффани». Наверное, витраж стоит бешеных денег, – опять прервала его Софья.

– После определенной суммы начинаешь понимать, что деньги ничего не значат. Что вещественно, то не существенно.

Софья опять задумалась, как перейти от этой болтовни к делу.

– Ты неверный смысл вкладываешь. Здесь уместна другая метафора – взбираться по костям и головам к своей цели, – сказала Софья, оглядываясь вокруг.

– Я о таком и не подумал. Интересный у тебя ход мысли. Поэтому ты мне всегда и нравилась. Жизнь каждого человека так уникальна! Ведь миллиарды совпадений должны произойти, чтобы родился конкретно ты и тратить ее, чтобы просто заработать денег, глупо.

– Конечно, когда у тебя денег полно, то можно и чем-то другим заняться. Тебе чего, ты человек мира – сел в самолет и на другой конец света. С твоими-то деньгами!

– Ошибочное суждение. Большие деньги не дают свободы – они на виду. И ты должен примкнуть к какой-то группе и жить по их правилам. Человек мира?! – усмехнулся Семен. – Да я почти год отсюда за забор не выходил! И уехать не могу – у меня здесь свои обязанности. Смотрю, как бы это наше руководство чего-нибудь здесь не натворило.

– Вот как? То есть ты у нас типа смотрящего от мирового правительства? Вот никогда бы не подумала, – удивилась

Софья.

– Да, вот так, – как бы ни придавая этому большого значения, сказал Семен. – Смотрите, чтобы местные князьки народ до крайности не довели. А то они всегда мечтают замахнуться на самостоятельность, даже на мировое лидерство. А когда им по шапке настучат, то огораживаются забором и начинают на своих же отыгрываться. Доведут до того, что их народ начинает на фонарях вешать, а потом бегут от него в Париж и Лондон.

– Я бы тоже с удовольствием в Париж... – сказала мечтательно Софья.

– А что тебе мешает? У вас же с Прохором наверняка не один дом.

– Дом есть, а вот нас с Прохором давно нет. Мы с ним отдельно, сами по себе. Ложусь спать в холодную кровать. Так что место вакантно, – Софья попыталась игриво посмотреть на Семена, но поняла, что сейчас это у нее не получится.

Может быть, Семен и отличный психолог и в другой ситуации смог бы понять, что заплаканные Софьины глаза, на которые он обратил внимание в первую же секунду встречи, не имеют к нему никакого отношения. Но он слишком долго ждал этой минуты, представлял все это именно так и сейчас не захотел сомневаться в ее словах. Как спортсмен готовится к самому важному старту, Семен готовился к этой встрече всю жизнь. И сейчас все происходило именно так, как он мечтал много лет.

Началось все с того, что он на втором курсе института уговорил Софью сходить с ним в «Шоколадницу». Несмотря на то, что родители Семена были весьма не бедными, его держали на голодном пайке. На неделю ему выдавали три рубля, что с трудом хватало, чтобы скромно пообедать. Поэтому, даже после двухнедельного голодания у него с трудом хватило денег на то, чтобы угостить Софью. Пирожные, кофе и пара коктейлей Шампань Коблер – это все, что он мог себе позволить купить для угощения любимой девушки. Софья это чувствовала и чтобы не пугать кандидата в мужа, больше ни на чем и не настаивала. На счастье Семена в соседнем от кафе здании был комиссионный магазин. Софья предложила зайти и посмотреть. Она с восторгом разглядывала бронзовые люстры; канделябры, переделанные в настольные лампы; мраморных Венер и Аполлонов; малахитовые шкатулки и натюрморты в толстенных рамах. Семен, скучая, обмолвился, что такого хлама у него дома полно. И это решило его судьбу.

Софья мгновенно напросилась к нему в гости и там, пораженная убранством его квартиры и очень хорошей коллекции живописи, которую собирал репрессированный дед, даже дала себя наполовину раздеть. Но Семен не смог тогда полностью воспользоваться ее благосклонностью, так как из-за редкого общения с девушками, так перевозбудился, что опорожнился очень рано, даже еще не успев снять брюки. Однако Софья, не привыкшая так легко сдаваться, дала

ему еще один шанс, пообещав, что придет к нему на следующей неделе.

Семен занял денег, купил огромный Киевский торт, две бутылки вина и перед приходом Софьи под душем самостоятельно снизил градус возбуждения, чтобы не повторить прошлой неудачи.

Поначалу все шло хорошо. Софья, уже видевшая себя хозяйкой этой квартиры, терпеливо относилась к его поцелуям. А когда они стояли у окна, глядя на реку и Кремль на другом берегу, не мешала шарить ему под лифчиком и даже разрешила запустить руку в трусики. Беда к Семену пришла внезапно. Сначала сильно заурчало в животе, а потом почти мгновенно накатила такая слабость и такое стремительное желание попасть в туалет, что он резко выдернув руки из Софьиных интимных мест, с нечеловеческим усилием сжав ягоды, метнулся в туалет. Через полчаса через тонкую дверь туалета он услышал, как она уходит.

Если бы Семену не было так стыдно, и он нашел в себе смелость через два-три дня подойти к Софье, то все могло сложиться по-другому. Может он бы сейчас был бы каким-нибудь обычным доцентом-преподавателем социологии и жил бы с Софьей в той квартире. Но смелости у него не хватило даже просто прийти в институт. Он сказался заболевшим и появился там только через месяц, когда Софья уже увлеклась каким-то азербайджанским овощным магнатом. Она поехала отдыхать в Баку, а Семен заболел по-настояще-

му.

Удивительно, но то, что она часто меняла женихов, только радовало его и вселяло надежду, что когда-нибудь опять придет его очередь. Он каждый вечер три года сидел дома у телефона, держал в руках забытый ею шелковый шарфик и ждал звонка. Но на последнем курсе, когда Семен по каким-то своим расчетам и размышлениям решил что она вот-вот позвонит, Софья вышла замуж.

Первое время после свадьбы он просто сходил с ума. Он просыпался и засыпал с мыслью о ней. В любое время суток, чтобы он ни делал и где бы он ни был, она, как опухоль, была в его голове. Он похудел до дистрофии. Его постоянно трясло. Тело покрылось какими-то волдырями, которые непрерывно чесались. А когда он стал вслух разговаривать сам с собой, родители отправили его в психиатрическую клинику. Вылечить там не смогли, но хороший добрый доктор объяснил ему причину заболевания и возможное его влияние на дальнейшую семеновскую жизнь. И Семен начал зачищать в сердце эту любовь.

Почти год он только и делал, что пил водку, а напившись, вызывал проститутток. Это были и девушки, телефоны которых можно было получить только по хорошей рекомендации, и обыкновенные придорожные плечевые с Ленинградского шоссе. Разницы между ними Семен не увидел, да и психологический реабилитации это не помогло. Потом Семен пробовал наркотическую зависимость от любви выбить

настоящими наркотиками, но на его счастье организм не согласился с такими экспериментами и сломался.

Семен опять попал в больницу. Проведя неделю в реанимации и посмотрев одним глазом, что там наверху за облаками, Семен сильно испугался и решил пойти другим путем. Он понял, что вылечиться от этой зависимости не получится и решил повернуть ее в противоположное направление. Как и миллионы влюбленных до него, он решил доказать Софье, что выбрав Прохора, она совершила роковую ошибку. И для этого он решил стать олигархом. Он не знал, как этого добьется, но по сто раз на дню представлял именно эту картину – умоляющую Софью и себя непреклонного: «Нельзя в одну реку войти дважды. У тебя был шанс, но ты выбрала этого никчемьша». Потом в своих фантазиях он видел только спину Софьи. Видел, как вздрагивали от рыданий ее плечи. Как она, осознавшая всю безнадежность и непоправимость своей ошибки, совершенно раздавленная идет по саду на бульвар, где громяют трамваи с огромными железными колесами. Доходя до этого места, Семен всегда мечтательно улыбался, а вот представлять, что произойдет дальше, он не хотел. «Но сначала надо стать олигархом», – решил Семен.

То, чем занимался в начале 90-х, Семен вспоминать не хотел. Но не это подняло его на вершину. И не ясно, что бы с ним стало, если бы он узнал, что своему триумфу он обязан ей, Софье.

Прохор в то время отвечал за приватизацию и букваль-

но на коленке составлял список претендентов. Список потом шел выше, и за каждую кандидатуру была борьба между разными группировками. А как-то он пожаловался Софье, что найти толковых людей в России невозможно. Тогда она почему-то вспомнила Семена. «Ты Семена Троицкого включи. Толковый парень, между прочим. Исполнительный», – предложила Софья и сразу забыла про это. Прохор вписал, чтобы быстрее закончить список и, на удивление, Семен прошел. И с этого времени жизнь Семена изменилась.

Его стали приглашать на совещания где решались проблемы страны, а однажды, ему предложили кредит, на который он был должен выкупить активы огромного нефтегазового комплекса. После этого Семен ни в чем не чувствовал никакого контроля. Он жил, как и положено жить олигарху – самолеты, яхты, футбольные клубы. Никто не говорил, куда и на что ему тратить деньги. Лишь однажды, его попросили выдвинуть свою кандидатуру на пост президента страны, но за несколько дней до выборов, предложили снять. И все это время Семен чувствовал, что за ним кто-то стоит. Потом его попросили взять в помощники незаметного серенького человека. И с этого момента Семен лишь выступал в Давосе, получал награды от правительства, но своими активами он так и не руководил. Да этого ему и не надо – для всех он был миллиардер, начавший с нуля.

Именно с этими чувствами он сейчас смотрел на Софью, торжествовал. Настал его час! Она стоит перед ним, готовая

ко всему. Он не чувствовал пола под ногами. Ради этой минуты и стоило жить. Семен отошел к окну.

Улыбнувшись, позвал к себе Софью. Окно выходило на пьяный дворик, где час назад Томас познакомил Родиона с Катей. Сейчас там никого не было.

– Помнишь? – спросил он Софью. – Здесь мы первый раз поцеловались. Я купил это место и оставил все там так, как было тогда. Даже скамейка та самая.

Семен повернулся лицом к Софье. Она еще смотрела в окно и пыталась вспомнить, было ли на самом деле то, что говорил Семен.

– У меня на много лет сохранился на губах твой вкус. Как долго я мечтал это повторить...

И в этот момент Софья почувствовала, как она устала. Еще минуту назад она готова была лечь с Семеном в постель, но сейчас она поняла, что не сможет. В другое время она легко бы сделала все, что он захотел бы, но именно сейчас она была морально так истощена, что не могла притворяться. И тогда неожиданно для себя она решила сказать честно:

– Подожди, Семен! Я хочу честно тебе сказать. Я влюблена. Сильно влюблена в одного молодого художника. Ты же говоришь, что любил, поэтому ты поймешь... Только ты сможешь меня понять и мне помочь. Мне нужны деньги. Для тебя это ничего не стоит, а мы могли бы уехать с ним. Я буду молиться на тебя. А если получится, то попробую отдать их в самое ближайшее время. У свекра сегодня сердечный

приступ был... – Софья говорила быстро-быстро, проглатывая слова.

Семен понял – произошло непоправимое. В одно мгновение рассыпались в прах его мечты, все то, чем жил все эти годы. Только что его жизнь, как хрустальная ваза, упавшая с каминной полки, рассыпалась на сотни осколков. В эту секунду Семен умер. Живая была только его телесная оболочка – он дышал, говорил, но душа его умерла вместе со смыслом жизни. Семен пытался что-то говорить Софье, но не понимал и не слышал себя. Как в замедленной съемке в немом кино. Мир рухнул. Семен видел ее глаза, смотрящие на него, как смотрят на бога, совершившего воскрешение мертвого. А он летел в пропасть, он видел, как Софья повернулась и пошла вниз. Он смотрел ей вслед, падая с утеса и слыша только ветер, летящий ему навстречу, зная, что внизу его ждут острые камни. Мир рухнул в одночасье.

Глава

24

Семен смотрел, как Софья быстро прошла по саду и вышла за забор. Рингтон на телефоне несколько раз доигрывал до конца и начинался вновь, пока он нашел в себе силы ответить на звонок. Разговор был очень коротким.

– Семен Тимурович, начинаем завтра. Все документы у вашего помощника.

Неожиданно Семену стало легко. Так бывает у смертель-

но больного человека, который после трудной долгой борьбы за жизнь, наконец, смиряется с неизбежным. Ему пришла в голову смешная мысль, что он теперь зомби. Ему больше нечего терять, его ничто не держит в этой жизни и не к чему стремиться. Он даже повеселел и вспомнил, как в «Жестоком романсе» Мягков-Карандышев, вылезая из какого-то люка на палубу теплохода, стреляет в Ларису из огромного пистолета. «Так не доставайся же ты никому! – повторил он его слова и рассмеялся. – Интересно, если бы у меня сейчас был какой-нибудь карамультук смог бы я пальнуть в Софью? Наверное, нет. Хотя...»

Семен знал, что его помощник сейчас стоит у дверей и ждет вызова. А помощником у Семена уже лет двадцать был Аркадий Маркович, который работал еще у Ельцина. Аркадий, человек без возраста: пустые рыбы глаза, тонкая прорезь рта, и пионерское излучение постоянной готовности ко всему, чтобы от него не потребовалось. «Будь готов! Всегда готов!» Но иногда в его интонации было такое, что он начинал сомневаться кто у кого помощник.

Семен посмотрел на дверь.

– Аркадий, – негромко позвал он.

В эту же секунду дверь открылась, и Аркадий с папкой в руках вошел в комнату. Они сели у небольшого столика. Помощник угодливо дождался, когда в глазах Семена появится готовность выслушать и начал доклад:

– У них все готово. Их митинг запланирован на 14.00.

Наша задача не мешать: пусть сами начинают. Вот здесь их план мероприятий. Выступления... Концерт... Выступления... А в 16.00 у них назначен разгон митинга.

– Сами собрали и сами разгоняют? – спросил Семен.

– Да. Сначала выступят всякие карманные кремлевские оппозиционеры, которые жалованье на старой площади получают. Их задача раззадорить народ, позлить его в разумных пределах. Стандартный набор из псевдооппозиционной методички...

– Кстати, они здорово придумали разделить телевизор с интернетом, – прервал помощника Семен. – Для одних истина только в ток-шоу на «Первом», а для вторых уверенность, что правда только на «YouTube». И никто не поверит, что и тот, и другой материал делают люди, получающие зарплату в одном окошке.

– В одном окошке на Старой площади, – послушно засмеялся Аркадий. – А оппозиционный блогер – племянник министра печати... Разделяй и властвуй. Одним Бориса Николаевича... Другим Геннадия Андреевича... И все под контролем. Сейчас немного расширили количество клоунов, а то электорат начал скучать на представлении.

Он сделал небольшую деликатную паузу, пролистав несколько страниц, чтобы Семен смог сосредоточиться и продолжил:

– Среди этих оппозиционеров есть люди, которым мы тоже немного доплачиваем. Поэтому в этот раз в их выступле-

ниях будут более активные призывы. Но это... так... На всякий случай. Главное, что после их дозированных провокаций с минимальной кровью и аккуратным разгоном, мы на их же волне, поплывем гораздо дальше. Будет много провокаций, много крови, и главное, кровавый разгон, который и должен стать катализатором настоящего протеста. А разгоном в этот раз будет командовать заместитель министра МВД Кузнецов. Он курирует всё, что связано с митингами.

– С чего это он будет нам помогать? Он же главная опора наших конкурентов.

– У всех есть болевые точки и даже у президентов. Поэтому нет людей, которыми нельзя манипулировать. Чтобы он нам помог, по нашей просьбе вчера в Таиланде арестовали его сына.

– За что арестовали? – с любопытством поинтересовался Семен.

– Наркотики... Продажа и транспортировка из Азии в США. Расстрельная статья в Таиланде. Если Америка попросит, то тайцы могут выдать его в США, а уж там можно как-то решить вопрос. А если США это не сделают, то его точно расстреляют. Причем очень быстро. Кузнецова я уже пригласил. Будет через двадцать пять минут. Вот здесь коротко все о нем.

Семен взял листочек и начал читать.

– И он даже не спросил, почему ему надо ехать к нам? – читая, спросил Семен.

– Он понимает, что в этой ситуации мы для него последний шанс. Так что проблем с ним не будет.

– А с кем могут быть проблемы?

– Проблем не будет ни с кем. Сегодня вечером мы всем, кто хоть как-то может повлиять на ситуацию, направим письма с документами.

– Что в этих письмах счастья? – спросил Семен.

– Всё. Их зарубежные счета, материалы из заведенных на них уголовных дел, недвижимость, разный компромат с видео, ну и коротко, мы ознакомим их с тем, что с ними будет, если они попытаются нам помешать. Для большинства это сразу тюрьма в любой стране мира, как только они выедут с территории Российской Федерации, а для некоторых кое-что серьезнее. Там и поддержка терроризма, и угроза национальной безопасности США. С такими обвинениями до суда может вообще не дойти. Или просто несчастный случай, или что еще хуже – исчезновение. Что делают с такими в европейских секретных тюрьмах, они представляют. Гуантанамо покажется раем. Все знают, что мы свои обещания выполним. Поэтому никто мешать не собирается. Да и кому собственно там мешать? Там такой отрицательный отбор... Большинству чиновников столько жоп приходится вылизывать за свою карьеру, что им даже вокзальные шлюхи сочувствуют.

– Понятно. Это все хорошо. А активно еще кто помогает?

– Мелочевка всякая. Руководители клуба футбольных бо-

лельщиков, представители диаспор – там в этом районе половина жильцов, приезжие из бывших советских республик. Ребята горячие. Два директора местных профтехучилищ, точнее колледжей. Их задача создать нужную активную массовку. Пацаны молодые бесплатно готовы устроить беспорядки, а за деньги они там все перевернут.

– А что дальше? Надо же будет вернуть все в выгодное нам русло. Сильный бардак нам тоже не нужен. Сможем?

– А для этого у нас подготовлены известные спортсмены и деятели культуры. Они выступят на митинге с нужными нам призывами. С ними еще проще: у них у всех американское гражданство. Они обязаны нам помогать – клятву давали. А в клятве все однозначно... Вы же помните, Семен Тимурович? «Отрекаюсь от государства, гражданином которого являлся до этого дня... обещаю защищать США от врагов с оружием в руках...», – Аркадий не случайно напомнил Семену, гражданином какой страны тот является. Он слышал их разговор с Софьей и немного волновался – не сломался ли его босс раньше времени.

– Всегда не понимал: они же все эти хоккеисты, фигуристы, актеры бездарные... в Госдуме сидят, – не понял намек Семен. – Как это возможно? Ведь никто не прячет это гражданство. Какой-то маразм! Представляю в конгрессе США гражданина Северной Кореи или Ирана... А что с телевидением и вообще со средствами массовой информации?

Аркадий поднял голову от бумаг и на долю секунды у него

в глазах появился вопрос: «Неужели ты не понимаешь, что ты такой же статист в массовке? Сидишь, щеки надуваешь. Тоже мне, отец русской демократии!»

– Семен Тимурович, всё, что связано с телевидением, у нас давно отработано. Там в принципе и делать ничего не надо – вторая древнейшая. Они как флюгеры, сами все чувствуют, но на всякий случай есть несколько различных съёмочных бригад. Они все снимут, смонтируют в нужном нам ключе. Мы же не одни занимаемся этим делом, и ТВ – это не наша проблема. Там профи работают. Я уверен, что у них все готово. К вечеру пойдут материалы, что власть не справилась, что на улицах анархия, что ничем кроме коррупции правительство заниматься не в состоянии. Ночью покажут самолеты, на которых руководство бежит в теплые страны. Я думаю, будут и аресты. И их тоже покажут. Но повторяю – не мы одни в этом участвуем. Все спланировано до мелочей. И не только в Москве, но и в регионах. У нас свои задачи, и главная – ваше выступление утром на телевидении. Ваше обращение к мировому сообществу с призывом о помощи. Важно чтобы все просьбы шли отсюда. Общественное мнение на Западе давно подготовлено, но это не помешает. В вашем выступлении основное – это просьба к ООН срочно направить специальные силы для взятия под контроль российского ядерного оружия. Чтобы не попало к террористам. Это на самом деле важно, так как страна действительно будет бесхозной и, естественно, оружие тоже. Потом мы сообщим,

что деньги в бюджетах всех уровней украдены. Возможен голод. Просьба о гуманитарной помощи. Готовность дать всем регионам самостоятельность. Текст в этой папке. Почти все как в 1991 году. Может что-то придется прибавить, но это вряд ли. Проект Россия закрыт.

Семен с любопытством посмотрел на Аркадия. За столько лет совместной работы, он так и не смог понять, что двигает этим сереньким с виду человеком и сейчас спросил напрямую:

– Аркадий Маркович, ты прям сейчас от радости из штанов выпрыгнешь... Тебе то что Россия сделала? Ты всегда наверху у власти... с деньгами...

– Немцы и японцы поумнее русских и то живут под внешним управлением и не вякают. А эти хотят сами в своем улу-се дань собирать и так, чтобы с нами не делиться. Не получится. Надо показательно наказать, чтобы другим неповадно было. Теперь на коленях будут за ярлыком на княжение ползти. По костям своих же – так было и так...

– Генерал Кузнецов уже подъехал? – резко прервал его Семен.

– Сейчас будет, – ответил, быстро пришедший в себя помощник.

– Мне надо подготовиться.

– Хорошо.

Когда генерал Кузнецов был еще обычным солдатом-срочником, у него была мечта – мотоцикл. Когда по ночам на первом году службы, он подшивал воротнички старослужащим и чистил им сапоги, то чтобы не плакать от страха и обиды, выбирал, какой мотоцикл ему купить: Яву или Чезет.

Танька, с которой он встречался до армии, честно сказала, что ждать два года она не будет. И поэтому каждую ночь он представлял, как после армии в парадной форме с аксельбантами будет гонять на новом мотоцикле по Центральной улице под ее окнами. Любовь к аксельбантам у него сохранилась на всю жизнь. Отец тракторист пообещал, что если Иван будет служить хорошо, то после армии подарит ему любой мотоцикл.

Через полгода часть, где служил Иван, направили в Афганистан. Всем тогда та война представлялась не намного опаснее, чем драка деревня на деревню в сельском клубе. Советский Союз был на пике своего могущества, о чем им каждый день говорили замполиты в ленинских комнатах. Все были убеждены, что советская армия самая сильная в мире и легко разгонит неграмотных бандитов.

Настоящая война была совсем не такой. И при очередном, плохо спланированном конвое, Иван попал в плен. Его отбили через три дня. Но после этого он уже не мечтал о мотоцикле, забыл и про Таньку...

А после армии пошел в милицию. Почти каждый вечер он

напивался и избивал задержанных алкоголиков. Однажды он переусердствовал и задержанный умер. И всё бы ничего, но тот оказался не заурядным алкоголиком, а отцом уважаемого в районе человека. Вечером у подъезда Ивана ждали. Три дня его держали в подвале какого-то гаража и били. Была весна 91-го года. Страна умирала, а Ивану хотелось жить. Он просил, умолял не убивать его и его не убили. Но с этого времени он стал выполнять просьбы разных людей.

Его карьера пошла вверх. Через десять лет он сам стал большим человеком. И очень богатым. Работать не хотелось, а хотелось уехать подальше из страны. Спрятаться от всех где-нибудь в США, которые он очень полюбил. Он уже купил там симпатичный домик в теплой Калифорнии. Перевел туда почти все деньги, отправил туда жену, сына с невесткой и внука. Внука он любил безумно. Ему хотелось дать ему все, о чем он сам даже мечтать не мог. Прежде всего, великолепное образование. А также деньги и хорошее положение там, в США. Америка ему казалась очень свободной страной, которую когда-то основали бандиты из разных стран. Поэтому у него никто не спросит, откуда деньги. Его внук станет основателем их американской семейной империи. А он на старости будет ему помогать. У него огромный опыт.

Чтобы воспитывать и помогать внуку и сыну, нужно было уйти с работы и уехать в Америку окончательно. Но отойти от дел по собственному желанию Иван не мог. Те, кто его поставили на это место, теперь не давали ему уйти. Он был им

нужен. Иван Сергеевич стал мечтать, чтобы страна исчезла. Нет страны – нет истца, который сможет когда-нибудь с него спросить за все то, что он творил эти годы. Во сне он видел карту мира, на которой не было огромного вытянутого красного пятна с надписью Россия, а было много разноцветных кривых пятнышек. Приходилось ждать.

Иван прекрасно знал, что его ненавидят и боятся. А начальство держит только потому, что никто больше не соглашался делать такую грязную работу. Из-за ответного многолетнего презрения к людям у него изменилась внешность: опустились вниз уголки губ, выпятилась вперед нижняя челюсть, в глубоко посаженных глазах застыла ненависть.

И вдруг вчерашний звонок. «Какие наркотики? Зачем сыну это? Он и так все имеет. Подбросили, суки!» Он сам столько раз использовал этот метод, но даже не мог представить как это оно, оказаться на другой стороне. От бессилия и злобы хотелось рвать и убивать. Но это потом, а сейчас надо спасать сына.

Трудно найти двух людей, которые никогда не встречались, мало знали друг о друге, но так бы ненавидели друг друга. Маленький толстый Семен из хорошей семьи со скрипками, фортепьяно, спецшколой и элитным институтом, и высокий жилистый Иван Сергеевич Кузнецов, который в восемнадцать лет первый раз увидел унитаз. У обоих была огромная власть. У одного власть денег, ума и хитро-

сти, а у другого звериная власть, которую дает страх. Труднее всего Ивану было сдерживать желание забить Семена до смерти одними руками.

В каком-то фильме он видел, как расстреливают в Таиланде из спаренного пулемета осужденных за торговлю наркотиками. Такое оружие за секунды разрывает человека на куски. Поэтому Семен мог просто сказать: «сделаешь то-то и то-то», и генерал бы все послушно выполнил.

Так бы и произошло, если бы не сегодняшний визит Софьи. Семен решил, что нет больше смысла сдерживаться. С детства он боялся таких людей. Презирая себя, он в школе, во дворе дома, в институте заискивающе смеялся после полученного подзатыльника или пинка. А сегодня захотел за все отомстить. Его распирало от злорадного веселья. Хотелось растоптать генерала – сунуть его мордой в говно.

– Здравствуйте Иван Сергеевич. Времени мало, так что я коротко.

– Слушаю, Семен Тимурович, – генерал Кузнецов посмотрел ему в глаза и увидел то, что мгновенно изменило желание схватить за горло этого плюгавого умника и задушить, на подленькое: рабским желанием угодить ему. Для него сейчас он стал почти богом. Иван понимал, что если не будет будущего, о котором он мечтал, то тогда всё что он делал до этого, было зря: зря воровал, зря убивал.

– Насколько мне известно, на вашего сына заведено уголовное дело о транспортировке наркотиков в США. Задер-

жан он в Таиланде, а по местным законам – это смертная казнь без вариантов.

– Семен Тимурович, но он ведь не виновен...

– Иван Сергеевич, ну вы то, наверное, сотни раз слышали подобные фразы. Какой от них толк? – напомнил Семен.

– Понимаю, понимаю, – пролепетал генерал, вытянувшись перед Семеном, как когда-то в первый год службы раболепно тянулся перед замкомвзвода Витюком.

– Ну, кажется, вы не все понимаете. По моим данным в этом деле замешана и жена вашего сына. Она находится в США и сегодня там против неё будет возбуждено уголовное дело. Я не могу сказать, какие законы в США по делам с наркотиками... Мне кажется, в любом случае мягче, чем в Таиланде, но все равно с тюремным заключением. Вы посмотрите в интернете.

– Да-да. Спасибо. Обязательно.

– Но это еще не все. Так как ваш внук родился в США, он является американским гражданином. И если он лишится обоих родителей, то его судьбой займутся местные органы опеки. Проще говоря, его отдадут в чужую семью. И так как он еще очень мал, то, скорее всего никогда уже не вспомнит о вашем существовании. А знаете, сейчас в США много однополых браков и у них приоритет в очереди на усыновление.

Генерал представил, что его внука ведут за руки по парку два гомосексуалиста в цветастых рубашках и первый раз за

всю жизнь ему стало плохо. В грудь будто залили расплавленный металл. Сердце сжала костлявая лапа. Стало невозможно дышать. Лоб покрылся липкой холодной испариной. Но самое мерзкое это жуткий страх, который проткнул его от затылка до ставших ватными коленей.

«Только бы не сдох», – подумал Семен, глядя на поси-невшего Кузнецова. Но генерал был живуч. В эти секунды он перенес инфаркт. То, что любого другого приковало бы к больничной койке на месяцы или просто убило, он перенес на ногах.

– Что можно сделать? – шепотом произнес он.

Если бы завтра от генерала не зависело так много, Семен бы, наверное, довел его до гроба, но завтра генерал нужен был живой.

– Если завтра вы сделаете все как надо, то США попросят выдать вашего сына. Тайцы не смогут перечить США и исполнят их просьбу. Ну и с вашими деньгами американские адвокаты легко найдут лазейки и его оправдают.

– А какие у меня гарантии? – почти прохрипел Иван Сергеевич.

– Вы меня удивляете, – рассмеялся Семен. – Я что, вам сейчас бумагу здесь напишу? Гарантийное письмо? Вы что, торговаться собираетесь? Никаких гарантий. Даже больше скажу, – Семен не мог удержаться, чтобы не поиздеваться, и еще больше напугать Кузнецова, – мне думается, что даже ваших денег может не хватить.

Генерал был нужен Семену потому, что от него требовались конкретные действия, а не просто невмешательство. Поэтому Иван Сергеевич мог бы и поторговаться и может быть даже получить гарантии. Но он этого не знал. Точнее он об этом не думал. И поэтому быстро забормотал, держась за сердце:

– Извините, Семен Тимурович. Все что угодно... Для вас, все что угодно. Вы знаете, сердце вдруг что-то прихватило. Плохо соображаю. Я для вас все сделаю. Не губите. Прошу вас.

Семену показалось, что секунда и Иван Сергеевич упадет на колени. Хотя он и ненавидел генерала, но это бы унизило и его самого. Поэтому он резко прервал его:

– Иван Сергеевич, не волнуйтесь. От вас завтра потребуются лишь хорошо выполнить свои обязанности. Вы знаете, на завтра намечен митинг и ваша задача на этом митинге, в случае возникновения беспорядков, подавить их. Так вот, моя просьба заключается в том, что вы должны это сделать максимально жестко.

– Семен Тимурович, это все? – обрадовался и удивился генерал. – Да я, – он глубоко вздохнул и на выдохе, почти хрипя, произнес, – да я там всех на гусеницы намотаю. Да я для вас... Да они свои кишки по проводам искать будут... Я-то думал... Семен Тимурович, какой базар?! – от радости Иван даже перешел на привычный жаргон.

– Ну вот и хорошо. Вам позвонят. Берегите себя. Вот возь-

мите таблеточку валидолчика, а то выглядите неважно.

Когда генерал ушел, Семен вызвал помощника.

– Ну вы его хорошо обработали, Семен Тимурович, – сказал Аркадий. – Он вышел от вас мокрый, как из парилки. Никакого выбора ему не оставили.

– Выбор у человека есть всегда, – ответил Семен.

– Не застрелится? – переживая за завтрашний план, спросил Аркадий.

– Такие не стреляются...

– Не знаю, не знаю, – Аркадий был уверен, что шеф переборщил и это может повредить делу.

Глава 26

«Если накануне было хорошо, то скоро обязательно будет плохо. Закон сохранения счастья. Иначе люди бы разучились ощущать его вкус, – подумал Родион, когда ушла Катя. – Как свободно и легко было вчера утром на крыше. Все было ясным и понятным, а сегодня. «Закончи свои дела, а я закончу свои», – вспомнил он слова Кати. – А могла бы просто сказать: освободи в шкафу место для моих вещей, вечером я переду. И отбери ключи у всех своих бывших, чтобы не шлялись по утрам».

Он ходил по квартире, пытаясь понять, что все-таки с ним произошло за последние сутки. Справа от комода, на небольшом кусочке свободной стены с темно-зелеными обоями в разных рамках висели два десятка фотографий. Почти на

всех из них была его мать. На самой большой они были вдвоем на сочинской набережной десять лет назад. Через три месяца после этой поездки мама умерла. Она родила Родиона без мужа, когда ей было за тридцать. Может быть, стыдясь этого, так и не сказала ему кто отец.

«Чтобы сказала мама, узнав о моих поступках?» – подумал Родион. Она очень любила Томаса, который часто обедал у них дома после школы, перед тем, как они шли на стадион. Иногда Томас звонил домой и, с разрешения родителей, оставался ночевать. «Мама бы точно не одобрила...»

«Я же вчера решил уехать, – вспомнил Родион. – Все было так хорошо, так тщательно обдуманно... Не успел... – он пил чай с чабрецом из любимой кружки и барабанил пальцами по затертому столу. – Куда делась скатерть? Наверное, Катя убрала ее, чтобы не испачкать, когда вчера накрывала стол. Почему я на это не обратил внимания? Что-то очень многое в моей жизни стало выходить из-под контроля. И, похоже, что в своей жизни я сам решаю далеко не все. С той же Лизой все было замечательно и никакой зависимости. Почему же вчера я так легко сдался Кате? Может это и есть любовь?» – Родион посмотрел на неубранную кровать. Обычно, чтобы голове было удобнее, он подкладывал себе под голову обе подушки, а сейчас они лежали отдельно рядом друг с другом. И на одной была ямка, отпечатавшаяся от Катиной головы.

«А что такое любовь? Чем она отличается от обычного

желания заняться сексом? Иногда утром в метро, пока на эскалаторе вверх поднимаешься, навстречу штук пять таких принцесс попадется, что хоть бросай все дела и за ними... И что? Это любовь? Что-то должно быть еще кроме секса... Может дело в том, что от одной сразу после секса хочется бежать, что есть мочи, а с другой не хочется расставаться ни на минуту... Нет. Это тоже не то... От Лизы мне бежать никуда не хотелось. И вообще, если выбирать исходя из чего-то осязаемого, того что можно объяснить обычными словами, то я выбрал бы Лизу. Грудь у нее красивая, а попа и ноги просто шикарные. Знает, что хочет. В мою жизнь не лезет... И поэтому с ней просто. К тому же перспективы... Но вот только к Лизе меня сейчас совсем не тянет. А Катя только уехала, и уже без нее все не так: не соленое и не перченое. Вот как это значит – «опустела без тебя земля». Все мысли только о ней. По крайней мере, ясно – где начинается любовь, там кончается свобода».

Родион встал. Заправил кровать взбил подушки и немного подумав, положил их одну на другую, как делал это раньше для себя одного.

«Видимо в организме есть какой то тумблер, который включается, и ты понимаешь, что готов и хочешь взять ответственность именно за этого человека. Тебе хочется иметь с ним детей, о которых будешь заботиться... И в любую секунду своей жизни ты будешь знать, что этот человек и эти дети – самое важное в твоей жизни. А с другими... даже

если с ними очень здорово заниматься сексом на крыше... рано или поздно накатит такая тоска, что не помогут даже самые красивые ноги в мире...»

Родион почувствовал, что очень голоден. Готовить не хотелось, поэтому он спустился позавтракать в то кафе, где вчера оставил Томаса. На столе у окна, где они сидели, стояла пустая пивная кружка. «Да, вчера еще все было просто и понятно». Он попросил сарделек с жареным луком и картофелем и вспомнил завтраки там, в заповеднике. «Может все дело в том, что тебе не хочется опять садиться на скудную рисово-гречневую диету, – подумал Родион. – Но ведь не только из-за фильма ты туда едешь. И точно не за деньгами и премиями. Ты же сам задал себе эти правила – сам можешь их отменить».

Все началось в институте, когда он понял, что по неписаным законам мира кино, сложившимся сто лет назад, его место в нем уже установлено и пересмотру не подлежит. На самом верху этой лестницы были дети известных режиссеров и чиновников, их любовницы и любовники. Они могли рассчитывать не только на крупную государственную финансовую помощь, но, что еще важнее, на гарантию проката их поделок в сети кинотеатров или на телевидении. Чуть ниже были те, у кого есть возможность сотворить что-нибудь на собственные деньги. Потом разместить это на «YouTube», где все растворялось в куче ежедневного мусора. В третьей группе был Родион. Он мог довольствоваться тем, что осталось:

рекламой, клипами для начинающих музыкантов и прочей чепухой, которая хоть и приносила доход, но с творчеством ничего общего не имела. И никакой талант, никакие усилия не позволили бы ему подняться выше. Эти правила были отлиты в граните и пересмотру не подлежали.

Можно было смириться, найти свою нишу, к примеру, в политической рекламе. Жениться, завести детей, раз в год ездить отдыхать. Иногда менять автомобиль, чтобы подразнить друзей. А по пятницам в баре за кружкой пива бить себя в грудь и доказывать, что уж на следующий год обязательно все брошу, уеду на край света и сделаю что-нибудь стоящее.

Согласиться с этим для Родиона было так же невозможно, как сыграть со своей единственной жизнью в договорную игру. Когда он, окончив школу, сообщил маме куда собрался поступать, она с грустью приняла его выбор:

«Я надеялась, что ты станешь врачом, но и режиссером можно принести пользу людям». Он пообещал, что будет делать доброе, честное кино. Не выполнить свою клятву и признать свое поражение, даже не стукнув по мячу, он не мог.

Он решил: победить можно, только если играть по своим правилам. Поэтому еще в институте создал собственную свою шкалу ценностей. Для этого отверг привычные атрибуты успеха. С юношеским максимализмом установил для себя главным приоритетом – независимость и правдивость. Но тогда он не смог предусмотреть, что свобода всегда требует жертв. После первого брака стало понятно, что глав-

ная жертва – это семья. Первая попытка сохранить независимость, находясь в браке, провалилась.

«Стоит ли пробовать еще раз? Даже если сегодня ты уверен, что это любовь? Если этот тумблер сам включается, то он, наверное, сам и выключается... Что дальше? Дальше для чего-то серьезного будет уже поздно. Гонки за двумя зайцами обычно кончаются...»

Родион вспомнил Камчатку и то новое, почти неуловимое чувство, которое только на несколько мгновений проявлялось у него безотчетным приятным волнением, но при попытке удержать его и попробовать осмыслить, сразу растворялось.

Он вспомнил тот день, когда оно появилось первый раз. Это было после того неудачного падения, когда он разбил камеру. Дальше тропинка несколько километров шла по самому гребню перевала, потому что склоны заросли непроходимым кустарником. Болело плечо. Теперь он шел осторожно, лишь изредка посматривая по сторонам. Справа одни горы, кое-где еще покрытые снегом, сменяли другие. А у самого горизонта их вершины смешивались с голубым небом. Впереди был хорошо виден вулкан Кроноцкая Сопка, а слева блестело бескрайнее застывшее море с разбросанными по нему небольшими островами. Было так красиво и безмятежно, что Родион не удержался и что-то прокричал от восторга.

Спускаться к морю было трудно из-за мелкого острого гравия под ногами. Чтобы немного перевести дух, Родион

присел на большой камень.

Прямо под ним была небольшая бухта. Там, где в бухту впадала быстрая мелкая река, пологий берег был усыпан серой галькой. Дальше, узкая кромка берега между сползающим с гор зеленым кедровым стлаником и водой, была засыпана огромными черными валунами. А там, где бухта соединялась с открытым морем, из воды, как сторожевые бастионы, неприступно поднимались сплошные скалистые стены. Прямо под ними, маленькими островами торчали, не выдержавшие морской осады, их обломки. В бескрайнем светло-голубом небе самолет, пролетая из другого мира, оставил за собой исчезающий на глазах след. И везде: над береговыми утесами, над морем кружились тысячи птиц. Даже здесь, наверху, был слышен их непрерывный гомон.

Тогда на этом перевале ему показалась, что этот суровый мир вслед за медведицей поверил ему, принял за своего. Он почувствовал себя единой частью этого великого творения. Ему показалось, что еще мгновение, и он поймет что-то очень важное. Он почти физически почувствовал, что сейчас узнает самую важную тайну в жизни... Но чувство ускользнуло. Видимо тогда ещё время не пришло или он сам оказался не готов.

Родион закрыл глаза, пытаясь восстановить те ощущения, которые испытал на горе. Но увидел лишь калейдоскоп лиц: Катя, Лиза, Томас... Он подумал, что если бы не разбил тогда камеру, ему бы не пришлось лететь в Москву, и он

не встретился бы с Катей.

«О чем я думаю? Пытаюсь обмануть сам себя? Выбор очевидный и варианта только два. Или признать, что с юношеским максимализмом пора завязывать. Что в тараканьих бегах есть тоже неплохие призы. Или, если хочешь остаться собой, собрать рюкзак и вечером улететь. Там есть хороший собутыльник ученый-вулканолог. И есть шанс понять, что же он тогда не смог понять на перевале. Ведь чтобы иметь право пользоваться чужими жизнями, надо сначала разобраться со своей».

Он достал телефон и набрал номер.

– Катя? – услышав ее голос, Родион почувствовал, что опять теряет уверенность. – Я хотел тебе кое-что сказать. Тебе сейчас удобно говорить?

Он представил, как в неподвижном жарком московском воздухе совершенно каким-то необъяснимым образом сейчас полетят его слова, которые будут влетать в миллионы чужих ушей, слова, которые надо говорить, только глядя в глаза. Но говорить их не пришлось.

– Давай попозже созвонимся, – ответила Катя. – Мы сидим с Томасом на скамейке у его дома.

– Хорошо.

Родион сбросил звонок. Огляделся в поисках официанта.

– Водки, пожалуйста, 200 грамм. В одном стакане.

Катя вышла от Родиона на улицу. На мгновение ее ослепило яркое солнце и она остановилась на ступеньках. Когда пришла в себя, то сразу обратила внимание на девушку в ярко-красном «Мини Купере» напротив подъезда.

Катя почему-то сразу почувствовала, что это и есть та самая неожиданная утренняя гостья.

«Красивая, яркая, независимая, но не конкурентка, – дала ей оценку Катя. – Мужики таких в жены не берут: они их боятся и чувствуют себя с ними неуютно. Слишком независимая. Для секса – да, похвастаться – да. Но для жизни им нужны совсем другие. Рядом с такой яркой звездой можно самому потеряться. Это перед друзьями в бане с пивом мужчине хочется выглядеть нестигаемым брутальным кобелем, а дома хочется лежать на уютном диване рядом с заботливой, и главное, надежной женой, которую не надо убеждать, что его приятель никчемный бездарь. Хорошая жена сама это подтвердит. И боже упаси напомнить своему мужу, что этот его приятель своей супруге недавно купил новую машину. Такие сравнения могут делать только круглые дуры. Мужчинам нужно чтобы женщина смотрела на них восторженными глазами, и одновременно аккуратно вытирала им сопельки». А она умеет быть такой. Не всегда ей это нравится, но что же делать. Она может слушать с понимающим взглядом, может заботиться и даже жертвовать. И не потому, что считает, что так она быстрее доберется до кошелька, а потому что уверена, что это и есть роль женщины: забо-

титься, любить, понимать. «А те дуры, которые ждут всего этого от мужчины, пусть встают в бесконечную очередь друг за другом».

«С девушкой более-менее ясно, теперь надо определиться с Томасом. Если бы он не был другом Родиона, то и проблем бы не было. «Извини, не судьба. Я встретила парня своей мечты, а ты, конечно, добрый и замечательный, но мы с тобой очень разные». Сегодня в этой ситуации так сделать не получится. Томас друг Родиона и как только поймет, что он уже не мой парень, то легко может перейти в разряд моих противников. А друзья мужей могут доставить больше проблем, чем их подруги. Особенно обиженные друзья. Они такого могут наговорить! Но Томас, кажется, не такой. Вообще он хороший. Я же еще вчера радовалась, что его нашла, а сегодня... – напомнила себе Катя. – Так бывает. Конечно, вряд ли он захочет отомстить и рассказать Родиону что-то плохое – не такой он человек. Но всякое бывает. В любом случае лучше, если он будет на моей стороне».

Катя набрала на телефоне номер Томаса и договорилась встретиться около его дома в Некрасовке. «Невеселая процедура, но через это надо пройти».

По Солянке Катя вышла к «Китай-городу». У входа в метро она заметила невысокий храм кирпичного цвета и решила, что должна обязательно зайти и поблагодарить Бога за то, что он дал ей такой шанс. В галерее у входа купила маленькую свечку. Оказавшись после шумной улицы в мягком цер-

ковном полумраке, Катя сразу внутренне как-то изменилась. Ей захотелось быть строже к себе. Среди старинных икон маленького уютного намоленного храма она нашла икону Божией Матери. От горящей под ней лампадки зажгла свою свечку и поставила на большой подсвечник к десятку таких же. Она не знала ни одной молитвы и поэтому просто своими словами поблагодарила Богородицу. Потом еще постояла несколько минут и, быстро перекрестившись, вышла на улицу.

У лестницы в подземный переход и в метро столпились люди.

Спускаться под землю с вечно спешащей толпой сейчас не хотелось, и Катя присела на лавочку в соседнем сквере. Утреннее солнце еще не успело нагреть город, и она с наслаждением подставила лицо под его лучи. После стольких лет ожидания удача улыбнулась. Ведь она о многом и не просила. Терпеливо ждала и готовилась. Ей был нужен только один шанс и уж она бы его не упустила. И вот Родион... Именно то, что ей и было надо. Она в этом ни капли не сомневалась. А с Томасом было как с новыми красивыми туфлями: все хорошо, но где-то чуть жмут, где-то чуть трут... Может со временем, и притрутся, но... Родион подошел, как будто его скроили специально под нее. «Может это и есть любовь? – подумала она. – Может и любовь, но сейчас это не самое главное».

Катя не любила думать о таких понятиях, которые трудно

точно обозначить. «Он умный, веселый, красивый и, главное, перспективный. А любовь... Конечно, звучит возвышенно и романтично, но неплохо, если бы сначала кто-то смог толково дать определение, что это такое. Тогда бы я и решила... Вот у Наташи Ростовой, когда была любовь? Когда она уже помолвленная ждала Болконского или когда от Болконского хотела сбежать с этим... как его там звали... забыла... Кураевым или Куракиным... или вообще к Пьеру Безухову, которому она нарожала кучу детей? Абсолютно разные люди, разные чувства, а все одно и то же слово. Если Лев Николаевич не смог разобраться, то мы пока тоже это отложим».

Наедине со своими мыслями, сидя на лавочке в центре Москвы, Катя размечталась на солнышке.

«Район здесь замечательный, но квартира маленькая. Для холостяка в самый раз, а для семьи не подойдет. Но эту квартиру можно легко продать и купить за эти деньги трехкомнатную в той же Некрасовке... И еще останется... А не рано ли я начала делить шкуру еще не убитого медведя? – очнулась Катя и рассмеялась над собой. На всякий случай, чтобы не сглазить, постучала костяшками пальцев по деревянной лавочке. – Главный конкурент для меня – это его работа. Если он сейчас уедет и продержится без меня там хотя бы месяц, то все пропало. Любовь, что бы это ни было... это такое блюдо, которое надо подавать горячим... И к тому же она может быстро остыть».

Катя решительно встала и пошла к входу в метро: «Нельзя откладывать то, что надо сделать прямо сейчас!»

Некрасовка встретила сильной жарой и такой вонью, что заслезились глаза. На центральной площади было перекрыто движение, и люди в ядовито-салатовых спецовках заканчивали монтировать на ней огромную сцену. Со всех сторон из мегафонов звучал призыв для жителей собраться на митинг, который должен начаться в два часа дня. «К этому времени надо все закончить и уехать отсюда, – решила Катя. – Сейчас двенадцать, должна все успеть. А в Некрасовке квартиру покупать не будем».

Тут она увидела радостно улыбающегося Томаса, который шел ей навстречу. Всю дорогу она подбирала в голове уместные фразы для этой ситуации, но сейчас все вылетело из головы. Томас шел, и казалось, что вокруг него, большого сильного и доброго, образуется облако положительных эмоций. «Да, так и есть – большой ребенок. Как же ему все сказать? Надо сразу, только не тянуть».

– Катенька, я тебя потерял. Со вчерашнего вечера не могу тебе дозвониться, – Томас нагнулся и неуклюже поцеловал Катю в щеку. – Ты нашла мне замену?

Девушка внимательно посмотрела на него снизу вверх. Взяла из его рук маленький букетик синих фиалок, которые он неуклюже держал своими толстыми пальцами. И поймала себя на мысли, что если бы она вчера не вернулась из

метро к Родиону, а решила сначала объяснить с Томасом, то твердости у нее могло бы не хватить. Поэтому может она подсознательно и отрезала все пути назад.

– Если честно, то да, – выдохнула Катя. Наверное, только сейчас она увидела всю эту ситуацию глазами Томаса.

– Так быстро? – Томас продолжал улыбаться, несмотря на то, что понял: Катя не пошутила. – Родион? – уже серьезно, после небольшой паузы, спросил он.

– Может быть... давай присядем, – предложила Катя.

– Да, наверное, стоит.

Томас осторожно взял ее под локоть, перевел через дорогу на другую сторону, где на тротуаре стояли столики уличного кафе.

– Я, пожалуй, водки, а ты? – спросил он.

Катя подумала, что если бы она просто от него ушла, Томас все равно бы расстроился, но принял это с пониманием. Но то, что виновником этого стал его друг, он, наверное, принять не мог.

– Я знаю, что все это... – Катя пыталась найти какие-нибудь слова оправдания, – понимаешь, Томас, так бывает... Как солнечный удар...

– Девушки всегда предпочитали Родиона, – перебил он. – Еще в школе рядом с ним у меня не было никаких шансов: я был толстый, неуклюжий, – Томас смотрел в сторону, боясь встретиться с Катей глазами. – Но сегодня все не так... до этого он никогда не уводил моих девушек.

Тут Томас увидел, как из остановившегося недалеко автобуса, выходят люди в казачьей форме. В одном из них он узнал своего вчерашнего противника. «Если бы я вчера просто прошел мимо него...» – подумал он.

– Интересная штука – судьба. Чтобы мы сейчас делали, если бы вчерашнего дня вообще не было? – задумчиво произнес он, аккуратно взяв за ножку маленькую рюмку.

– Ты обещал, что сегодня сводишь меня в реставрационные мастерские, показать, что ты делаешь, – Катя хотела скорей закончить неприятный разговор, переведя его в другое русло.

– И ты так убедительно говорила, что тебе это очень интересно, что я даже поверил.

– Понимаешь, Томас, – Катя понимала, что надо хотя бы попробовать объяснить, то, что она и сама еще плохо понимала. – Я женщина и такая наша природа. Я тебя не обманывала. Мне на самом деле очень хотелось узнать, чем ты живешь. Мне и сейчас это интересно. С удовольствием схожу с тобой, когда ты меня пригласишь. Но у женщин и у мужчин разные задачи в жизни и поэтому они по-разному смотрят на одни и те же вещи. У женщин вообще мало выбора. А может, его и совсем нет. Женщине труднее сделать карьеру или заниматься бизнесом. Дело не в том, что кто-то не дает или способностей не хватает, а в самой природе женщины. Главная ее цель в жизни – найти мужчину. Но мужчину не для себя, а отца для своих будущих детей. В этом смысл ее жиз-

ни. Поэтому она не имеет права ошибиться.

– Все это звучит красиво. И я даже не буду тебя спрашивать, чем Родион будет лучше меня для твоих будущих детей. Ты женщина, тебе виднее, – Томас выпил, сильно зажмурил глаза, будто надеясь, что когда он их откроет, все окажется дурным сном, но когда убедился, что ничего не изменилось, добавил: – Мне важно понять Родиона. В моем понимании есть вещи, которые делать нельзя ни при каких обстоятельствах. Даже если вы на необитаемом острове остались одни, и шансов на спасение почти нет – спать с девушкой друга нельзя. Это табу!

Мелодия зазвонившего телефона прервала их разговор. Томас сразу понял, что Кате звонит его друг.

Глава 28

Из Некрасовки до ЦКБ Прохор с Тихоном доехали на такси. У центральных ворот КПП их ждала вызванная Прохором служебная машина с водителем. На ней добрались до длинного серого двухэтажного здания, затерянного в глубине большой территории. В фойе братьев встретили два доктора, которые провели их через подземный коридор в комнату без окон и попросили подождать. Не успели они присесть в очень глубокие, но неудобные кресла, как в комнату из одной из трех дверей, вышел еще один доктор и пригласил их за собой. Они прошли в зал, где вместо одной стены, было большое панорамное окно, как в ресторане на Чистых

прудях. Только за ним был не пруд, а ярко освещенная операционная.

– Ваш отец сегодня перенес два инфаркта и если будет третий, то сердце не выдержит. Он распорядился, как только вы приедете, дать ему возможность с вами поговорить. Это очень трудно в его положении. Понимаете, он очень слаб для этого. Мы его, конечно, попробуем подготовить, но, сколько времени у вас будет, я не знаю. И скорее всего, это все, что мы можем сделать. Подождите здесь, я вас позову.

Проход подошел к стеклу. Рядом с ним, чуть сзади встал Тихон. Несколько врачей что-то делали возле кровати, на которой, по всей видимости, был их отец.

– Вот как бывает... А еще утром хотел жениться... Доктор, который приехал к нам домой, сказал, что ничего страшного и вдруг... – вспомнил Проход, глядя через стекло.

– Он не молод... – шепотом ответил Тихон.

– Да. Он из другой эпохи. Теперь его обвиняют, что он похоронил социализм. А разве он? Я помню ночную многокилометровую очередь в «Макдональдс» на Пушкинской. За бутербродом, за обычным бутербродом очередь... Как дикие люди... Такой стыд... А теперь те же люди вдруг стали патриотами СССР... А какое там хорошее кафе до этого было.

– Кафе «Лира»... – тихо сказал Тихон. – «А я все верю, что где-то божью искрою света, займется костер...»

Проход оглянулся и удивленно посмотрел на брата.

– Ты помнишь эту песню? – спросил он.

– Тогда, казалось, это очень важным... А вышло...

– Да, тогда казалось, что если убрать Ильича из Мавзолея все станут счастливыми. Думали, что для счастья и нужно лишь «Levi's» на жопе и «Deer Purple» на кассете. Но оказалось, что этого маловато. Потому что когда ты наконец купил долгожданные «Levi's», сосед приобрел дом в Париже.

– Зависть, конечно, тяжкий грех, она разрушает и самого человека, и страны, но что сделаешь... люди несовершенны...

– Несовершенны? – Прохор поморщился. – Нет. Гораздо хуже. Ленивы, глупы, эгоистичны... Сначала требуют от родителей, потом от государства. А когда не получают, решают, что их обманывают. Родители из жадности не дают им конфет, власть состоит сплошь из жуликов...

– А разве не так?

– Власть? Это те же люди. Не с Марса, не с Луны. Слесарь ворует свое слесарево, то кесарь кесарево... Сотни лет в России одни и те же проблемы. Царизм, социализм, капитализм... Всегда власть виновата. Может дело совсем не в этом? Может не зря варягов на царство приглашали?

– Ты хочешь сказать, что от нашего народа не может быть другой власти кроме той вороватой, что есть?

– Не знаю... Разве что ангелы спустятся с небес и будут чистить наше говно... Хотя... – Прохор опять оглянулся на брата раздумывая, стоит говорить или нет. – В Аустер-

лицом сражении, показательно позорном для России, был один эпизод, – начал Прохор будто вспоминал детали битвы, в которой сам был участником. – В разгар боя, в низине у Раусницкого ручья, французская конница смяла каре Семеновского полка, русскую пехоту из бывших крестьян... – Прохор говорил медленно, как будто глядя сейчас не на то, что делали за стеклом врачи, а на ту бойню. – Французская гвардейская кавалерия генерала Раппа порубила бы всех наших солдат... И тут кавалергарды. Дети элиты русской аристократии. Двухметровые двадцатилетние красавцы в белоснежных мундирах, на дорогих, безумно красивых гнедых лошадях под алыми вальтрапами, с огромными палашами наголо... Прекрасно зная, что эта атака будет их первой и последней... Даже не сомневаясь, пришли на помощь...

По тому, как говорил Прохор, было очевидно, что эта история имеет для него огромное значение. После небольшой паузы он продолжил:

– Они говорили с русским народом на разных языках, но когда пришло время они, не задумываясь, отдали жизни за свой народ, чтобы не дать никому шанса усомниться в их чести. Мне эта атака русской тяжелой кавалерии ночами снилась. Вот я и надеялся, что у нас сейчас такая элита появится...

В эту минуту вошедший доктор молча пригласил их.

– Так почему не появилась? – поинтересовался Тихон.

– Потому что вся элита погибла там, в бестолковых боях

под ненужными Аустерлицами... – ответил Прохор, проходя за доктором.

Глава 29

То, что отцу оставалось жить совсем мало, можно было понять по спокойным смирившимся лицам врачей, которые вышли из реанимационной палаты, выключив яркий свет и оставив их одних. Сам Романов был удивительно бодрым и даже веселым. Тихон, не видевший отца больше тридцати лет, удивился, что тот так мало изменился.

– Идите сюда поближе. Мне громко говорить трудно... Рад, что успел тебя увидеть перед тем, как сдохнуть, – Юрий Владимирович с трудом оторвал руку от простыни и протянул ее Тихону. Тихон взял в руки белую кисть отца со скрюченными холодными пальцами и держал не отпуская. Романов долго смотрел на него.

– Да, Тихон, ты весь в мать. А ты, – Романов-старший перевел взгляд на другого сына, – ты Прохор, наверное, в меня. Не самые мы с тобой умные, – Романов попробовал улыбнуться, но вышла лишь неприятная ухмылка. – Моих дел уже не исправишь... А тебе... – он несколько раз глубоко вздохнул. – Запомни хотя бы основное правило... Любой шаман в глухой деревне всегда знал: чтобы народ его слушал, народу нужны жертвы... Не петух или овца, а красивая баба, а иногда и что поважнее... Авраам, вон, готов был сына, – он смотрел на детей слезящимися глазами, – а наши новые

дворяне без хорошего хозяина... как голытьба, дорвавшаяся до денег, делают всё наоборот. Блядам яхты дарят, а бестолковых детишек в Париж отправляют. Нельзя этого делать, когда люди последний хрен без соли доедают... Люди могут этот свой хрен вам в жопу засунуть, – Романов хотел рассмеяться, но лишь хрипло закашлялся, как недавно Прохор в ресторане. – Эх, короткая у нас память. Да и я... если бы знал, что все так получится... Ведь вся наша элита из моей обоссаной сандалиии вышла... Эх, если бы я тогда не обмочился с испугу на Красной площади... Вот как все повернулось.

Он замолчал. Эта речь забрала у него почти все силы. Закрыв глаза, он вспомнил, как очень-очень давно в снежной казахской степи пытался уснуть в армейской палатке у чугунной печки, слушая вой голодных волков. Утром на снегу у входа в кровавом пятне валялся пустой ошейник, привязанный цепью к собачьей будке.

Весной степь наполнилась машинами. Сотни МАЗов, Газов, ЗиЛов. Цементовозы, самосвалы, тягачи, тракторы, бульдозеры. И тысячи людей. Целая страна надежд. Он был совсем молодым инженером и мог спать всего по четыре часа в сутки. Потом первый удачный пуск. Всеобщая радость и раздача наград. А его почему-то забыли. В душе поселилась обида. За ней пришла зависть. На вокзале его провожала девушка в валенках и телогрейке. Иней на слипающихся ресницах. Большие, верящие глаза, в которые стыдился

смотреть. Он обещал вернуться...

Романов очнулся, по-прежнему сжимая руку Тихона.

– Я всегда думал, что нет никакого бога. Слишком много я сделал такого, что бог меня должен был давно уже шарахнуть какой-нибудь молнией, а вот видишь, сколько прожил, – глядя в потолок, Романов говорил медленно и слабым голосом, часто моргая глазами. – Теперь боюсь, а вдруг его и правда нет. И там ничего нет. А есть только эта... которая всегда по ночам сидит на кровати у меня в ногах и ждет. Молчит и ждет. И я молчу. Молчу, потому что от страха пошевелиться боюсь... Но еще страшнее, когда засыпаю... Мне снится один и тот же кошмарный сон, – глаза его стали стеклянными и обращенными внутрь, как будто он видел что-то, недоступное больше никому.

– Я, Тихон, тебе денег немного оставил. Прохору деньги не нужны, да и тебе наверное... Но может... на доброе дело потратишь, церковь свою достроишь. Может, кто меня и добрым словом вспомнит. Помолится за спасение... Страшно мне умирать непрощенным...

С каждым словом ему становилось все хуже. Говорил он тихо и прерывисто, делая большие паузы. Рот оставался открытым. Глаза не закрывались, но зрачки наполовину закатывались за верхние веки. Иногда по телу пробегала пугающая дрожь.

В реанимационную палату из комнаты с окном зашел доктор и тихо сказал:

– Мы можем еще попробовать, но это даст не больше минуты.

Братья переглянулись и Прохор отрицательно мотнул головой. В эту минуту Романов-старший опять пришел в себя.

– Как же страшно, – лишь успел он сказать и опять провалился в свой кошмарный сон. Во сне он видел себя, лежащего на койке в пустой комнате с тусклым светом, и слышал жуткого скрипа какого то колеса, раздающегося из-за двери. Несколько секунд он пытался вспомнить, где он, но потом как взрывная волна откуда-то накатила смертельная паника. Парализующий страх сверлом ввинчивался в голову. Закричать он не мог – кричать было страшно. Он заплакал.

Очнулся опять весь в слезах. Рядом стояли Тихон и Прохор и смотрели на него так, что он понял: там, куда он уходит, они не могут ему помочь. Глаза его закрылись, и он смирился с неизбежным.

Романов ясно понимал, что вся его жизнь уже осталась где-то далеко позади и теперь не имеет никакого значения. Его уже не интересовало, как он сюда попал и почему он этого не помнит. Это тоже было уже прошлым. А в настоящем была железная кровать и мерзкий скрип где-то за стеной. И этот скрип приближался. Юрий Владимирович понял, что сейчас будет самое страшное в его жизни. Все тело покрылось холодной липкой испариной. На потолке загорелись длинные, узкие, очень яркие лампы. Через несколько секунд открылась дверь и два человека в белых халатах

вкатили в комнату железную тележку. Они переложили его на нее и повезли с тем же жутким скрипом по длинному коридору. Потом толкнули какую-то дверь и оказались в темной душной комнате. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел низкий закопченный потолок и понял что это и есть та самая кочегарка. Он склонил голову вбок и увидел рядом раскаленную дверь топки, очерченную огненным квадратом и с надписью KRUPP в центре. Санитары подняли с пола длинную заостренную трубу и вопросительно взглянули на кого-то, кого Романов не мог видеть за своей головой. Получив ответ, они кивнули и начали делать то, чего Романов ждал и боялся всю свою жизнь: насаживать его на этот шампур.

Глава 30

Из-за отсутствия воображения и умения создавать логические цепочки, генерал-майор Кузнецов не умел и не любил планировать на длительный срок. Но он умел хорошо выполнять приказы и осуществлять тактические операции. Работа на митингах была его любимым занятием. Ему очень нравился тот переломный момент, когда толпа молодых, еще не пуганых протестующих, уже решившая, что она здесь власть и имеет право что-то кому-то диктовать, вдруг попадала под шквальный натиск его шестого фрязинского полка. Он с наслаждением смотрел, как еще минуту назад наглые студенты, призывающие гнать в шею зажавшуюся власть,

в ужасе прятались от ударов резиновыми дубинками под припаркованными машинами.

Нормально подготовиться за один день к задаче, которую перед ним поставил Семен, он не мог. Главная проблема была в том, что его любимый полк, в который он чуть ли ни лично отбирал каждого человека, сейчас был в плановой командировке на Северном Кавказе. Заменить их было не кем. Поэтому Иван Сергеевич решил, что если надежных профессионалов нет, то придется действовать с помощью любителей. С прошлого мероприятия в Москве находились две роты срочников из Элисты: обычных молоденьких солдатиков, только полгода назад одетых в полицейскую форму. «Эти даже не поймут ничего. Они за полгода службы так натерпелись от армейской дедовщины, что с радостью отыграются на обычных гражданах. Им, главное, задачу грамотно поставить», – решил он.

Для страховки он все таки вызвал роту спецназа из Рязани, но задействовать их он планировал только в крайнем случае. Дело в том, что это были взрослые мужики из бывшего недавно переименованного СОБРа. Они могли догадаться, что их хотят банально подставить и этим спутать ему все планы. Особенно не нравился Кузнецову их командир, полковник Тушин. Это был невысокий, сутулый, пугающий ясным, все понимающим взглядом, уже немолодой офицер совершенно не боевого вида. Он получил звезду героя России еще молодым лейтенантом в первую чеченскую. Тогда

Тушин вывел из окружения свой взвод – таких же молодых необстрелянных пацанов. Зброшенный в горы по приказу какого-то штабного идиота генерала, взвод неделю выходил под непрерывным зимним дождем, преследуемый хорошо подготовленными боевиками, без всякой поддержки. Из тридцати ребят двенадцать вернулись в часть с ранениями, но живыми. Не погиб никто.

Кузнецов приказал всем офицерам собраться в штабе, а сам пошел посмотреть, что происходит на митинге. Утром он заехал к своему единственному приятелю в маленький домик на Софийской набережной почти напротив Кремля. Явдат Хасанович Юсупов когда-то работал в Администрации Президента, а теперь помогал решать споры, получить бюджетное финансирование, найти хорошее место в Думе или правительстве. Мог даже помочь с назначением на должность губернатора. Никакой материальной благодарности он за это не просил, предпочитая по восточной традиции занять должника, который сможет ему в будущем оказать ту или иную услугу.

Они познакомились, когда на Явдата наехали какие-то зачетные бандиты, по мнению которых он специально обанкротил их завод, чтобы передать его своим друзьям. Скорее всего, так и было, но Кузнецов, к которому обратился за помощью Явдат Хасанович, и не думал разбираться в таких тонкостях, а просто уничтожил на корню всю эту бандитскую группировку. Кто-то бесследно пропал, кто-то получил

большой срок.

Только Явдату Хасановичу мог Иван Сергеевич рассказать о том, что случилось. Они проговорили почти час. Провожая и успокаивая Кузнецова, Юсупов сказал с хитрой улыбкой старого узбека:

– Вовремя предать – это не предать, а предвидеть. Понимаешь, брат, мы здесь так поработали, что любая следующая власть нас обязана будет найти и посадить. Если нас уже не будет, у детей наших отнимут. Неважно где: здесь или в Америке. Наши партнеры там, на Западе, отдадут нас на съедение, не задумываясь. А вот если России не будет, не будет и правительства российского. Значит, некому будет у нас что-то отнимать, – Явдат Хасанович рассмеялся. – А какое-нибудь Касимовское ханство или Тверское княжество, которое на этом месте будет, ни для кого не указ. Нет истца – нет ответчика. Так что делай дело и не волнуйся. Не я один так думаю, а большинство там наверху. Все что можно, мы взяли. С Россией надо заканчивать. Жадность до добра никого не доводила.

– Это что получается, – подытожил Кузнецов, – что мы за тридцать лет раздербанили по карманам огромную страну? И все это нам с рук сойдет? А народ?

– Тот народ, что здесь останется, будет о другом думать. Как бы с голоду не сдохнуть, – ответил Явдат. – Вот рыбка, – он подошел к огромному во всю стену аквариуму, – живет без памяти и ничего. Так и большинство людей. День вперед,

день назад. А больше их не волнует. Здесь, Ваня, такая жопа начнется... как в Африке. Только там тепло. Не до нас будет.

– А тебе их не жалко? – спросил Кузнецов.

– Слушай, – сразу с национальным акцентом заговорил Явдат, – почему я их должен жалеть? Они меня будут жалеть? Вот я барашка люблю, но если я его жалеть буду, мне что, травой питаться или голодать всей семьей? Я же им не мешаю... Пусть становятся богатыми... Живут хорошо... Кушают хорошо... Каждый сам за себя... А по-другому пробовали, когда все равны – им же самим и не понравилось.

После этого у Кузнецова сомнений не осталось. После пары провокаций он бросит на разгон толпы две роты срочников, отдав им приказ зачистить площадь. Он знал, что, не имея опыта, они не смогут это выполнить грамотно и поэтому начнется бардак и давка. Наверняка, кто-то окажет сопротивление. Им помогут провокаторы. Молодые пацаны с испугу сделают то, что ему нужно: устроят бойню. Пострадавших будет сотни. Именно этого от него требовал Семен Тимурович за освобождение сына.

Глава 31

Всего несколько секунд говорила Катя по телефону с Родионом, а Томас успел заметить, как радостно сверкнули ее счастливые глаза. Смотреть на это ему было больно.

За время, пока они сидели в кафе, сцену окончательно смонтировали. По краям установили высокие ряды черных

акустических колонок. Прямо над сценой, вместо задника, повесили огромный экран, на котором уже показывали какие-то мультфильмы. Совсем рядом с ними стояли несколько телевизионных фургонов. В одном из них, по-видимому, был штаб всего мероприятия. Рядом с ним натянули большой полосатый тент, под которым разговаривали, бегали, ругались, сидели в ожидании за столами, что-то писали на ноутбуках и смартфонах организаторы. Многие были в медицинских масках, надеясь, таким образом, защититься от жуткого запаха горячей свалки.

Таким образом, Томас с Катей оказались в самом центре предстоящего события.

Вокруг начали собираться люди. Среди них бегали ребята в желтых жилетках и раздавали всем маленькие флажки и воздушные шарики с лозунгом «ДА – твердой власти! НЕТ – мусорным олигархам!» Такой же слоган был написан на билбордах и на растяжках вокруг сцены.

– Похоже, что у вас здесь планируется что-то грандиозное, – предположила Катя, надеясь, что неприятная часть, связанная с изменением статуса их отношений, закончена, и она сможет в этой суматохе незаметно затеряться, чтобы встретится с Родионом, о чем он попросил ее по телефону. – Это, наверное, из-за вашей свалки. И, кажется, концерт будет. Все для нас.

Действительно, на сцене к микрофонам подошли какие-то люди, и из колонок громко зазвучала музыка. Видимо, это

была настройка аппаратуры. Кто_то проверял работу микрофонов, кто-то регулировал звук инструментов, кто-то убирал путающиеся под ногами шнуры.

– Нам теперь отсюда не выбраться, – заметил Томас. Он думал позвонить Родиону и определиться, что же все таки произошло, но решил, что Родион должен сам с ним встретиться и сам попытаться все объяснить.

Неожиданно на соседний стул буквально как с неба свалился старый знакомый Томаса Паша Ростовцев.

– А вы знаете, девушка, с каким замечательным человеком вы здесь рядом сидите? – сразу обратился он к Кате, демонстративно не обращая внимание на Томаса. – Я могу рассказать вам десяток историй, где этот скромник проявил себя как герой, достойный чтобы о нем слагали легенды и эпосы. Вот к примеру...

– Паша прекращай, – прервал его Томас, – не выдумывай. Это мой хороший приятель Паша Ростовцев. Он любит фантазировать и преувеличивать. Паша, это Катя.

Паша был крепким и высоким парнем, но все равно на полголовы ниже Томаса. За большой нос с горбинкой, черные жесткие волосы и высокие скулы в школе его звали Татаринком. Он не обижался, а даже весело соглашался, добавляя, что он прямой потомок Чингисхана и имеет право собирать дань в виде хорошего алкоголя и красивых женщин. Если без первого он иногда обходился, то без общества женщин он не мог провести ни одного вечера.

Паша ловко поймал за руку пробежавшую мимо официантку и, глядя влюбленными глазами, попросил:

– Барышня, будьте так великодушны, дайте мне надежду, что выйдете за меня замуж!

– После смены – запросто. Дождетесь? – быстро нашла что ответить девушка.

– Конечно! Вот только чтобы я в ожидании не умер от голода, не могли бы вы принести кружку светлого пива и самую большую вашу отбивную.

Девушка пометила у себя в блокнотике и, смеясь, заверила:

– Отобью и пожарю специально для вас, а вы пока думайте о свадебном подарке.

– А ты совсем не изменился. Не женился еще? – спросил Томас.

– Да ты что! Мне нельзя. Я же обязательно изменять буду, а потом переживать. У меня и справка есть, что какие-то гормоны, провоцирующие эротоманию, зашкаливают. Меня месяц назад во Франции посадить в тюрьму хотели. Только справка и спасла.

Томас смотрел на Пашу, не понимая, шутит тот или говорит серьезно.

– Вот ты смотришь на меня и не веришь. А дело было так... – Павел склонился над столом и пригласил Томаса и Катю подвинуться поближе, демонстрируя этим, что разговор не для посторонних ушей. – Приехал я недавно к зна-

комому в Германию немецкого пива выпить и мир посмотреть. То, да се, городок небольшой. Я спрашиваю: «Не скучно ли тебе здесь?» Развлечений никаких. Клуба знакомств нет. Все по домам сидят. Приятель обиделся: «Пойдем я тебе клуб знакомств покажу». Привел меня в обычный бургерский публичный дом.

Катя посмотрела на Томаса, взглядом спрашивая, «а прилично то, что он сейчас рассказывает?» Она, как любая женщина, презирала женщин оказывающих платные сексуальные услуги. Конечно, она не считала их конкурентками, но ее раздражала возможность любого мужчины получить секс без особого труда.

– Германия – хорошая страна, – продолжал Павел. – Отличное пиво и легальные публичные дома – немецкая формула счастья. Но что немцу хорошо, то русскому не по карману. Цены как будто там не проститутки из слаборазвитых стран, а призеры конкурса «Мисс Вселенная». Приятель оправдывается: у них профсоюз, налоги, страховка, пенсионный фонд, поэтому и дорого. Я предлагаю: «Пойдем искать не охваченных социальными обязанностями вольных жриц любви. Где у вас дорога в аэропорт? Вдоль нее обычно они и организуют свои рабочие места». Он горячится, будто долю получает, если кого привел. «У нас такого нет. Все только под контролем правительства, профсоюзов и лично фрау Меркель». В общем, пошли мы искать. И через тридцать минут вижу: стоит молоденькая стройненькая смазли-

вая мулатка в красной юбке и черных чулках.

Павел откинулся на стуле, глубоко вздохнул, чтобы передохнуть и махнул рукой, делая знак не прерывать, потому что самое интересное впереди.

– Я к ней: «Привет, милая. Хау мач?» Она мне: «Сто за ночь, но деньги вперед». Какой базар! Получите! И тут менты местные на машине с сиреной и мигалкой. «Стой» кричат, «ханде хох». Короче, привезли нас в кутузку. Оказывается, мы шли-шли и оказались уже не в старой доброй Германии, а в вечно революционной Франции.

– И что из этого? – Томас улыбался, хорошо зная старого приятеля.

– А то, что немцу хорошо, у французов вне закона. У них покупка секс услуг – это преступление. А преступник – покупатель. Короче, это была полицейская подстава. А мулатка – это приманка в двойном, нет, в тройном смысле.

– Это как в тройном смысле? – удивленно спросила Катя.

– То, что из обездоленных слоев общества и из многолетней семьи – раз. То, что она африканка из нищего Алжира – два, – Паша нагнулся, театрально огляделся и прошептал: – И то, что трансвестит – это три. За попытку купить такую жертву несправедливого общества можно получить реальный срок.

– Ничего себе! Вот тебе и свободная Франция. А как же Монмартр и площадь Пигаль? Чем же кончилось? – спросил Томас.

– Все как всегда: пришлось раскошелиться на пятьсот евро.

– А они что, там тоже взятки берут? – удивилась Катя.

– Берут?! – Паша рассмеялся. – За эти деньги они предложили сами отвезти нас в хороший отель с этой мулаткой. Но я по трансам не ходок. Да и настроения уже не было. Так что надо Родину любить. А не шляться по Европам.

– А я в Европе не была, – грустно вздохнула Катя. – Я вообще за границей не была. А Родина, судя по запаху вокруг, нас не всегда любит.

– А она не должна никого любить. Родина – это что? Территория земли, огороженная государственными границами и населенная людьми. И от того, хорошо жить или нет на этой территории, зависит от этих самых людей, то есть от нас с вами. А территория у нас замечательная и очень богатая. А свалки на ней будут или парки – это все в наших руках.

– Но можно же эту свалку куда-нибудь в другое место перенести, – предположила Катя.

– Вы думаете, в другом месте ей будут очень рады?

Официантка принесла Павлу на большой тарелке сочную отбивную с торчащей из нее косточкой, гарнир из жареной картошки фри и кружку светлого пива. Он сделал большой глоток и начал с плотоядным блеском в глазах резать мясо.

Глядя на то, как Паша с наслаждением смакует отрезанные кусочки, Катя поняла, что ужасно голодна. Она бы с удовольствием тоже перекусила, но денег у нее почти не было,

а просить Томаса ей уже было неудобно. Чтобы отвлечься от голода и от еды, она стала смотреть на то, что делается у сцены, как вдруг увидела ту самую девушку из красного автомобиля у дома Родиона. Девушка, стояла в кругу людей и отдавала какие-то распоряжения. Будто почувствовав на себе чей-то взгляд, она повернулась и посмотрела в их сторону и неожиданно, оставив своих коллег, пошла к ним. Катя растерялась. Но Лиза шла не к Кате. Она увидела Томаса, которого немного знала, как друга Родиона и решила с ним поздороваться, надеясь узнать, кто у него мог быть утром.

Лиза готовилась к выступлению и была одета очень элегантно. Кремовая узкая юбка, подчеркивающая ее точеные бедра, белая блузка с расстегнутыми верхними пуговицами, кремовый пиджак, белые лодочки на высоком каблуке, аккуратно уложенные рыжие волосы – все это великолепно сочеталось с ее непринужденной уверенностью. Катя, в обычных синих джинсах и незатейливой черной футболке, почувствовала себя неуютно.

– Томас, привет! Можно к вам? – подошедшая к столику Лиза улыбалась всем одновременно.

Павел вскочил и схватился за спинку свободного стула.

– Вот это праздник сегодня! Я когда-нибудь об этом дне буду рассказывать своим детям, как только они родятся, а они мне не будут верить. Может быть, мы им тогда вместе будет рассказывать? – он болтал без остановки, буквально

пожирая Лизу глазами. – Как же хорошо, что я не успел жениться на милой официантке пятнадцать минут назад. Видите, у Томаса уже все наладилось, – он шутливо кивнул в сторону Кати, – а я одинокий мечтатель безнадежно в вас влюбленный. Вы верите в любовь с первого взгляда?

Лиза снисходительно улыбалась, слушая его сомнительные любезности. Как только Павел на секунду замолк, спросила у Томаса:

– А где же Родион? Он обещал мне приехать и помочь?

Томас, еще не пришедший в себя после того как узнал, что его подруга ушла к его лучшему другу, подумал: «Интересно, как будут себя чувствовать эти две девушки, обе подруги Родиона, если узнают об этом? Может, стоит их просветить?» От такой мысли ему стало весело.

– Я не знаю. Весь, наверное, в делах заботах. Собирается, видимо. Мне он говорил, что сегодня-завтра улетает, – ответил Томас. И чтобы перевести разговор с этой темы спросил:

– А что у вас здесь намечается?

– Ну ты же чувствуешь запах свалки. Будем с этим серьезно бороться, – ответила Лиза.

– Очень уж грандиозный масштаб мероприятия, – удивился Томас.

– Вам не угодишь! То обижаетесь, что никто не обращает внимания на то, как вы здесь задыхаетесь, то удивляетесь масштабу, – Лиза встала. – Я должна работать. Мне надо идти и вас я оставляю.

Она пошла обратно к сцене походкой профессиональной манекенщицы, зная, что все сейчас на нее смотрят. Павел даже не нашел что сказать, только печально смотрел вслед. А Катя решила, что утром Лиза могла видеть ее у подъезда и сейчас специально подошла, чтобы рассмотреть поближе. Ей пришло в голову, что если Томас прав и Родион все-таки уедет, то может получиться так, что она погналась за двумя зайцами.

– Вот за таким восхитительным политиком я готов проследовать куда угодно, – мечтательно сказал Павел.

– Даже если он поведет куда-нибудь не туда? – спросила, немного уязвленная Катя.

– Все политики ведут «куда-нибудь не туда», но с некоторыми хотя бы приятно немного поблудить, – все еще глядя на уходящую Лизу, ответил Павел.

– Ну а потом? Когда обнаружится, что эта дорога не твоя, – поинтересовался Томас.

Павел повернулся к столу и опять принялся за свое мясо. Отрезав большой кусок, он проткнул его вилкой, обмакнул в соус на краю тарелки и поднес ко рту. Потом вдруг остановился, будто что-то вспомнив, сделал глоток пива и решил ответить:

– Понимаешь, Томас, я же летчик... Перелетная птица... Если мне где-то холодно, я лечу туда, где теплее. Мне что в «Аэрофлоте» на «боинге» летать, что в «Люфтганзе» на нем же. Что блондинка, что брюнетка... Если сильно нако-

счит, я на крыло и вперед...

– А не обидно? Все-таки твоя родина здесь. А здесь... – Томас не договорил, а просто показал рукой на сцену.

В этот момент на сцене какой-то молодой человек с горящими глазами убеждал, что если есть в стране какая-то партия – есть Россия, нет этой партии – не и будет России. И поэтому каждый должен быть готов, переходя на фальцет, кричал он в микрофон, жизнь отдать за эту партию и за Родину.

– Обидно? – Павел положил обратно на тарелку вилку с насаженным куском. – Понимаешь, Томас, совесть она или есть, или нет. Это сиськи пришить можно, а совесть... Поэтому пусть каждый сам отвечает за свои дела. Не мое дело их судить. Мне бы со своими грехами разобраться.

– Но ведь лож убивает все... – Томас вспомнил о Родине. Он боялся и не хотел думать и оценивать его поступки сейчас: до того, как поговорит с ним. – Даже если ее только капля, она способна убить все хорошее, что было до этого. Одна лож неизбежно рождает следующую. И в итоге разрастается как снежный ком...

– Ты как был максималистом, так и остался... Ложь такая же неотъемлемая часть природы человека как, к примеру, сострадание или воображение, – Павел с улыбкой покачал головой. – Мне абсолютно неважно, какими способами достигнуто спокойствие в стране. Ну и что, что кому-то дали немного денег, чтобы он веселил людей. Мне неважно, сколько получают депутаты, из которых один глупее другого

и меня не волнует, кто их туда назначил. Это не наше дело. Ты же когда ешь колбасу, не задумываешься как и из чего она сделана.

После выпитого пива у Павла было хорошее настроение. К тому же хотелось произвести впечатление на Катю.

– Если ты, отрезая кусок колбасы на бутерброд, будешь думать о маленьком теленке, который на тонких ножках весело скачет вокруг мамы на зеленой солнечной лужайке, а потом о бойне, залитой кровью...

– Ой, хватит, – попросила Катя.

– А после бойни об огромных немывтых мясорубках с крысами, тоннах искусственных жиров и химический красителей, – не останавливался Павел.

– Я сейчас стану веганом... – взмолилась Катя.

– Поэтому верх цинизма обвинять правительство в не самых благородных методах, когда речь идет о судьбе миллионов, – Павел опять вернулся к своему куску мяса. – Что там Федор Сергеевич писал про слезинку одного ребенка? А чтобы миллионы детей нашей страны жили счастливо, я прошу правительству все что угодно. Потому что самое ценное – это твоя жизнь и именно сейчас, а не завтра, как обещали коммунисты и не после смерти, как попы обещают.

– Это если оно думает, как сделать твою жизнь лучше. А если его задача просто наворовать денег и свинтить за границу?

– Это конечно очень печально, но с этим я сделать ни-

чего не смогу. Это как пытаться остановить снег зимой. Если он решил выпасть... – Павел покрутил вилкой над головой, – его не остановишь. Остается ехать за ними следом. – сказал Павел, разжевывая очередной кусок. – С моей специальностью я найду работу в любой стране. Сейчас у родного правительства есть преимущество, солидная фора. Я – русский, точнее почти русский, – Павел с улыбкой погладил свои жесткие черные волосы, – и мне, конечно, хотелось бы жить здесь, среди знакомых и друзей. Рядом с любимыми родителями. Но если условия станут совсем паршивые... Я уеду.

– А родители? – спросила Катя.

– Родители вряд ли поедут со мной, – Павел стал серьезным. – Здесь их мир. Они не смогут перестроиться. Они и здесь-то сейчас совершенно беспомощные, любой обидеть может. Для меня это неразрешимая проблема. Оставить их здесь одних – это как отнести умирать куда-то в заснеженные горы. Помнишь «Легенду о Нараяме»? Тем более гора-свалка у нас здесь уже есть.

Катя подумала о матери. «Хорошо, что она пока здоровая. А если, не дай бог, что случится. Кто о ней позаботится? Родион совсем не похож на семьянина». Катя посмотрела на Томаса. «Наверное, с ним такой проблемы бы не было. Так почему тогда выбрала другого? – Катя внутренне улыбнулась сама себе. – Потому что с Томасом хорошо жить, а с Родионом хорошо мечтать. Значит такой у тебя характер, что луч-

ше журавль в небе, чем синица в руках».

– Один молодой человек, сосед моей мамы, в прошлом году в день своего восемнадцатилетия отнес дедушку и бабушку в лес. Ему за это дали двенадцать лет.

– Многовато что-то, – прикинул Павел. – Это за что?

– А я боюсь что мало. Перед тем как отнести, он их убил, чтобы забрать пенсии. Потом сходил купил водки, выпил, разрубил на части и только потом отнес, – пояснила Катя.

– Ужас какой! – одновременно сказали Павел и Томас.

– Когда он выйдет, ему будет всего 30 лет, а за его забором из старого штакетника живет моя мама...

– Твоей маме надо куда-то уезжать, – заключил Павел.

– Ее весь дом с участком стоит как туалет здесь в Некрасовке. Никуда ты оттуда не уедешь. У нас давно уже скрытое крепостное право. Где родился, тому и принадлежишь. И губернатор с мэром свою власть по наследству детям передают. И прокуроры, судьи и все другие точно так же. Так что если Павел, думаете уезжать, делайте это быстрее. Как бы скоро не пришлось делать по два раза «Ку» перед начальниками.

– Кин-дза-дза, – Павел растерялся и смотрел на Катю с удивлением. – Вот тебе и родина... Там еще колокольчики на нос вешали. Я надеюсь до этого не дойдет. Да и такие режимы долго не живут: народ уже не такой, – сказал он неуверенно.

– И что ты на это скажешь? – тоже немного удивленный Катиным высказыванием спросил Томас. – Только да-

вай конкретнее...

– Что ты хочешь услышать? – перебил Томаса ставший серьезным Павел. – Возьму ли я вилы и пойду жечь усадьбы жуликов на Рублевке или уеду туда, где лучше кормят? Я же знаю, чем все это обычно кончается: выгонишь одного говоруна, придет следующий и опять начнет карманы набивать, во всем обвиняя предыдущего. Не знаю, Томас. Если станет очень обидно... Не знаю... Честно. А ты? Ты-то сам, что будешь делать?

– За вилы я точно не возьмусь, я вообще толстовец, ты же знаешь, – отшутился Томас. – Занимайтесь любовью, а не войной.

– И я о том же, – подхватил Павел, – свобода в том и заключается, что у них есть возможность тебя грабить, а у тебя засунуть им вилы под ребра...

Катя, которая слова Павла про сделку с совестью примерила на себя, чтобы опять не начать болезненный самоанализ, наконец-то решилась:

– А сегодня джентльмены будут только рассуждать или кто-то угостит даму чем-то посущественнее разговоров?

Глава 32

До центра Некрасовки на такси у Родиона доехать не получилось: дорогу перекрыли, и автомобили не пускали. Поэтому ему пришлось пешком целый час добираться до того места, откуда доносилась громкая музыка. Родион еще из ма-

шины позвонил Лизе, которая рассказала где ее искать и добавила, что видела его приятеля Томаса с симпатичной девушкой. «Вот и замечательно, – решил Родион, – сразу со всеми там и поговорю».

Ветра не было и разогретый ярким солнцем и отравленный горячей свалкой ядовитый воздух, сжатый со всех сторон высотными домами, казалось, мог вспыхнуть от зажженной спички как газ из конфорки на кухонной плите. По настроению и разговорам людей, рядом с которыми Родион шел в сторону сцены, было непонятно на митинг они идут или на праздник. Несмотря на вонь, явно вредную для здоровья, люди направлялись к сцене целыми семьями и с детьми, сажая уставших отпрысков на плечи. Скорее всего, большинство из них были приезжие, которых обманули застройщики, пообещав чистый тихий район. А сейчас, к отвратительной экологии, прибавилась горящая свалка. «Не у всех есть такая возможность как у тебя: бросить все и умчатся на край света».

Со стороны площади к сцене было уже не пробраться. Родион свернул во двор между двумя длинными домами, через него попал на соседнюю улицу, по ней через школу, детскую площадку и небольшой уличный рынок, вышел прямо к сцене. И тут же столкнулся с Лизой. Она стояла рядом с телевизионными фургонами под тентом, очень серьезная, что-то быстро листая в смартфоне. Вокруг бегали техники, курили музыканты, ожидая своей очереди, а несколько человек,

сдвинув два стола и разложив на них еду и напитки, устроили небольшой банкет. Было шумно от тех, кто выступал на сцене и от толпы, в которой постоянно кто-то свистел, кричал, взрывал петарды.

Заметив Родиона, Лиза обрадовалась и вместо приветствия, как ни в чем не бывало, обняла его за шею и поцеловала в щеку. Потом, не снимая рук с плеч, заглянула ему в глаза и, улыбаясь, произнесла:

– Ну что, Дон Жуан, нагулялся? А где камера?

– Тут без меня много тех, кто с камерами, – Родион кивнул головой в сторону телевизионных бригад. – Я собственно приехал попрощаться. Уезжаю, как только будут билеты.

– И меня бросаешь и ту милую девушку, которая с Томасом сейчас в кафе сидит? – с иронией спросила Лиза.

В этот момент к ним подошла постриженная почти наголо экстравагантная девушка с круглыми зелеными очками на кончике носа. Родион даже сразу не понял, что рисунки на ее руках от кистей до плеч и на шее это не какая-то оригинальная блузка, а настоящие татуировки.

– Лизушка, милая моя, можно я пораньше выступлю, а то я везде сегодня опаздываю. Мне еще надо и к Мише на телевидение успеть, и на Старую площадь заехать к Сергею Владимировичу, – спросила девушка, приветствуя Лизу лишь обозначенным трехкратным поцелуем.

– Да, Саша, конечно, – пообещала Лиза. – Может, ты бы на плечи что-нибудь накинула, чтобы людей не шокировать.

– Пусть любят. У меня в инстаграмме есть и не такие фоточки. И никто еще не жаловался. Имидж – твоя вторая кожа и защита от назойливых идиотов. За ним я, как за стеной. А кто этот красавчик с такими чувственными губами?

Татуированная девушка повернулась к Родиону и внимательно осмотрела его снизу вверх.

– На чужой каравай, рот не разевай, – рассмеявшись, обрезала ее Лиза. – У тебя своих женихов хватает.

– А я бы для него и рот разинула, и ноги раздвинула, – засмеялась девушка. – Да и ты сама мне очень нравишься... Так что надо как-нибудь нам троим встретиться в узком кругу.

Девушка отошла, игриво изобразив на лице что-то похожее на сексуальное томление.

– Что здесь делает эта сумасшедшая наркоманка? – удивился Родион.

– Вообще-то, она сначала потомственная аристократка и звезда инстаграма с миллионами подписчиков, а потом, может быть, немного наркоманка.

Лиза смотрела ей вслед то ли с завистью, то ли с уважением.

– Она что, выступать будет? У вас кажется протестное мероприятие. Что люди подумают?

– Когда у тебя миллионы подписчиков – ты сам рассказываешь им как надо думать.

В это время Саша легко вспорхнула по лестнице на сце-

ну, подошла к микрофону и победно подняла руки вверх. По поднявшемуся невероятному шуму стало понятно, что здесь много ее поклонников.

– Видишь, какая популярность, – в подтверждение своих слов сказала Лиза.

– Актеры с «порнохаба» тоже популярны в определенных кругах, – усмехнулся Родион.

– Я мало знаю про «порнохаб». Но знаю: у Саши папа лауреат Ленинской премии, бабушка двух Сталинских, прабабушка была фрейлиной Александры Федоровны. И сама она прекрасно образована. С ней даже в Администрации Президента советуются. И главное, она отлично знает, что она хочет от жизни и всегда этого добивается.

– Да чего она может добиться?

Родион прекрасно знал легендарных предков этой девушки. Ее отец когда-то снял трилогию по брежневским мемуарам, за что и получил премию. Сейчас он депутат Государственной Думы и ректор института, который окончил Родион. А дед две сталинские премии получил за цикл фильмов о вожде народов. Сейчас весь этот бездарный восхваляющий вождей хлам давно забыт, но громкое имя и место у кормушки осталось.

– Чего угодно. Если она завтра захочет снять фильм, то она это сделает, а послезавтра получит приз в Каннах. А о тебе, будь ты таким же талантливым как Феллини или Тарковский, никто никогда не узнает, если люди ее кру-

га этого не захотят. Это ни какая-нибудь силиконовая со-
держанка зажавшегося депутата с синдромом Альцгейме-
ра или шестая жена известного футболиста. Это настоящая
элита.

– Ты так говоришь, как будто это какие-то инопланетяне
среди нас. Обычные люди, такие же, как все, – ответил Ро-
дион, а про себя подумал: «Интересно, что бы вы обе дела-
ли без родителей, которые оплатили ваше заграничное обу-
чение и пристроили в теплые места».

Лиза посмотрела на Родиона долгим взглядом, как мать
смотрит на ребенка, оценивая, стоит ли ему все говорить
уже сейчас, или подождать еще пару лет. Потом отвернулась
к сцене, где еще выступала ее подруга, и сказала:

– В любой стране много столетий живут рядом, но в как бы
разных измерениях те, кто принимает решения за всю стра-
ну на десятилетия вперед и те, кто не способен спланировать
свою жизнь на неделю или две... Понятно, что те, кто со сво-
ей жизнью разобраться не могут, никогда об этом не дога-
даются... Даже если им рассказать, что сценарий их жизни
давно написан – не поверят.

Лиза опять повернулась к Родиону, явно давая понять, что
последняя фраза относится к нему.

– Я могу спланировать больше чем на две недели, – сказал
Родион и улыбнулся. Сам он себя относил к какой-то тре-
тьей, обособленной группе.

Лиза обошла Родиона вокруг, внимательно осматривая,

как пять минут назад это сделала Саша.

– А может, тебе только кажется, что можешь? – Лиза встала вплотную и опять положила руки ему на плечи. – Или ты тогда на крыше во время секса со мной уже планировал вечером затащить в кровать какую-то деревенскую дурочку?

Родион не ожидал такого резкого перехода и растерялся.

– Я это вообще не планировал... Почему деревенскую?

– Ты уж извини, я не удержалась сегодня и подошла посмотреть на нее поближе. Вон они с Томасом сидят, – Лиза показала рукой в сторону кафе, но сейчас за толпой их видно не было. – Я еще утром поняла, что она именно от тебя выскочила из подъезда. Но утром я к ней не очень присматривалась.

– Лиза, я хотел тебе сказать... – Родион, вообще-то, не знал, что он хотел ей сказать и поэтому мялся как школьник, не выучивший урок.

– Да я и так все поняла. Миленькая девушка. Только зачем она тебе?

– В каком смысле?

– Такие девушки отличаются от пресловутой самки богомола тем, что та сразу сжирает самца, а эти хотят растянуть обед на всю жизнь.

Закончившая выступать Лизина знакомая пробежала мимо, лишь махнув рукой и крикнув:

– Ребята! Секс лучшее лекарство, заезжайте вечером, я вся ваша...

– Ну, родит она тебе двух карапузов, – продолжила Лиза. – Поначалу она будет гордиться, что она мать и живет для детей. Но это ей быстро наскучит, а так как делать она ничего не умеет, а главное, по-настоящему, и не хочет, то сначала будет трахать тебе мозги, а потом найдет любовника и будет трахаться с ним. Ты все это будешь видеть, но молчать. Потому что дети... Настоящее кино, естественно, забросишь. По выходным будешь пить водку с Томасом.

– С Томасом, наверное, не получится пить водку. А остальное... – Родион вспомнил, что утром сам думал обо всем этом.

– Почему не получится? – прервала его Лиза, – Томас вроде еще не закодировался.

– Потому что вчера это еще была его девушка.

Лиза удивленно посмотрела на него и рассмеялась.

– То есть ты серьезно поменял меня на девушку, которая в твою койку запрыгнула прямо из постели лучшего друга?! И после этого ты говоришь, что можешь что-то планировать?

– Ты так это говоришь, как будто сама никогда не делала ничего подобного, – неожиданно для себя вдруг обиделся Родион, прекрасно понимая, что возразить ему не чем.

– В общем-то, нет, – ответила Лиза. – И не надо нас сравнивать. У меня все есть – мне от тебя ничего не надо. А ей в свою тьму-таракань возвращаться совсем не хочется.

– Послушай, но ты-то откуда все это знаешь? – огрызнулся Родион.

– Моя мама из деревни приехала, точнее из Касимова – маленького провинциального городка в Рязанской области. Также окрутила выгодного мужика москвича, моего папу. А когда ей надоело со мной нянчиться, отправила меня в Италию в пансион учиться. Хорошо, что не к бабке в Касимов. А сама...

– А почему ты думаешь, она работать не будет? – пытался защитить Катю Родион.

– А сейчас где работает?

– Сейчас учится.

– А живет на что? Москва – город дорогой, – Лиза немного помолчала, раздумывая, и продолжила. – К окончанию института у некоторых студенток не один полк папиков в активе. Самой себя оправдать очень легко: «Искала свою половинку». С виду они высокомерные и неприступные. Рычат и гавкают, как дворовые собаки. А стоит унюхать кусок колбаски, и их показная агрессия легко сменяется желанием упасть на спинку и сдаться, – Лиза удовлетворенно вздохнула и подошла к сцене. Она высказала что хотела и была довольна собой. Выступал какой-то казак, выкрикивая что-то про царя-батюшку и великую Русь. Лиза вернулась к Родиону и уже очень мягко сказала:

– Есть женщины, которые, как путеводная звезда помогают в дороге, а есть такие, от которых сходят с ума все твои навигационные приборы и ты попадаешь в тухлое болото из которого уже не выбраться.

Родион долго молчал и смотрел на казака, который все кричал со сцены, угрожая кому-то зажатой в поднятой руке нагайкой. «Они там, наверное, уже забыли силу русского солдата. Но, если, надо мы можем им напомнить и повторить!» – предупредил он невидимого врага.

– Что такое «плохо», ты мне объяснила. А что же тогда «хорошо»? – спросил Родион.

– Ты о чем? – не поняла его Лиза.

– Ну, если семья – это плохо, дети – плохо, то что же тогда хорошо?

– Я не говорила, что семья – это плохо. Хотя уверена, что рождаемость нужно контролировать. В мире и так уже полно никому не нужных, бесполезных и поэтому опасных для себя и для окружающих людей. Но я сейчас не об этом, – Лиза зацепила указательным пальцем Родиона за ремень и подтянула к себе. – Я говорила о том, что главное в жизни уметь правильно выбирать приоритеты.

– Ты и, правда, думаешь, что мы что-то выбираем?

В эту минуту Лизу позвали.

– Я уверена, что человек и отличается от животных тем, что может сам выбирать свой путь и свое будущее, – ответила Лиза. – А не болтается как говно в проруби. Извини, мне надо работать. Сам видишь.

Лиза поцеловала его в щеку и пошла в трейлер, где был штаб. А Родион, постояв в нерешительности пару минут, решил, что надо разыскать Томаса и Катю.

Глава 33

«А вчера вечером все казалось простым и правильным, – пробираясь через толпу, рассуждал Родион. – Лиза, конечно, не из-за женских обид буквально раздавила меня как вонючего клопа. Она права. Что со мной случилось? О чем я думал? Постой-постой... – Родион даже остановился от неожиданного открытия. – Ведь все получилось, как и предупреждала Катя. Чуть она поманила меня сексом, и я как зомби с повышенным слюноотделением и со скрюченными ручками забыл про всех: Томаса, Лизу, даже своих медведей».

Родион так расстроился, что скинул с плеча рюкзак и, что есть силы, швырнул его на асфальт.

– Надеюсь, это не из-за того, чтобы активировать заевший детонатор? – шутливо поинтересовался проходящий мимо сильно выпивший парень. – Если рюкзак лишний, я могу его взять себе.

– Да не... Надеюсь свои мозги активировать, но что-то не очень... – ответил Родион, поднимая рюкзак.

– Если женщины в них забрались, то только ампутация... Как при гангрене, – заметно покачиваясь, дал совет незнакомец.

– Ампутация чего?

– Чего меньше жалко... Я, например, пью в день литр водки. Говоря медицинским языком, совершаю химическую кастрацию.

– Помогло?

Парень поморщился.

– Стоять, вроде, перестал, но мозги еще работают, – ответил он. Потом пробубнил что-то себе под нос и, раскинув руки в стороны как бы играя на невидимой гармошке, пошел в сторону, что-то напевая.

Родион не знал, то ли ему завидовать, то ли сочувствовать этому человеку. Вспомнил, что для себя он выбрал другой способ. «А там может Томас свой вариант предложит... Оторвет мне яйца... Говоря медицинским языком, сделает мне физическую кастрацию». Родион поймал себя на том, что оттягивает встречу. «Но когда вчера пришла Катя, – вспомнил он, – я почему-то же был твердо уверен, что это самое важное события в моей жизни? А сейчас все ускользнуло, как тогда на перевале на Камчатке».

В это время на сцене началось выступление очередного исполнителя. Люди зашумели, засвистели, захлопали.

В современном бизнесе от искусства самые востребованные ниши были давно заняты. Десятки потрепанных жизнью мачо греют мечтой о поздней любви сердца одиноких провинциальных бухгалтеров и учителей. Колесят по стране брюнетно-блондиночно-рыжие девичьи трио, пытаясь максимально удовлетворить воображение похотливых старшеклассников и старых импотентов. Из последних сил надрываются хриплыми голосами для водителей маршруток обрюзгшие шансонье, оседлавшие тему блатной романтики.

Чуть в сторонке от них, для оставшихся у обочины жизни бывших инженеров и гуманитариев, всегда готовы залабать, с трудом выжившие в перестройку, рокеры и барды с грустными лицами Пьеро и поп-кумиры вчерашних дней.

В этих сложных для этого бизнеса условиях, те, кто придумал заработать на образе простоватого алкоголика Вани-дурачка, исполняющего дворовый рок, попали в точку. Для этого шоу-проекта им и делать ничего не пришлось, ведь подходящего материала было более чем достаточно. А образ оказался хорошо востребованным у продающих китайские чайники и пылесосы менеджеров. В попытке забыть о бессмысленности своего существования, они под матерные рефрены его песен с пятницы по понедельник примеряли на себя выцветшую майку алкоголичку и вспоминали родной двор в далеком провинциальном городке, где оставшиеся дома одноклассники пили водку на детских площадках.

Из-за показной аполитичности Штиблет, так звали сутулого плешивого исполнителя с пустыми глазами, стали часто приглашать на мероприятия, организованные властью. Ему без разницы – деньги не пахнут, а власть прятала свои уши. И все бы прошло как обычно, если бы кто-то неделю назад не решил сделать из Штиблета депутата Госдумы. Да к тому же не обычного, а в образе создателя и руководителя собственной партии, ориентированной на уже готовый контингент.

Что стало причиной инцидента: жадность, глупость или

несогласованность, осталось неясным. Началось с того, что после пары песен Штиблет неожиданно заявил:

– Мне тут поручено передать, что мои большие друзья из «Фонда Экология Счастья» готовы не просто, так сказать, поболтать языком, – Штиблет, согласно сценическому образу, вел себя на сцене как уличный гопник с претензиями, – не просто баланду травить, а компенсировать деньгами полученные вами неудобства...

Услышав о деньгах, люди притихли, и лица их стали серьезными. К появившейся возможности перехватить денег, люди из любой страны всегда относятся очень серьезно. Решив, что деньги могут начать раздавать прямо сейчас со сцены, те, кто стоял далеко, начали пытаться протиснуться поближе. Началась давка.

Невысокая полная девушка с фиолетовыми волосами и детской коляской, до этого лениво потягивающая алкогольный коктейль и одновременно пытающаяся сделать селфи на фоне Штиблета, быстро опорожнила банку, бросила ее на асфальт и, используя коляску как таран, двинулась вперед. Но такие приемы в данной ситуации, естественно, не работают. Несколько раз ткнув коляской в ноги стоявшего перед ней мужчину, и видя что он не отходит, она визгливым отрывистым голосом приказала:

– Освободите проход! Не видите – у меня коляска с ребенком!

Мужчина медленно повернул к ней голову и процедил

сквозь зубы:

– С детьми надо дома сидеть. А приперлась, стой ровно, – после этого он повернулся обратно к сцене, показав, тем самым, что разговор окончен.

Дама, не желая так легко сдаваться, решила задействовать мужа, который стоял рядом с самодельным плакатом «Мы хотим дышать».

– Антон, ты что, не видишь, как разговаривают с твоей женой? Разберись! – приказным тоном объявила она, будто была уверена, что Антон в это же мгновение набросится на ее обидчика.

Но муж, давно уже понявший, что за «чудо» он получил в нагрузку к пожизненной ипотеке, лишь пожал плечами и продолжил наблюдать за событиями на сцене.

В это время кто-то из толпы решил уточнить и крикнул:

– А подробнее? Кому деньги дадут? Когда? И сколько?

– Уверен: все останутся довольны, – прохрипел со сцены Штиблет. – Да разве нам много надо? Водки глотнуть, да бабе задуть, – решил пошутить он.

Но в России с деньгами шутить не любят.

– Ты давай с темы не слезай! – закричали отовсюду. – За базар надо отвечать!

Лиза, только сейчас вышедшая из трейлера, где перечитывала заготовку своей речи, не видела и не слышала начала назревающего скандала, поэтому поинтересовалась у помощника:

– Что там происходит?

– Штиблет пообещал людям денег.

– Какие деньги? Он что, идиот? Кто его уполномочил? –

Лиза от неожиданности так разозлилась, что хотела заскочить на сцену и пинками согнать его оттуда. – Может микрофон отключить? – предложила она.

– Поздно, – ответил помощник, – люди жаждут денег. Если мы сейчас его уберем, то спросят уже с нас.

– Зачем он это сделал? Что за щедрость! Он специально это сделал?

– Думаю, нет. Просто хотел попиариться по-легкому... а с мозгами проблемы. Он же в Думу собрался.

– Неужели там спортсменов не хватает? Еще и гопников хотят запихнуть.

– Должен же кто-то их представлять там их интересы, – ухмыльнулся помощник.

– Да там большинство и так уже их представители.

Лиза подошла к сцене, чтобы показать актеру, что ему нужно как можно быстрее убраться.

– Что с деньгами? Где этот фонд? Сколько денег на семью? – неслись вопросы со всех сторон.

– Да я, ребят, не знаю точно... Тысяч по пять может дадут, – растерянно отвечал смутившийся исполнитель.

Ситуация накалилась и могла бы кончиться большими неприятностями, если бы в этот момент не случилось одно непредвиденное событие. Кому-то в толпе надоело пачкаю-

щее пальцы растаявшее на жаре мороженное и чтобы от него избавиться, а заодно показать свое отношение к происходящему, человек бросил его в сторону сцены. Белый снаряд, описав в воздухе красивую дугу, глухо плюхнулся прямо на макушку Штиблету. Это и спасло ситуацию. Хохот и свист заполнили площадь.

Люди могут злиться на кого-то серьезного, но обижаться на юродивых шутов, а тем более воспринимать их всерьез, в России не принято. Поэтому все отнеслись к словам сбежавшего музыканта лишь как к глупой шутке.

Конфликта удалось избежать. Режиссеры быстро включили фонограмму с патриотическими песнями. Постоянные участники всех митингов, активисты из КПРФ, притащили откуда-то виселицу с повешенным толстым тряпичным буржум с черным котелком на голове. Рядом предлагали сделать совместное фото люди, загримированные под Ленина и Сталина. В сторонке, с десятком радужных флагов, курили представители меньшинств.

Родион уже видел сидящих недалеко от него за столиком Катю и Томаса, но еще не мог к ним пробраться через плотную толпу людей.

В это момент на сцену поднялась Лиза.

Глава 34

Томас не умел долго злиться на людей. Горячая испанская кровь была уже сильно разбавлена. Ее хватало лишь

на короткие, правда, очень яркие вспышки запальчивости, как и произошло вчера с казаками. А после этого Томас начинал корить себя. Он находил для пострадавших десятки оправданий. Повод, из-за которого он вспылел, потом казался совершенно пустяковым. Ему становилось стыдно перед теперь уже незаслуженно обиженными людьми. В душе на несколько дней поселялось неприятное чувство досады и недовольства собой. Конечно, если бы Родион попался ему под руку сразу, то, скорее всего, кончилось бы неприятной дракой. Но сейчас Томас уже начал как обычно копаться в себе и искать оправдание.

Он смотрел на Катю, разговаривающую с Павлом, и ему было ясно, что у этой красивой, умной девушки были причины выбрать Родиона, а не его. Что он мог ей предложить? У него даже жилья своего нет – все еще живет с родителями. Предлагали два года назад поработать в Мюнхене в Пинакотеке. Можно было неплохо заработать. Почему не поехал? Тогда он вспомнил своего прадеда, погибшего в 1941 году в боях под Москвой. Тот жег немецкие танки, чтобы Томас мог счастливо жить в Советском Союзе. Союза нет, а правнук едет в Мюнхен гастарбайтером. Понятно, что все не так просто. Но он так и не решился.

«Тогда не ной – это твой выбор, а любой выбор имеет последствия. Для тебя последствия – это вечное безденежье. Так что Катя сделала все правильно. А ты можешь и дальше спокойно сидеть в своем подвальчике, занимаясь любимым

делом». Найти оправдание для Кати было легко, но объяснить поступок своего друга он не мог.

С Родионом он познакомился еще в школе в пятом классе. Родителям Томаса удалось перевести сына из Некрасовки в хорошую школу с углубленным изучением изобразительного искусства в центре Москвы. Вместе с обычными предметами здесь изучали рисунок, композицию, историю искусства. Естественно, школа была престижной, и устроить сюда детей хотели многие родители. Родион учился в ней с первого класса, так как школа фактически располагалась в его доме.

Проблемы у Томаса начались с первого дня. В классе верховодил сынок какого-то местного бандита Гера Рябов. Маленького роста, злобный и завистливый, он постоянно пытался показать всем окружающим свое превосходство. Он не мог продемонстрировать свое преимущество в знаниях или в художественных способностях. Даже физкультура давалась ему тяжело. Но у него не было равных в способности безнаказанно унижить любого из одноклассников.

Собрав вокруг себя несколько слабохарактерных недалеких ребят, он, прикрываясь отцом, постоянно вынашивал планы каких-нибудь гадостей. Когда в классе появился Томас – высокой, независимый, с длинными черными волосами, Гера возненавидел его с первого дня. И сразу решил показать: кто есть кто. Во время урока физкультуры, когда все были в спортзале, он вернулся в раздевалку и помочился в

ботинки Томаса. Потом, еле дождавшись, когда тот заметит случившееся, нагло процедил сквозь зубы:

– Ну, что фраерок, теперь ты опущенный, – и захрюкал от восторга противным смехом.

– Это ты сделал? – спокойно спросил Томас.

– А хоть бы и я? И что? – Гера сидел на скамейке, презрительно глядя на Томаса и подмигивая своим приятелям.

Томас аккуратно взял за мысок свой ботинок и с размаху ударил им по щеке своего обидчика. От неожиданности хулиган с грохотом завалился на спину, а из-за скамейки торчали только его босые ноги с грязными пятками.

Через минуту вся свора налетела на Томаса. И от того, что Родион, который еще толком не был знаком с Томасом, бросился на защиту нового одноклассника, ситуация не сильно изменилась. Двое против шестерых. Так прошли почти полгода. Они дрались почти каждый день по поводу и без повода.

Учителя все знали и видели, но боялись этого пацана больше, чем одноклассники. И не столько из-за отца-бандита, а больше и-за его сумасшедшей мамочки. Та среди урока могла ворваться в класс и устроить скандал учителю по поводу плохих оценок ее сынули. Однажды, она пьяная угрожала пистолетом директору школы, который лишь попросил ее не срывать уроки.

Обратиться в милицию тогда не у кого не было даже в мыслях. Скорее всего, Томасу и Родиону пришлось бы

уходить в другую школу, если бы папу школьного хулигана не взорвали прямо в автомобиле. А через пару дней бесследно пропала его матушка. Мальчика взяла к себе бабушка и увезла куда-то за Луховицы.

Глава 35

– Неудобно вчера получилось, – ставя на стол тарелку гречневой каши с молоком, сказала Лена. – Прохор, наверное, обиделся.

– По-твоему, надо было ему спасибо сказать? – Энрике сидел у окна и смотрел, что происходит на площади. Ему тоже было неловко. Все-таки Прохор был гость. Сто лет не виделись. А от того, что он высказал ему все что накипело, ничего уже не изменится.

– Вообще-то, Прохор прав. Сами виноваты. Это мы сейчас, умные все стали, а тогда... – Энрике постучал пальцем себе по виску. – Я же первый на каждый митинг бежал. Вот и добегались. Так что это кара божья.

– Не говори так, – Лена присела за стол с чашкой чая. – Что там на улице?

– Да не пойму я: зачем власти самой такие сборища организовывать? Неспроста это все.

В это время с другой стороны дома во двор въехали три автобуса с сильно тонированными стеклами, из которых вышли люди в казачьей форме. В соседнем дворе из похожих автобусов вывалилась толпа совсем молодых ребят: учащих-

ся соседнего профтехучилища. И те и другие быстро смешались с многотысячной толпой участников митинга.

Три казака оказались почти перед самой сценой.

– В такой толпе лучше на коне, – пожаловался один из них с большим синяком под глазом. – Нагайкой сверху по башке хрясь и готово, – расстроившись, что нет коня, он пренебрежительно посмотрел вокруг. – Похоже, здесь все надолго, а нас даже не покормили.

– Вон, иди, поешь, – обрезал его рассуждения другой, видимо, старший. И кивнул в сторону кафе. – И нам что-нибудь принеси.

Казак с синяком посмотрел на уличные столики кафе и в изумлении крикнул во весь голос:

– Вон этот гад, который нас вчера... – он осторожно дотронулся рукой до больного глаза, – с которым мы вчера подрались.

– Это который вас вчера избил как пацанов? – зло усмехнулся старший. – Пойдем, посмотрим.

Они двинулись в сторону кафе, расталкивая толпу. Вдруг старший схватил за рукав идущего первым казака и приказал:

– Стой! Назад. Быстро.

– Что случилось? Пойдем, разберемся, – не унимался пострадавший.

– Придержи коней, герой! Вы вчера с одним не смогли справиться, а сегодня их трое. Да и не это главное. Пошли

за мной, расскажу.

Старшим в этой троице был Герман Рябов. Тот самый одноклассник Томаса и Родиона, которого после случившегося с его родителями забрала к себе жить бабушка из-под Луховиц.

Поселок Красная горка под Луховицами славился шикарными огурцами и великолепным видом на заливные окские луга. А если забраться на колокольню Троицкой церкви, стоящей на высоком обрывистом холме, то можно увидеть, задумчивую Оку с песчаными плесами на несколько километров, почти до того места, где в нее, сделав несколько крутых изгибов, впадет Осетр. Построенная графом Рудневым рядом с храмом усадьба сейчас почти развалилась. А в начале двадцатого века сюда приезжали студенты Московского училища живописи. Днем они расходились с деревянными мольбертами на пленэры, а вечером на летней веранде над рекой играл духовой оркестр, и были танцы. Влюбленные пары целовались под соловьиные трели, а утром счастливые встречали рассвет. Солнце, поднимаясь из-за далекого леса, сначала разгоняло туман над рекой. Потом, когда последние молочные облака еще метались над водой, солнечные лучи попадали на миллиарды росинок, и вся пойма освещалась волшебным золотым блеском.

Но Герману тогда было не до этой красоты. Теперь он стал изгоем школы. Москвичей не любят нигде. И без бандита-от-

ца и сумасшедшей мамочки бабушкин внучек сразу оказался объектом издевательств. Теперь его били все кто хотел. А когда он перешел в девятый класс его изнасиловали за совхозными гаражами два его одноклассника. Он хотел повеситься, хотел перерезать себе вены, но так и не решился. Единственным плюсом в этой ситуации было то, что став неприкасаемым, он не начал пить и не попробовал наркотики. Никто не хотел с ним связываться. Свободное время он проводил за теми же гаражами, до смерти мучая попавшихся ему собак и кошек. Несколько раз его ловили за этим занятием, сильно били, но через какое-то время, он опять тащил на спине мешок с бившимся в нем от страха беззащитным животным. Все в деревне звали его Живодер и старались не замечать.

Может быть, и забили бы его когда-нибудь до смерти, но спасла армия. Дождливом утром, провожаемый лишь полуслепой бабушкой, он уехал в военкомат. За спиной у него был вещмешок, а в душе мечта отомстить всему миру. Месть стала смыслом его жизни. Десятки вариантов казней он вынашивал в голове, стоя в карауле или начищая чужие сапоги. Когда ему попалась книжка про Ивана Грозного, он решил, что двоих своих главных обидчиков посадит на кол. В книжке было написано, что казненные таким способом могут прожить несколько часов. Герман представлял, как будет сидеть на стульчике напротив, и смотреть на их муки. Об этом он мог думать часами, и все это время на лице у него сияла злорадная ухмылка.

Начать осуществлять свои замыслы сразу после армии он не решился. Сначала устроился на работу водителем к армянам, торговавшим овощами. Старенькая ржавая «Газель» была полностью в его распоряжении. Спившиеся два его бывших одноклассника давно забыли о том, что когда-то сделали. Поэтому не отказались выпить с ним в пустом после смерти бабушки доме. Он еле сдержал желание прямо там раскроить им головы топором, но это бы все испортило. Поэтому, чтобы незаметно выманить их подальше от деревни, Герман предложил им ограбить одну из овощных палаток своих хозяев. Убедить их было легко. Кражу решили совершить ночью через два дня.

Эти дни он ходил в таком сильном возбуждении, что его заметно трясло. Но это не помешало ему хорошо подготовиться. Место казни он выбрал давно – котельную в заброшенном пионерском лагере. Из двух осин сделал крепкие трехметровые колья. Хорошо заточил их и приготовил здоровую кувалду, чтобы забить эти колья в своих обидчиков. Выкопал в котельной две ямки, чтобы потом с помощью веревок опустить туда колы с уже насаженными на них одноклассниками. А чтобы было проще привезти насильников в пионерлагерь, Герман смешал водку с большим количеством клофелина. Эта смесь должна была вырубить их на пару часов. По его расчетам этого времени ему хватит для осуществления своего плана на уже подготовленном для казни месте.

На назначенную встречу в двух километрах от деревни бывшие обидчики пришли уже сильно пьяные. Поэтому не заметили ни трясущихся рук, ни безумных глаз Германа. Его водку выпили за пару минут прямо из горлышка. Вырубались, даже не успев закурить. Он по одному перенес их в кузов. Связал руки и ноги, привязал для надежности между собой. За полчаса доехал до лагеря. То, что он испытывал эти тридцать минут, можно сравнить лишь с влюбленным, который после долго разлуки мчится на свидание к любимой. Он ехал, непрерывно стуча руками по рулю и выкрикивая: «Дождались, суки! Вот сейчас. Еще чуточку. Посмотрим, как вы будете корчиться».

Когда он подъехал к котельной, то даже не смог сразу выйти из машины. Голова начала кружиться с невероятной скоростью. Он испугался, что упадет в обморок. И чтобы успокоиться, просидел в кабине минут десять, слушая, как мощными толчками бьется в грудной клетке его здоровое, полное злобы сердце.

Придя в себя, насколько это было возможно, он вышел, открыл борт и вытянул тела из кузова на землю. Увидев, как они безжизненно грохнулись на землю, он испугался. «Только не это!» Он упал на колени и пытался найти у них пульс. Его не было. Герман понял, что ослабленные алкоголем организмы не пережили дозы клофелина.

У него началась истерика. Сначала он бил трупы ногами, но не получая от этого никакого удовлетворения, сбегал в ко-

тельную, принес кувалду и в несколько ударов размозил им головы. Все было бесполезно. Жизнь потеряла смысл. Они ушли и не заплатили. Он сел рядом с ними и заплакал. Даже тогда, в пятом классе, потеряв родителей, он не проронил ни слезинки. Не плакал он, когда его били и насильовали, но теперь его прорвало. Успокоился он только под утро. Привязал к телам заготовленные автомобильные диски от колес и спихнул их с дамбы в пруд за котельной. Приехал домой. Днем рассчитался на работе и уехал в Москву. Три дня ночевал на лавке в парке, а потом нашел работу охранника с жильем в казарме на территории бывшей воинской части. Ему выдали казачью форму. С этого времени он стал обеспечивать охрану разных мероприятий.

Вскоре Герман понял, что это не обычная организация. Один раз они получили задачу собственными силами жестко разогнать протестный митинг. Его коллеги, в большинстве своем неудачники, бывшие алкоголики и недавно освобожденные за небольшие преступления, с какой-то животной ненавистью били нагайками очкастых ботаников, маменькиных сынков с дорогими телефонами, молодых девчушек. Полиция при этом делала вид, что ничего противозаконного не происходит.

Сейчас им поставили другую задачу: вместе со студентами училищ и футбольными болельщиками они должны были сами устроить беспорядки. Для этого им разрешили все, вплоть до кровопролития.

Увидев Томаса с Родионом, он вспомнил, как когда-то в раздевалке получил по лицу ботинком полным мочи. Сейчас он решил, что именно этот момент стал отсчетом его несчастий. А они – главные виновники. Желание отомстить, тихо дремавшее где-то внутри, за несколько секунд заполнило всю его душу. И больше он не позволит никому легко отделаться.

– Ты оставайся здесь и смотри за ними, чтобы не ушли, не потерялись, – приказал он казаку, который не участвовал во вчерашней потасовке. – А мы с тобой, – он стукнул по плечу казака с синяком, – пошли к автобусам. Нельзя чтобы они о чем-нибудь догадались.

Какого-то определенного плана отмщения у Германа не было. Главное для него было их сейчас не упустить. «Затащим в автобус. Отвезем в часть. А там я что-нибудь придумаю. За забором вокруг лес. Так что и кольев можно будет настрогать», – решил он.

– Слышь, Герман, там девушка с ними красивая. Давай и ее возьмем. А то я не помню, когда у меня баба была. Хоть потешиться немного.

– Бери. Меня бабы не интересуют, – бросил в ответ Рябов, думая уже о своем.

«Вот ты и расчехлился», – подумал его напарник, но промолчал.

Первой заметила идущего к ним Родиона Катя. В этот момент вдоль улицы пронесся резкий порыв жаркого ветра, который у кафе закрутил на асфальте вихри из пыли, песка и мусора. Сдул со столов несколько пластиковых стаканов и чуть не повалил один из зонтиков над крайним столиком. Катя не хотела присутствовать при выяснении отношений между друзьями. Поэтому, не дожидаясь пока Родион подойдет, обратилась к приятелю Томаса:

– Павел, у меня к вам маленькая просьба. От этого запаха, духоты и шума голова кружится. Да еще этот ветер. Не пригласите меня немного прогуляться? Может там во дворе чуть поспокойнее.

– С удовольствием, – Павел сообразил, что Томасу с Родионом нужно остаться наедине, поэтому встал, протянул руку, согнутую в локте, приглашая Лизу к прогулке.

Когда Томас увидел Родиона, он забыл о своих собственных переживаниях, потому что понял, что его другу сейчас гораздо хуже, чем ему. Чтобы его приободрить, начал разговор первым:

– Каяться будешь? – вместо приветствия спросил он, когда Катя с Павлом скрылись во дворе.

– Я надеялся, ты мне просто пару ребер сломаешь и простишь, – попробовал отшутиться Родион. Начать разговор для него было, как прыгнуть в ледяную воду, но сейчас, когда окунулся, самое сложное было позади.

– Как ты легко хочешь отделаться.

Родион не надеялся отделаться легко. И конечно, он не переживал бы за сломанные ребра. Это было бы как раз самым легким. Так паршиво он не чувствовал себя никогда. У него не было братьев, сестер. Томас заменял ему всех. Обмануть доверие самого близкого тебе человека было катастрофой, независимо от причин.

– Ну хорошо. Может, договоримся на три ребра и челюсть, раз ты такой злой и кровожадный? – предложил Родион.

Томас злился не из-за Кати. С ней он был знаком всего неделю и за это время не успел построить в отношении нее больших планов. Родион же был его лучшим другом всю сознательную жизнь. Поэтому ему очень хотелось разобраться, почему он сделал то, что не допускается никакими нормами мужской дружбы.

– Хорошо, пошутили и хватит. Теперь рассказывай... Ведь ты понимал, на что идешь.

В этот момент музыка на митинге стихла и на сцену вышла Лиза. Она переделалась. Вместо дорогого изящного костюма сейчас на ней были обычные голубые джинсы и простая белая мужская рубашка на выпуск. Копну длинных рыжих волос она собрала в хвост, а челку заколола, чтобы не падала на глаза.

Лиза взяла микрофон, сделала большую паузу, чтобы привлечь внимание и, дождавшись тишины, обратилась к зрителям:

– Знаете, что больше всего хотят люди, которые нами

управляют?

Выслушав несколько выкриков из толпы, она продолжила:

– Они хотят доказать нам, что их писюн все-таки больше, чем мой мизинец! – выкрикнула Лиза и подняла вверх руку, демонстрируя всем свой маленький пальчик.

После такого неожиданного ответа на свой же вопрос поднялся оглушительный шум.

– Это же твоя Лиза зажигает, – показал на сцену Томас. – Ты с ней в то утро сексом занимался, – продолжил он, пожимая плечами. – Тебе же не нужно было никому ничего доказывать. Ни мне, ни ей, ни Кате, ни себе. Зачем? – Томас наконец-то набрался сил и посмотрел другу в глаза.

— Нет, я не лазила к ним в штаны, — продолжала Лиза, — все гораздо проще. Дело в том, что наша так называемая элита, совсем недавно ходила в рваных трениках, ковырялась грязным пальцем в носу и думала, где перехватить денег на выпивку. И тут вдруг на этих граждан сваливается огромное богатство. Кто, по каким неведомым нам спискам их туда назначил, сейчас уже не важно. А важно то, что от свалившегося счастья с ребятами случился солнечный удар. Они мечтали о «Жигулях», а попали в олигархи! В этом трагедия нашей страны.

– Понимаешь, Томас, со мной тоже случился солнечный удар, – ответил Родион, может быть первый раз, сам, осознав

случившееся. – Мне в жутком кошмарном сне не могло присниться то, что я способен на такое... Но в тот момент... Мне казалось, что я делаю все правильно.

– Вполне может быть. Катя девушка замечательная. Но разве ты не мог позвонить? – Томасу было так неловко за друга, что он готов был не просто принять любое его оправдание, а даже сам ему его придумать.

Родион попытался вспомнить то, что он испытал, когда открыл Кате дверь. Но мешало собраться с мыслями и отвлекало выступление Лизы.

– С этого времени смыслом их жизни стало желание доказать всем нам, что они не такие как мы. Что они богатые потому, что они лучше, умнее, трудолюбивее нас, – Лиза говорила медленно, делая акцент на каждой фразе. – Хорошо. Покажите. Ведь прошло уже тридцать лет. Пришло время отвечать.

Наконец Родиону удалось сосредоточиться, и он отчетливо вспомнил Катины глаза: сначала в минуту их знакомства, когда они сверкнули искорками из-под козырька бейсболки, а потом когда она смотрела на него, ожидая приговора на лестничной площадке у его квартиры, стоя одной ногой на ступеньке, готовая в любую секунду броситься бегом вниз.

– Ты можешь сломать мне все ребра, – сказал он, отвернувшись в сторону, – но мне кажется, мы с ней все решили

еще там, в скверике, когда ты был с нами. В первую же секунду встречи.

– Где ваши дела? – Лиза указывала рукой в сторону на невидимых олигархов. – Где новые заводы, которые вы построили? Где автомобили, компьютеры, телефоны, ракеты вами созданные? Где лекарства? Где красивая одежда? Где качественная еда? Где хотя бы что-нибудь? – она развела руки в стороны и щелкнула пальцами. – Нет ответа...

– Вот это ход. То есть, на моей голове выросли рога еще в скверике у Яузских ворот? – Томас провел рукой по волосам, как будто проверяя, есть ли что на голове.

– Нет. Точно нет. Томас, я не могу это объяснить, но, наверное, если честно... – Родион в волнении тоже запустил пальцы в свои волосы, сильно их сжал и потянул. – Мне кажется... Да. Мы уже тогда определяли возможный ущерб для окружающих от этого нашего... – Родион поморщился, с трудом подбирая слова, – решения. Понимаешь, мне кажется, мы оба сразу догадались, что вляпались и оценивали, как наши чувства отразятся на других.

– Так на что же пошли деньги от продажи тех ресурсов, которые они тридцать лет гнали на запад? Я отвечу. Деньги ушли на самые большие в мире яхты... на самые дорогие дворцы... и, – Лиза презрительно улыбнулась, – на шубы

и бриллианты для обычных проституток. Разве так ведут себя люди способные стать локомотивом для страны? Нет конечно. Это все из жизни закомплексованных обиженных насекомых, – продолжала Лиза.

– И когда вы поняли, что «Париж стоит мессы?» Когда вы решили, что это тот случай, когда можно уже не думать о последствиях? – спросил Томас, уже понимая что, злиться ему не на кого.

– Наверное, когда она пришла ко мне, я открыл дверь и увидел ее. Она была похожа на раненую птицу залетевшую в окно...

– Но я сейчас хочу сказать не об этом. – Лиза стала говорить спокойнее и доверительнее, как бы пытаясь посоветоваться с собравшимися. – Они уже прошлое. Но есть очень реальная и большая опасность, что вместе с собой они утянут в небытие нашу страну. Вот об этом я и хочу поговорить.

– Ну хотя бы позвонить ты мне мог? – Томас уже принял объяснение друга. Он понимал, что никаких особенных слов у Родиона нет и быть не может. Можно было или поверить, что между Катей и его другом произошло то, для чего люди собственно и рождаются на свет, или принять, что вся их многолетняя дружба была самообманом.

– Позвонить? Словами здесь трудно... Когда Катя пришла, я понял, что она уже свой выбор сделала, – Родион вспомнил, что ему еще тогда стало ясно, что Катя уже не вернется к Томасу. – По-твоему я должен был обратно закрыть дверь и позвонить тебе? «Томас, тут твоя подруга за дверью. Мы решили перепихнуться. Ты не против?» – он крепко взял Томаса за плечо. —Ты мне самый дорогой человек, но такие минуты бывают раз в жизни и этот звонок в тот момент был бы не самым лучшим решением.

– Ладно. Принято. Ребра ломать не буду. Давай Лизу слушаем. Красиво излагает.

Томас не то чтобы полностью простил Родиона, а понял то, что друг не сможет ничего больше сказать. У него было время на раздумье и если он выбрал такое решение, значит оно того стоило. Поэтому Томас спрятал свои переживания поглубже, чтобы ковырять их потом, время от времени.

– Я по образованию историк, – Лиза так естественно чувствовала себя на сцене, как будто выступление перед многотысячной толпой было для нее обычным делом. – И знаю много примеров того, как знание истории своей страны помогает сделать ее богаче, а жизнь людей лучше. Тысячу лет наши предки создавали великую страну. Ценой своих жизней они сделали ее свободной и богатой. Но уже был в нашей истории момент, когда часть элиты решила пойти отдельной дорогой от остального народа. Презри-

тельно отгородившись от культуры своей страны, выбрав для общения чужой французский язык и место жительства на дальних берегах, эти люди сами разорвали связи с народом, на который они стали смотреть как на рабов, которых можно купить, продать, поменять на хорошего щенка. Их логика была понятна: зачем делать что-то здесь, в России, когда можно жить на уже готовом там, в Европе. Бойся своих желаний. У бога есть чувство юмора. Им хотелось жить за границей, и они получили такую возможность в 17-ом году. Тысячи русских швейцаров, дворников и официантов из бывших графов и князей заполнили Париж, Берлин, Лондон. Почему так произошло? То, что наш народ терпелив, они восприняли как возможность грабить его безнаказанно. И получили по заслугам.

На самом деле Томас не слушал Лизу. До разговора с Родионом в глубине души он оставлял маленькую надежду, что ничего не случилось. Что его просто разыграли. Но сейчас он окончательно поверил, что это не шутка. Значит, мир изменился навсегда. И их дружбе конец. Они могут продолжать делать вид, что ничего не произошло, только обоим было ясно, что тех отношений, как прежде, уже не вернуть, как невозможно вернуть утраченное доверие.

– А ведь этого избежать было легко, – продолжала Лиза. – В 1903 году Чехов написал свой гениальный пророческий

«Вишневым сад». В конце пьесы ее герои помещики из-за своей лени и глупости, потеряв все, уезжают за границу, не понимая, что уезжают навсегда. А за сценой стучат топоры и рубят красивый, но бесполезный вишневый сад... Какое символическое и мистическое предсказание. Почему это произошло? Ответ простой. Триста лет коренной народ России был рабом в своей стране. В других странах рабов или привозили, или захватывали. Наша элита сделала рабами своих соотечественников. И в 17-ом году у народа кончилось терпение. Теперь все повторяется. Отсюда вечный русский вопрос – что делать?!

Лиза устала. Она подняла руку с обращенной к людям открытой ладонью, молча попросив их дать ей минуту передохнуть. Никто не шумел. Она смогла захватить внимание толпы и увлечь ее. Коротким движением руки Лиза распустила хвост, взмахнула головой, чтобы волосы легли на плечи. Расстегнула на груди еще одну пуговицу, списывая это на жару, но на самом деле желая добавить к своему образу сексуальной привлекательности. Чтобы казаться доступнее и проще она подошла к самому краю сцены и продолжила:

— *Чтобы страна имела будущее, ее народ должна объединять общая идея. Какая идея у страны сейчас? У тех, кто дорвался до природных ресурсов страны и бюджетных денег, идей быть не может. А свой лозунг «каждый сам за себя», они стыдливо скрывают. К чему это ведет, мы видим прямо здесь, прямо сейчас. Вот пример действия это-*

го лозунга. Одним горящая вонючая свалка, а другим дворцы на лазурном побережье Средиземного моря. Знаете, почему нас селят в эти термитники? Потому что мы им здесь дешевле обходимся. Неужели они не понимают, что через двадцать лет здесь будет гетто? Прекрасно понимают. Но им плевать, что будет через двадцать лет. Им надо еще чуть-чуть продержаться. Они не связывают себя с нашей страной, как не связывала себя та офранцузенная элита, которая потом чистила сортиры богатых парижан и их сапоги.

Лиза замолчала. Никто из людей, собравшихся здесь, не сомневался, что она говорит честно. Ей верили. И она это чувствовала. Она так вошла в образ, что видела себя уже главной и, наверное, единственной защитницей этих людей.

– Наши деды погибали здесь под Москвой, чтобы их дети жили в свободной стране, – Лиза говорила и смотрела в глаза тех, кто был рядом со сценой, пытаясь проникнуть в сердце каждого из них. – Спросите себя, что вы будете делать через десять, максимум через двадцать лет, когда в России кончится нефть? Вы думаете, если вы врач, учитель, то вас это не касается? Касается, еще как касается! Именно нефтяными деньгами формируют бюджет, из которого вам платят зарплату. А если у бюджетников не будет зарплаты, они не купят продукты, не купят одежду, мебель, ноутбук у тех, кто занимается предпринимательством. А тогда чем вы будете кормить своих детей? Чем

обогреваться зимой? Зачем, вообще, рожать детей в обреченной стране? Мы не хотим революции, гражданской войны. Но если мы не хотим остаться без страны, не хотим остаться без будущего – мы обязаны действовать.

Лиза была великолепна. От нее шла такая сильная энергетика, что хотелось идти за ней, куда бы она ни повела. Родион не мог поверить, что вчера он занимался с ней сексом на крыше своего дома. Он посмотрел на Томаса. Тот кивнул в ответ, подтвердив тем самым, что его уже бывшая в ударе и предложил дослушать ее речь.

— Повторяю. Нам не нужны революции и мы не хотим чужого. Мы хотим справедливости. Для этого не надо опять брать Зимний дворец или идти на Кремль. Вы спросите меня: что же делать? А все просто. В 1917 году еще не было опыта мирной трансформации страны. Сейчас этот опыт есть. Европейцы построили притягательные модели общества, используя лишь прогрессивную налоговую систему и настоящую борьбу с коррупцией. Вот две главные составляющие справедливого общества. Почему это не делается у нас? Потому что воровская власть не может бороться сама с собой. Да и чья это власть? Если все ее деньги, все ее дворцы на Западе? Нет, мы не будем, как Лазарь ждать царствия небесного и в ожидании питаться подачками. Нам не нужны подачки – нам нужна справедливость. Мы за власть народа и для большинства народа! Мы за то, чтобы наша страна не исчезла с лица земли! Мы за то,

чтобы у наших детей было будущее! Мы за СССР – за союз социально ориентированных справедливых современных республик. Спасибо, друзья!

Лиза отступила от края, но еще не уходила со сцены. Ей непонятна была реакция людей. А люди, принявшие ее слова, стояли молча, думая что им делать. Никто не хлопал, не свистел. Вдруг в наступившей тишине у самой сцены громко закричал стоявший рядом, кем-то заранее подготовленный казак:

– Да она сама Романова. Дочка и внучка тех самых Романовых. Она сама Западом засланная. Призывает нас к бунту, чтобы мы на нашу законную власть руку подняли. Хочет, чтобы было как на Украине!

– Ты сам, сука засланная, – прокричал ему в ответ кто-то рядом. – Какой ты казак? Ты клоун ряженный. Откуда ты тут взялся. Нравится сосать – соси дальше.

Большая группа агрессивных молодых ребят сразу же ввинтилась в толпу и начала продираться на голос этого казака.

Глава 37

Лиза закончила выступление ровно в пять. Палящее солнце, зависшее над домами, раскалило площадь. К дыму от горящей свалки прибавилась марево от плавящегося асфальта. Дышать было тяжело, но никто не расходился, потому что сидеть в квартирах было намного хуже. Если открыть окна,

то через пару минут тошнотворный запах заполнял все комнаты, а с закрытыми окнами квартира превращалась в невыносимую душегубку.

Тот казак, который из толпы обличал Лизу, что она засланный агент, сейчас стоял у самой сцены и разговаривал с приятелем. По непроглаженным складкам на их казачьих гимнастерках, образовавшихся от многолетнего складского хранения, можно было догадаться, что сегодня они их надели первый раз. Казаки заметили, что к ним пробирается компания агрессивных молодых людей. Но находясь в большой толпе, они чувствовали себя в безопасности. А ребята приближались быстро, потому что люди, опасаясь конфликтов, сами заранее освобождали проход. Когда они подошли к сцене, толпа расступилась и образовался небольшой свободный круг.

Почувствовав, что их никто не собирается защищать, а наоборот, все вокруг с любопытством ждут интересных событий, казаки испугались. Один, тот, что повыше и с бородой, повернулся к подошедшим спиной, достал из кармана телефон и пытался кому-то позвонить. Другой, коренастый, смотрел на молодых людей с вызовом, засунув руки в карманы широких штанов и выпятив вперед перетянутую портупей грудью. По бегающим глазам и высохшим губам, которые он постоянно облизывал, было понятно, что он сильно растерян и еле сдерживается, чтобы не побежать.

Все произошло очень быстро. Один из нападавших, ху-

дой жилистый парень в черной майке без рукавов, сжавшись, чуть пригнувшись, в мгновение оказался рядом с отвернувшимся казаком и наотмашь снизу вверх саданул ему по уху именно в тот момент, когда бородатый поднес к нему телефон. Кисть ослабила удар, но телефон из руки выскочил и упал на асфальт. Мгновенно компания разделилась на две группы по три человека. Каждая налетела на свою жертву. Тот казак, который до этого нагло смотрел на нападавших, смог даже попасть кому-то в голову выброшенным вперед кулаком левой рукой, но в следующую секунду он, под градом ударов, сначала опустился на колено, а потом после того как получил сильный пинок ногой по голове, упал на спину, потеряв сознание. Второй попытался отскочить в сторону, но плотно стоящие вокруг люди, не смогли бы его пропустить, даже если бы захотели. Его схватили за новую гимнастерку и затащили в середину круга. Потом, мешая друг другу, пытались ударами сбить с ног. Но он согнулся, закрыв голову руками, и не падал. На секунды избиение прекратилось, и казак выпрямился, вытер рукавом кровь из разбитого носа. Он хотел что-то сказать нападавшим, но опять со спины, чуть разбежавшись и подпрыгнув, его ударил тот, кто налетел на него первым в начале драки. Удар пришелся по почкам и был очень болезненным. Казак скорчился от боли. Остальные сразу же, как шакалы, бросились его добивать.

Только после того, как обе жертвы лежали на асфальте и не реагировали на удары ногами, закричала какая-то жен-

щина: «Что же вы делаете? Вы же их убьете! Кто-нибудь, остановите это!»

Несколько мужчин вышли и отгородили молодых пацанов от лежащих на земле. Победители не настаивали и, нагло ухмыляясь, не спеша растворились в толпе.

В это же время с десяток похожих столкновений произошло по всей площади. Казаки, расслабленно стоявшие по два-три человека, не могли дать отпор группам молодых людей, внезапно нападавшим без всякой причины. Сразу после этого казачье руководство запоздало обзвонило всех своих и приказало собраться у тех автобусов, на которых их привезли.

Казаки выстроились во дворе в две шеренги. Перед строем стояли три командира: два в казачьей форме, один в обычном сером костюме и поп. Инструктаж свелся к тому, что какие-то неизвестные по непонятным причинам нападают на людей. Поэтому приказано разбиться на группы по десять человек и быть готовыми дать отпор.

– Какие неизвестные?! – выкрикнул кто-то из задней шеренги. – Их специально автобусами привезли, как и нас. Только выгрузили в соседнем дворе. Нас, похоже, здесь подставить хотят, а потом обвинить. Где полиция? Пусть она разбирается. А нас увозите отсюда. Дышать нечем.

– Ну-ка, умник, выйди из строя! – визгливо закричал один из начальников: здоровый боров, с вечно красным лицом, рыхлым мясистым носом и пожелтевшими от никотина уса-

ми. Два года назад майор полиции Кучеренко Михаил Михайлович уже считал дни до пенсии и мечтал, как замечательно он заживет в шикарном доме на берегу Рыбинского водохранилища. Однако природная жадность сломала все его планы. Распиханных по разным заначкам денег и так хватило бы на несколько жизней, только не удержался майор и запустил свою волосатую руку с короткими жирными пальцами не в тот карман. Не по чину. Ему бы сразу извиниться, дать назад, но что-то замкнуло у него в голове, и он решил, что не тварь он дрожащая, а право имеет. Все права и обязанности ему объяснили очень быстро. И остался Михаил Михайлович без работы, без пенсии, без отложенных на старость денег и без домика у воды. Повезло, что хотя бы без судимости. Старые знакомые устроили его в охрану, где он командовал непонятно где и кем набранными людьми, переодетыми в казачью форму.

Не по уставу, а просто раздвинув впереди стоящих, вышел из строя возмутившийся мужик. Видно было, что он сильно пьян. Вся форма была ему велика. Фуражка, сильно сдвинутая назад, держалась непонятно на чем. Для полноты образа загулявшего казака не хватало гармонии на плече и цветка за ухом.

В своей предыдущей полицейской жизни майор и представить не мог, что какой-то плюгавый алкаш будет указывать ему, что надо делать. В несколько шагов Кучеренко подлетел к бойцу, схватил его за грудки и почти оторвал от зем-

ли:

– Ты, сука, что здесь вякаешь?! – брызгая слюной в лицо, мгновенно перепугавшемуся казачку, зашипел майор. – Да я тебя, гниду, здесь в местных отстойниках утоплю! – взбешенный, он отбросил от себя бойца и тот, пробив брешь в шеренге, грохнулся на землю.

– Есть еще такие? – Кучеренко вернулся к двум другим командирам и продолжил: – Вы месяцами деньги получаете, ничего не делаете. Пора отрабатывать. Задача несложная. Поймать десяток другой этих малолеток и наказать. Вопросы есть?

– А как их отличить от обычных людей? И что значит наказать? – спросил парень, постукивая себя нагайкой по ноге.

– Мне плевать, как вы их будете отличать. Ошибетесь – ничего страшного. А наказать так, чтобы второй раз неповадно было. Особо агрессивных тащите сюда, отвезем их к себе, посидят недельку у нас в подвале, поостынут.

Одноклассник Томаса и Родиона Герман Рябов, стоявшей в самом конце шеренги, толкнул в бок своего приятеля с синяком и негромко сказал:

– Теперь у нас есть законная возможность отомстить. Притащим их сюда, отвезем на базу, там разберемся. Только бы не ушли...

– Не уйдут. Вон их баба на лавке с каким-то мужиком сидит, – указывая на Катю с Павлом, зло буркнул, пострадавший в драке с Томасом казак. – Значит и они где-то здесь.

Пару напутственных слов сказал приставленный к этому непонятному полувоенному соединению иерей отец Андрей Трепачев. Бывший замполит из-под Одессы с изъеденным оспой лицом и мелкими черными крысиными глазками, непонятным образом получил сан и теперь опять оказался возле кормушки.

Глава 38

В другое время Кузнецов после произошедших событий даже этими малыми силами легко бы вытеснил людей с площади и навел порядок. Сегодня он приказал лишь одному взводу занять место перед сценой. Три десятка молоденьких мальчиков встали лицом к огромной толпе с непонятной задачей.

В это же время, воспользовавшись суматохой, к микрофону, не выключенному после выступления Лизы, вышел непонятно откуда взявшийся худенький паренек с портретом Ленина на черной футболке и с рюкзаком за плечами. Он откашлялся, облизал высохшие тонкие губы, убрал рукой падающую на глаза светлую длинную челку и звонким юношеским голосом начал негромко что-то говорить. Чтобы разобрать его слова, люди притихли.

– Девушка, которая сейчас выступала, говорила очень хорошо и очень правильно, но она не сказала главного, – начал он, глядя себе под ноги.

Потом опять поправил волосы и посмотрел на толпу.

Несмотря на тихий голос, в его голубых глазах чувствовалась полная уверенность в своих словах.

– Что делать, чтобы нас услышали? Чтобы убрали эту проклятую свалку... Чтобы прекратили нас самих считать отбросами... Кто-то здесь еще верит, что власть сделает это добровольно? У них было полно времени, но с каждым годом становится только хуже...

Он отвернулся и откашлялся. Потом взялся рукой за стойку микрофона, надеясь в ней найти себе дополнительную опору, и продолжил:

– Здесь на площади большинство – молодежь. И нам жить в нашей стране после них. И чем быстрее мы заставим их уйти, тем больше возможности исправить то, что они натворили. Поэтому мы должны... Мы обязаны объявить этот митинг бессрочным! И призвать провести такие митинги всех жителей страны. В каждом городе. Наша цель добиться ухода этой власти. Немедленного ухода. Наша цель запретить людям, которые занимали в ней руководящие должности, участвовать в следующих выборах, которые должны быть назначены как можно скорее. Преступная группировка, которая сейчас командует в стране, знает, что любая честная власть обязана будет осудить большинство из них. Поэтому добровольно никогда не уйдет. Мы обязаны заставить их это сделать. Вот это и будет той справедливостью, о которой хорошо говорила та девушка, – он отвел руку назад, указывая за сцену.

Потом выпрямившись и отпустив стойку микрофона, он поднял руку вверх и, оглядывая толпу, добавил:

– Время слов кончилось! Пора действовать! Мы должны это сделать ради России! Наше дело правое. Мы победим... – несмотря на то, что его последние слова уже тонули в шуме, который поднялся вокруг, он продолжал говорить ровно без крика и надрыва. И эта его уверенность только усиливала эффект.

Кузнецов смотрел на выступление из-под тента у штабного трейлера. Этот парень, выскочивший на сцену как черт из табакерки, был для него, как подарок.

– Товарищ генерал! – подлетел к нему возбужденный молоденький капитан, командир одной из рот. – Какой-то провокатор на сцену пролез, баламутит народ. Надо закрывать здесь все. Иначе могут быть большие беспорядки...

– Отставить панику, – резко прервал его Кузнецов. – Прикажете тому взводу перед сценой, начать вытеснять людей с площади.

Капитан, понимая, что задача невыполнима, не осмелился перечить генералу. Он приказал солдатам сцепиться руками и начать двигаться на толпу. Удалось отодвинуть людей лишь на несколько метров. Впереди стоящие немного уплотнились, но больше людям двигаться было некуда. Да и уходить никто не хотел. Начались стычки между солдатами и обычными гражданами.

Все получилось, как и хотел Кузнецов. Он прекрасно

знал, что три десятка молодых ребят неспособны справиться с толпой. Митингующие сейчас занимали всю огромную площадь. Перемещаться свободно могли только задние, но они не видели, что происходит перед сценой и поэтому никуда не двигались. По инструкции нужно было разбить людей на группы и вытеснять сначала тех, у которых была возможность куда-нибудь уйти. Другие действия лишь приведут к давке и столкновениям. Но именно это и было ему нужно. Чтобы разжечь пожар, он решил постепенно подбрасывать в толпу бойцов, накаляя уровень противостояния. Поэтому приказал второму и третьему взводу рассредоточиться за первым и усилить давление на толпу.

И как будто в ответ на это, две большие группы спортивных ребят с символикой футбольных клубов, хорошо организованных и подготовленных, с двух противоположных флангов напали на солдат. Завязалась драка. Натиск нападающих был внезапным и мощным. Неготовые к таким действиям, солдаты растерялись. От неожиданности и испуга они начали бить дубинками всех подряд. Это разозлило людей, но не помогло сдвинуть толпу ни на шаг.

Солдатики, прижатые к сцене, с трудом сопротивлялись. Нападавшие футбольные фанаты били их отнятыми дубинками, палками от разломанных транспарантов и металлическими трубами от разобранных конструкций. Несколько человек забрались на сцену и обрушили на солдат гору черных акустических колонок. В конце концов рекламные щиты из

фанеры, окружавшие сцену, не выдержали и попадали. Большинство солдат, у которых не было никакого желания драться, скрылись за ними, а другие просто убежали. Разгром был полный. Толпа почувствовала свою силу, чего и добивался Кузнецов. Он немедленно приказал построить всех солдат, находившихся здесь в его распоряжении вместе с казаками, которые как раз подошли после инструктажа.

Кузнецов не умел и поэтому не любил выступать. Но сегодня он наслушался чужих речей и сам не удержался. От возбуждения он не мог стоять на месте и ходил перед строем в нелепой огромной фуражке, угрожающе взмахивая рукой после каждой фразы.

– То, что происходит – это бунт! Это – майдан! Вы знаете, кто его организовал, и кто финансирует?! – он застыл перед строем, убрав руки за спину, будто бы ожидая ответа. Все молчали и он продолжил: – Это те же, кто когда-то финансировал большевиков: американские банкиры и генштаб НАТО. Это они вставляют палки в колеса наших «Искандеров» и «Арматов». Их задача помешать нашему процветанию.

Находящийся рядом фотограф какого-то издания, прекрасно знавший, как и все вокруг, об источниках личного процветания генерала, не выдержал и начал громко заразительно хохотать. Он прекратил фотографировать, согнулся, не в силах удержать приступы здорового хохота, и никак не мог остановиться.

Кузнецов подбежал к нему, схватил за шиворот жилетки

и, указывая скрюченным пальцем на продолжающего смеяться журналиста, попытался сказать что-то достойное момента. Но как назло из головы все выветрилось. Он побагровел, вытаращил глаза и, несколько раз глотнув воздух, на свое счастье вспомнил, засевшее когда-то в мозги нелепое ругательство:

– Вот он – наймит империализма.

Дальше ему хотелось крикнуть: «Бейте его». Но десятки видеокамер вокруг остановили его. Он отпустил фотографа, вернулся к строю и продолжил:

– Все что мы делаем – мы делаем для людей. Поэтому я приказываю: не жалеть себя и тем более не жалеть, купленных на американские деньги, провокаторов. Мы должны это сделать ради России, – повторил он запомнившуюся фразу из речи молодого парня. – Наша задача очистить площадь, чего бы это ни стоило.

Кузнецов не забыл, кто дал ему команду устроить здесь кровавый разгон невинных людей, не забыл про свой дом в США, не забыл, что его сын задержан за наркотики в Таиланде. Но в эту минуту он искренне верил, что сейчас это не он выполняет чужую команду, а те, кто стоит на площади.

В нарушение всех инструкций солдаты и казаки налетели на людей, даже не предупредив их и не дав возможность разойтись. Несколькими клиньями с разных сторон они врезались в толпу, круша людей налево и направо, не разбирая, мужчина перед ним или женщина. Солдаты и казаки, разь-

ярные недавним поражением, использовали дубинки и нагайки.

А вот тех, кто спровоцировал столкновения, среди толпы не было. Куда-то исчезли и футбольные болельщики, и молодые хулиганы из колледжей. Поэтому сопротивления почти не было. Десятки людей уже лежали в крови на асфальте. Кто-то пытался убежать, но бежать было некуда.

В этот момент в глубине площади раздался сильный хлопок и сразу же взметнулся вверх столб огня от загоревшегося автомобиля. Потом следом еще два похожих хлопка и через несколько минут горели уже несколько автомобилей оставленных у тротуара. Несколько человек, посеченных осколками, упали рядом. На одного перекинулся огонь, но его удалось сразу потушить. Владелец заблокированной машины, на которую огонь еще не успел перекинуться, бегал рядом, не зная, что предпринять. Он мог бы залезть в автомобиль, но боялся, что не сможет выехать, так как машины стояли очень плотно. Наконец, он решился. Прыгнул за руль, завел автомобиль и, расталкивая переднюю и заднюю уже горевшие машины, смог вырваться на простор.

Те, кто был рядом с пожаром, отхлынули подальше от огня, оттаскивая пострадавших. Другие же, стоявшие далеко, наоборот, решили подобраться ближе, чтобы посмотреть. Те, кто пытался избежать бойни происходившей ближе к сцене, тоже рванули сюда. Люди сбивали друг друга, пытались вырваться с площади, наступая на упавших и раненых.

Неожиданные взрывы автомобилей были для Кузнецова приятной неожиданностью. И еще он отметил, что никто ему не звонит и не требует доклада. Как будто спрятались все и пережидают. «Не я один у них на крючке, – подумал он. – Вон сколько служб задействовано. Значит как всегда прав Явдат Хасанович: наверху решили все здесь зачистить. А значит вовремя предать – это не предать, а предвидеть».

Глава 39

Оставив Томаса и Родиона наедине, Катя с Павлом ушли с площади во двор и сели на недавно покрашенную ядовито-желтой краской скамейку под чахлой молодой березкой. Двор-колодец, со всех сторон зажатый огромными высотными домами-близнецами, был почти пуст. Даже молодые мамочки с колясками укатили на площадь. Только в дальнем углу около автобусов собрались люди в казачьей форме. Павел пытался развлечь Катю, рассказывая, как потерял документы в Индии и несколько дней жил без денег в Калькутте, ночуя в брошенной бомжами палатке на берегу Ганга и питаясь тем, что удавалось стащить на местном рынке.

Но Катя его почти не слушала. Она думала о том, что сейчас из-за неё выясняют отношения хорошие друзья. И если что-то случится, то виновата будет только она. «А может всё и не так», – вдруг пришло ей в голову. И сейчас они оба смеются над ней. Что, в сущности, произошло? Неделю назад она закрутила роман с одним. Вчера прыгнула в койку к дру-

гому. Оправдание одно – любовь. Только этот аргумент выглядит убедительным лишь для неё.

Катя держала телефон в руке, боясь пропустить звонок или сообщение. Каждую минуту она включала экран, смотрела на часы и нервно поправляла волосы над ухом. За сутки случилось столько, что ей казалось, что она вчерашняя и она сегодняшняя – два разных человека. Сейчас она чувствовала лишь сильную усталость и уже не пыталась размышлять. «Пусть все будет, как будет, – решила она, глубоко вздохнула и убрала телефон в карман. – Я сделала все правильно. Мне себя не в чем укорить. А там... посмотрим».

Тем временем Родион с Томасом тоже ушли с площади. Томас решил зайти домой, проведать родителей. А Родион направился к Кате с Павлом, которых заметил издали.

Искушение сказать по телефону, что он уезжает, противным червячком грызло мозг. Он прошел через новую детскую площадку, сильно качнул скрипучие железные качели и молча сел рядом с Павлом на край деревянной скамейки, устало опустив руки на колени. Катя, сидевшая с другой стороны, тут же почувствовала, как заколотилось от волнения ее сердце. Ей хотелось броситься к Родиону. Но она спокойно положила одну ногу на другую и стала рассматривать кончик своего ботинка.

– Тяжелый день? – спросил Павел.

– Да уж, – Родион провел пальцами по лбу, вытирая капли пота, – такой жары давно не было. Да еще эта вонь.

– Я Кате сейчас рассказывал про Индию. Очень напоминает. Жара, вонь. Только привкус у запаха немного другой. Все-таки там людей жгут, а не всякие отходы.

– Как же они живут в такой грязи? Зачем рожают детей, у которых нет будущего? – спросила Катя.

– Они считают, что будущего нет у нас. У всех свои линейки для измерения жизненных ценностей. Невозможно измерить по шкале индийца, цель жизни которого добраться до Варанаси, омыться в священных водах реки, умереть на гхатах, быть там кремированным на погребальном костре и завершить круг перерождений, и девочку-инстаграмщицу, которая мечтает выйти замуж за миллионера, купить красивую дорогую машину и тем самым втоптать в пыль бывших одноклассниц.

– Я не инстаграмщица, – засмеялась Катя.

– А похожа, – Павел в шутку сделал вид, что расстроен.

Родион вспомнил свою бывшую жену и представил, что можно даже жить в одной квартире в абсолютно разных измерениях.

– Я вообще не люблю всякие инстаграммы, фейсбуки и, вообще, лишней болтовни, – Катя ревновала Родиона к яркой успешной Лизе, у которой у которой была красивая красная машина. Поэтому не удержалась и высказала очень колко: – Пару часов в неделю работа санитаром в доме ветеранов, гораздо полезнее и важнее речей с трибуны.

– Ну кто-то же должен быть оппозиционером и выступать

с критикой, чтобы власть не расслаблялась, – миролюбиво заметил Павел.

– Женщины в политику лезут не для того чтобы бороться за чьи-то права и свободы, а из-за карьеры и денег. Ну или те, у кого с сексом проблемы. А вся эта оппозиция – сплошная показуха. Чтобы людям голову заморочить, – с неожиданным раздражением ответила Катя. Но тут же поняла, что наговорила лишнего и Родион может догадаться о настоящей причине ее сильных эмоций.

Немного помолчав, Павел, уловив накал страстей, решил, что лучше будет оставить их одних.

– Пойду я лучше посмотрю, что там на площади творится. Похоже, сегодня не мой день. Везде я лишний. «Снова туда, где море огней...»

Родион поднял голову и посмотрел на вставшего со скамейки Павла.

– Ты там осторожнее, – напутствовал он его с грустной благодарной улыбкой. – Там драки какие-то.

Как только Павел отошел на несколько метров, Катя мгновенно обняла Родиона и прижалась головой к его груди. После того как она поговорила с Томасом, отступить стало некуда и все сомнения остались в прошлом. Больше она сделать ничего не могла, и оставалось только довериться Родиону. А он, прекрасно понимая ее состояние, не представлял, как скажет сейчас о своем отъезде.

– А я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Катя.

– О чем? – спросил с любопытством Родион и облокотился на спинку.

Катя быстро забросила ноги на край скамейки, легла на спину, положила голову ему на ноги и, глядя снизу ему в глаза, ответила:

– Ты боишься, что я помешаю тебе заниматься делом, которое тебе нравится. Боишься, что засосет семейная рутина и жизнь растратится на пустяки, – Катя подняла руку и взяла пальцами пуговицу на его рубашке. – Но я постараюсь быть тебе полезной. Очень постараюсь. Поверь мне.

Он осторожно провел ладонью по ее щеке, нагнулся и поцеловал в губы. Катя радостно подалась к нему навстречу. У Родиона было ощущение, что все это уже когда-то происходило. И эта счастливая девушка, и эта скамейка, и это милое лицо в его ладонях, и этот поцелуй... Только не встреча с бывшим одноклассником.

– Ну что, голубки, воркуете? – скрипучим голосом спросил кто-то у них за спиной. И тут же раздавшийся смех, напоминающий кваканье жабы на болоте, вернул Родиона в очень далекое, липкое и неприятное прошлое.

– Ты, Рябов, с каких пор казаком стал? Ты вроде раньше мечтал в бандиты податься? – вместо приветствия бросил Родион, даже не собираясь изображать радость от встречи.

Герман Рябов вышел вперед, встал перед скамейкой, а два других казака остались сзади.

– Разговор есть. Сам с нами пойдешь или тебе помочь? –

злобно прошипел он и сплюнул на землю под ноги Родиону.

Прошло много лет, но Родион легко вспомнил эти налитые ненавистью маленькие глазки, которые сейчас злобно смотрели на него.

Он сразу понял, что одноклассник появился перед ним не случайно. И явно не с добрыми намерениями. Поэтому драки избежать и лучше бить первым. Если бы Катя не лежала на его коленях, он смог бы успеть сбить с ног тщедушного Рябова, пока те двое обойдут скамейку. Катя, не понимавшая что происходит, начала медленно подниматься с его колен. Он уже почти был готов вскочить и налететь на Германа, когда тот, предвидя такую ситуацию, кивнул стоящим за скамейкой казакам и один из них с размаху ударил Родиону сзади по затылку дубовой рукоятью нагайки.

– Ну вот, не хотел идти по-хорошему, значит, понесут по-плохому, – Рябов ногой столкнул потерявшего сознание Родиона на землю и стянул ему руки за спиной нейлоновым хомутом.

– Ну а ты? Сама пойдешь или как? – он вытащил из кармана нож, откинул лезвие и поднес к Катиному лицу. – Лучше быстрее двигай копытами, а то мы прямо здесь вас обоих кончим.

Катя была так потрясена произошедшим, что от растерянности только кивала головой.

– Этого под руки и в автобус, – распорядился Герман. – А ты, сучка, иди вперед, – сказал он Кате, – и не вздумай

попробовать убежать, а то я ему сразу горло перережу.

Они прошли через пустой двор и затащили Родиона в один из стоявших автобусов с наглухо тонированными стеклами.

– Заходи, чего застряла! – Рябов толкнул в спину, замешкавшуюся у автобусной двери Катю.

В автобусе Родиона бросили на сиденье, а Катю за кисть руки такой же пластмассовой стяжкой привязали к поручню в конце автобуса. Такими же стяжками заблокировали все двери.

– Вот что, милая, если хочешь жить, то сейчас сделаешь все, что мы захотим, – похотливо произнес казак с синяком. – Ну, ты понимаешь... – он попытался подмигнуть заплывшим глазом, но лишь сморщился от боли. – А не хочешь добровольно, то у нас веревок хватит. Нам так даже интереснее будет.

Катя уже пришла в себя и смогла реально оценить ситуацию. Она быстро сообразила, что помощи ждать неоткуда. Все на митинге. А если кто и видел произошедшее, то люди в форме, пусть и казачьей, ассоциировались с властью и поэтому вряд ли кто-то вызовет полицию. Да и полиции сейчас было не до этого: она занята митингующими.

Глядя на казаков, больше похожих на обычных гопников, Катя, выросшая в нищей деревне, хорошо знала с кем имеет дело. Она видела на их лицах очень ей знакомые симптомы наследственного алкоголизма и вырождения. Узкие покатые

лбы, сморщенные не по возрасту лица, провалившиеся под переносицу выцветшие глазки, которые смотрят на все вокруг абсолютно бессмысленно и вяло, а если в них что-то и появляется, то это лишь ненависть, страх или похоть. Половина ее одноклассников могли сойти за близнецов этих отморозков. Сейчас они паскудно улыбались, но она знала, что это легко может смениться неконтролируемой скотской злобой.

– Ну что решила? – спросил самый нетерпеливый, расстегивая ремень на гимнастерке.

– Хорошо, я согласна. Но после вы нас отпускаете, – решительным тоном ответила Катя, понимая, что других вариантов нет.

– Здесь условия ставлю я! – захрипел Рябов, делая шаг к Кате – Твоего жениха мы с собой увезем. А тебя, если все хорошо сделаешь, может и отпустим. А захотим, прямо сейчас на куски обоих порежем, – он опять рассмеялся квакающим смехом, как тогда у лавочки. Из рта вырывались хриплые булькающие звуки, а из глаз от истерической радости предвкушения мести текли слезы.

– Ты его не слушай, – соврал казак снявший ремень, – он шутит. Отпустим. И тебя отпустим и парня твоего.

Катя подумала, что если они привяжут ее к сиденьям, то все равно сделают все, что захотят и она не только не сможет помешать, но и тогда у нее, связанной, не останется никакого шанса что-либо предпринять для спасения себя и Родиона.

– Да, я все сделаю. Только потом выпустите нас.

– Потом и посмотрим, а сейчас пусть и он посмотрит, – Герман взял кем-то оставленную бутылку с водой и вылил ее на голову Родиона, чтобы тот очнулся.

Катя одновременно и обрадовалась, и растерялась. Он жив – ликовало сердце. Но если он увидит, что сделают с ней эти твари, это будет гораздо хуже самого насилия.

– Ты что, окончательно с ума сошел, – с трудом приходя в себя, выдохнул Родион.

– Да, Родичка, окончательно, – злобно ухмыльнулся Герман. – И ты в этом убедишься. Поверь мне, для тебя все только начинается.

Рябов схватил его за волосы и поднял голову так, чтобы Родион видел Катю.

– Думал, только тебе хочется с красивыми девками трахаться? Нет, Родя, видишь – остальные тоже хотят. Так что надо делиться. Ты не переживай. Мы сначала её порадуем, а потом и до тебя очередь дойдет, – Герман подошел к Кате и без всякой необходимости ударил ее в живот. – Начинайте, – скомандовал он, – а то скоро остальные с митинга вернутся. Всех может не выдержать, – злорадно добавил он, переполняемый счастьем.

Звон разбившегося бокового стекла и грохот от влетевшей в салон здоровой железной урны ошеломил казаков. Поэтому никто не помешал Томасу быстро забраться в окно. Вся испанская кровь в его огромном теле сейчас кипела. Он

был похож на разъяренного быка. Налитые кровью помутневшие от ярости глаза, прижатый к груди мощный подбородок с жесткой щетиной, искривленный ненавистью рот с частоколом крупных белых зубов, лохматая грива черных волос... Сто сорок килограммов смертельной злобы.

Если у растерявшихся казаков и был маленький шанс спастись, то они его упустили. Томас схватил за ножки лежащую на полу черную квадратную урну и, подлетев к первому оказавшемуся около него казаку, обрушил ее ему на голову. Можно было услышать хруст костей ломающихся рук, которыми тот пытался защитить свою голову. Урна вошла в череп углом и раскроила его почти пополам. Второй казак, успевший снять ремень, попытался схватить Томаса за руку, но был мгновенно отброшен и рухнул между сидениями. Он начал кричать от ужаса и боли, еще до того, как урна в руках Томаса опустилась на него первый раз. А Томас как лесоруб, несколько раз выпрямлялся, откидывая урну далеко за спину, и несколько раз опускал ее на визжащего казака. После нескольких ударов он затих. Рябов, пытавшийся перерезать ножом хомут на задней двери автобуса, чуть замешкался, и следующий удар пришелся ему на спину. Он сразу упал вниз в яму, где ступеньки и закрыл голову руками. Томас не стал его добивать, а лишь с размаху кинул в него урну и бросился к Кате.

– Ты как? – он опустился на колени и стал зубами перекусывать хомут.

– Нормально. Ты откуда взялся? – Катя, потирая затекшую руку, потрясенно смотрела на Томаса.

– Я из дома. В окно за вами немного подсматривал, а потом здесь кое-что успел услышать, – улыбнулся Томас. – Родион, ты живой? Это твои друзья были?

Они вдвоем подошли к нему и стали пытаться освободить его стянутые за спиной руки.

– Это наш общий друг – Гера Рябов, – ответил Родион. – Ты его разве не узнал?

– Это та мелкая гнида из нашей школы? Как он здесь оказался?

Освобождая Родиона от хомутов, никто не заметил, как Герман подполз к ним с задней площадки. И только когда он резко вскочил и несколько раз ударил Томаса сзади ножом в горло, закричала Катя. Перед тем как умереть, Томас схватил Германа и сдавил его горло своими толстыми пальцами. Тот несколько секунд дергал тонкими ручками, как препарированная лягушка. И по ужасу в его вытаращенных глазах, было ясно, что он и сам понял, что это смерть – шея его сломана, и черти его тащат куда-то, зацепив за кишки и жилы ржавыми крючьями.

Глава 40

То, что происходило на огромной площади, даже отдаленно не напоминало какое-то продуманное полицейское действие. В этом бардаке было не больше смысла и организо-

ванности, чем в деревенской драке после свадьбы. Речь уже не шла о вытеснении людей с площади. Без централизованного командования, разрозненные группы солдат действовали сами по себе. Где-то они, сцепившись друг с другом руками, пытались не допустить проход людей, сами не зная куда. В другом месте растерянный конопатый лейтенант приказал своим бойцам не допустить разграбление магазина, витрину которого разбили кирпичами и уже выносили коробки с товаром. Но от солдат отмахивались, как от назойливых мух, не думая прекращать воровство.

Не успевших скрыться казаков, ловили и избивали молодые ребята. Они были похожи на футбольных болельщиков, но настоящие они или такие же ряженные, как и сами казаки, никто не знал. После того, как казаков на площади уже совсем не осталось, хорошо организованные молодые люди переключились на общественный транспорт. Десятка два автобусов стояли вдоль тротуара, заблокированные еще перед митингом. Водители были на своих местах и ждали, когда можно будет продолжить работу.

Сначала болельщики попытались заполнить автобусы митингующими и рвануть в центр Москвы. Кто-то кричал в мегафон: «Пора вернуть Кремль себе!» Но ехать штурмовать Кремль никто не хотел. Людей, как обычно, больше интересовало разграбление магазинов. Выносили все: нужное и не нужное. Какой-то мужик тащил на плече женский манекен в купальнике, а в руке нес открытую бутылку вина,

из которой, останавливаясь, делал большие глотки. Пожилая женщина, скрюченная ревматизмом, нагрозила магазинную тележку картошкой и катила ее за собой, разгоняя толпу своей палкой. Симпатичная сообразительная мамаша вытащила из детской коляски ребенка и взяла его на руки, чтобы муж мог положить в нее несколько коробок украденного алкоголя. Некоторые магазины, в которых взять было уже нечего, поджигали.

Невидимые организаторы сообразили, что увезти людей в центр города не получится, и поменяли план. Грубо вытаскив нескольких водителей из автобусов, машины развернули поперек дороги, полностью перекрыв возможный подъезд. Но и этого показалось мало. Тогда у каждого автобуса собрали большую толпу, опрокинули их на бок и подожгли. Целый район оказался в западне.

Командир СОБРа, полковник Андрей Алексеевич Тушин, сидел за небольшим железным столом, прикрученным к полу, один в штабном КУНГе, стоявшим около разрушенной сцены. Он уже догадался, что происходит. Это в августе 1991 года для него, молоденького курсанта, было непонятно, зачем в Москву нагнали никому ненужные и бесполезные в той ситуации танки. Почему солдаты, выставленные в оцепление, делали все наоборот: специально перегораживали соседние улицы, чтобы случайные прохожие могли выйти только на площадь перед Белым домом. Кто привез на автобус-

сах пьяных, собранных непонятно откуда агрессивных людей. Но вечером, когда увидел по телевизору пьяного президента, он понял – организаторам нужна была красивая массовка для картинки, чтобы повторить уже отработанный еще в 1917 году сюжет с вождем революции, призывающим с броневика идти на штурм прогнившей власти. Как и тогда, никого штурма, конечно, не было. Для Тушина труднее всего было осознать, что все это лишь чудовищный обман многомиллионной страны. Поверить в это до конца, он тогда еще не мог. Это бы значило признать, что почти вся верхушка страны состоит из подлецов и предателей. Его служба стала бы бессмысленной.

Окончательно вера в честную и справедливую власть у него исчезла 13 января 1996 года. Поздно вечером его вызвали на доклад в штабную палатку. За два часа до этого, прямо у него на глазах пуля влетела в лоб его лучшего друга, Саше Сысоева, когда они лежали на сырой, перемешенной с грязным снегом земле, в оцеплении на окраине села Первомайское. Тогда ему казалось, что на этом клочке земли в излучине Терека сосредоточилось все зло на земле. Столько вранья, предательства, обмана и глупости он не видел больше никогда.

В центре палатки гудела раскаленная докрасна чугунная печка, со всех сторон обставленная валенками и сапогами, с развешанными на них носками и портянками. Чуть дальше, два больших стола сделанных из обычных дверей: один

с картами и схемами, другой с водкой и закусками. На экране маленького переносного телевизора выступал президент. Любому мужику, находящемуся в палатке, давно было ясно, что этот алкаш-подкаблучник в нахлобученной по самые брови нелепой большой песцовой шапке-ушанке давно уже не управляет страной. Все вершат никому не известные люди у него за спиной. Поэтому каждый раз, когда он появлялся на экране, у любого приличного человека от жгучего стыда сжималось сердце. Но сегодня он превзошел сам себя. Видно было, что ему уже удалось с утра обмануть охрану и выпить заветную чекушку. Поэтому, уже с трудом подбирая слова, явно сам не понимая, о чем говорит, он рассказывал миллионам россиян, как очень и очень тщательно подготовлена та самая военная операция по освобождению заложников, в которой сейчас участвовал Андрей Тушин. Потом этот сумасшедший человек, президент огромной страны рассказал про каких-то тридцать восемь снайперов. Для наглядности он приложил к плечу воображаемую винтовку и начал с трудом, по-старчески осторожно, кружиться на месте, демонстрируя окружившим его прихлебателям, как снайперы следят за назначенными целями. Тушин смотрел на свои мокрые, грязные ватные штаны, которые от жаркой печки уже начали дымиться, и слушал, как президент объяснял, что если заложники разбегаются в разные стороны, то террористам их труднее убивать.

Рота, в которой служил Тушин, была уже сутки на пози-

ции, а горячую еду ни разу не подвозили. Запасы сухого пайка кончились. А пропитый голос талдычил: «Все продумано до мелочей. Я вам гарантирую, что каждый бандит под прицелом и все заложники будут освобождены буквально вот-вот, с минуты на минуту...»

Андрей думал, что скажет жене погибшего друга, у которой остались двое совсем маленьких детей. Если бы этот самовлюбленный болван, загнавший по пьянке в нищету и безнадёгу всю страну, сейчас оказался здесь, в Первомайске, и военно-полевой суд приговорил бы его к расстрелу, то Тушин не раздумывая, вызвался бы исполнить приговор тут же, на месте, где-нибудь за этой палаткой.

Как боевой командир, он считал, что такое отношение к своим обязанностям для человека, отвечающего за жизни ста пятидесяти миллионов человек, это подлое предательство.

Следующие двадцать пять лет своей жизни Тушин сотни раз сталкивался и с предательством, и с коррупцией. Он заставлял себя думать, что это уже стало неизбежным злом, и он ничего не может изменить. И что, главное, не замараться в этом самому. «Тебе что, больше всех надо? – умоляла не вмешиваться жена. – Не можешь терпеть – выходи на пенсию. Купим маленький домик в Анапе. Будем фрукты выращивать, курочек заведем. С голоду не умрем».

Анапа, не Анапа, но бросить все и вернуться в старый родительский дом в десяти километрах от есенинского Констан-

тиново ему хотелось безумно. Он вспоминал, как пацаном бегал на рыбалку через заливные окские луга, пугая птенцов куропаток, еще не умеющих летать, быстро прячущихся в густом разнотравье. Вспомнил как бесконечные ржаные поля за деревней, в конце августа превращались в золотое, шумящее от сильного ветра, море.

Первый раз Андрей Алексеевич не знал что делать. Выбор был такой: нарушить приказ генерала, то есть по факту пойти против государственной власти, или признать что ты не российский офицер, а обычный трус и приспособленец и вся твоя жизнь не имела смысла.

Он не сомневался, что это часть какой-то грандиозной провокации. Генерал Кузнецов, может и циничный мерзавец, но он профессионал. И никогда бы не стал устраивать подобные рискованные качели лишь для того, чтобы разозлить народ без какой-либо цели. Но вот какую цель он преследовал, Тушин понять не мог. А времени разбираться не было. Каждую минуту события грозили пройти точку невозврата. Жаловаться на действия генерала? Кому? Министру? Тот не сможет быстро отреагировать. А если все как в 91-ом году? И все министры давно продались?

Вообще, было похоже, что все руководство куда-то испарилось. Будто никто не хотел вмешиваться. Хотя кому там наверху вмешиваться: столько лет отрицательного отбора...

А действовать надо прямо сейчас. Выявить и нейтрали-

зовать всех уличных провокаторов. Успокоить гражданских. Трудно, но еще возможно. Для этого нужен приказ Кузнецова. А такого приказа он не даст. Значит, крови будет еще больше. И потом уже цепная реакция с непредсказуемыми последствиями, остановить которую будет уже невозможно.

Тушин понимал, что беспорядками воспользуется тот, кто стоит за Кузнецовым. И вероятнее всего, для смены власти в стране. Никогда в мировой истории перевороты и революции не приносили пользу стране. За сладкими невыполнимыми лозунгами скрывались очередные жулики, желающие прорваться к кормушке. А кризисом власти, который при этом образовывался, всегда пользовались открытые враги. А страна скатывалась в нищету. «Неужели и сейчас так? Тогда, Кузнецов враг? А если нет? Может плюнуть на все? Уйти на пенсию? Сидеть ранним утром с удочкой на берегу Оки, любоваться на солнце, разгоняющее туман над водой. А смогу я смотреть на себя в зеркало, бреясь по утрам? Что будет со страной? Сохранится ли она? Или распадется, как СССР после похожей провокации в 1991 году?»

Низкая железная дверь открылась и в нее, согнувшись, чтобы не зацепиться фуражкой, вошел Кузнецов.

– Вы чего, полковник, здесь прячетесь? переворот затеаете?

Несмотря на демонстративно грубый тон, по скованным движениям и по глазам, смотрящим в сторону, Тушин видел, что Кузнецов очень нервничает. Поэтому решил действовать

незамедлительно.

– Ты лучше, генерал, скажи мне, что ты здесь затеял? – Андрей Алексеевич пытался поймать взгляд Кузнецова, чтобы понять соврет он или нет. Но тот, молча отошел к маленькому мутному окошку и даже не стал реагировать на неуставное обращение.

– Если ты немедленно не примешь меры, я тебя арестую, – не получив ответа, предупредил Тушин и встал из-за стола.

Генерал повернулся от окна, сложил руки за спину и устало улыбаясь, ответил:

– Арестуешь? Хорошо. Только объясни мне сначала, зачем тебе это нужно. Вот я, понятно, за деньги... За очень большие деньги стараюсь, а ты? Ради чего? Ради этих людей? Допустим, я немного дровишек подбросил и поджог. Но машины жечь кто начал? А витрины в магазинах бить? А тащить все оттуда, пользуясь случаем? Это кто делает? Я почти уверен, что по углам уже и грабить начали, и насиловать. Ты же тридцать лет на службе – все сам знаешь. А не веришь, вон, в окошко посмотри.

– На что способен человек, я не хуже тебя знаю. Только наша работа в том и заключается, чтобы здесь не законы джунглей работали, а человеческие законы.

– Прекрати эту демагогию! – зло выкрикнул Кузнецов. – Человеческие законы, джунгли... Ты мне еще про Маугли расскажи. Закон везде один. И в джунглях, и в обществе. «Каждый сам за себя». Тот же Маугли за свою семью дер-

жался, а семья у него – волчья стая. А друзья у него – хищники. И жрал не траву, а всех, кто его слабее. Такова природа человека. С этим ты ничего не сделаешь. А все сказки про «возлюби ближнего», про «подставь вторую щеку» – это для самоуспокоения рабов и неудачников.

– То есть просто деньги? – насмешливо уточнил Тушин.

– Да, деньги, – честно ответил Кузнецов. – Деньги – это власть. Ради власти над другими, все в мире и крутится. Начиная от джунглей и кончая Генеральной ассамблей ООН. Я верю только в эту религию.

– То есть все лишь ради денег? – повторил Тушин, глядя куда-то в сторону опять вспомнив заливные луга и старицу с огромными карасями на противоположном берегу. Потом рассмеялся, расстегнул кобуру и вытащил пистолет. – Только у меня своя религия. Я свои заповеди сам себе написал. Там у меня про вторую щеку ничего нет. И поэтому или ты здесь сейчас сам себя кончишь, или я тебя у всех на глазах прямо на сцене расстреляю. Выбирай.

В глубине души Кузнецов знал, что как-то так все и получится. Уже не один год он, ворочаясь по ночам без сна, просчитывая возможные варианты, понимал, что какого-то хорошего выхода для него не существует. Его мечта уехать отсюда, никогда не осуществится. Всем он был нужен только как генерал-майор Кузнецов. На следующий день после увольнения, все его деньги отняли бы и там, и здесь. А самого, скорее всего, тихо придушили бы подушкой и записали

эту смерть на сердечный приступ. Слишком много он знал лишнего. И слишком многим перешел дорогу в своей жизни. Видимо количество зла, которое он совершил, переполнило какую-то чашу там наверху. И пора дать за все ответ.

Еще несколько минут назад Кузнецов был уверен, что за те деньги и за возможность вытащить из тюрьмы сына, он готов положить здесь на площади столько людей, сколько понадобится. А любому, кто встанет у него на дороге, он зубами горло перегрызет. Но сейчас вдруг обмяк и сдался, легко и даже с облегчением.

А может, он был просто уверен, что этот обычный курносый рязанский мужик, с невзрачным скуластым лицом, глубокими длинными морщинами на лбу, чуть скрытыми светлыми волосами и голубыми спокойными глазами выполнит свое обещание. Генерал даже не испугался. Он всегда чувствовал, что умрет не в той теплой стране, где он копил и прятал свои деньги, а здесь дома. Ему лишь было обидно, что проходя по одним с ним дорогам, Тушин смог сохранить то, что дает ему возможность уважать себя и, помирая, он сможет сказать самому себе: «Ты все сделал правильно». А ему, генералу Кузнецову, придется сейчас сдохнуть, зная, что его деньгами, которые были той иллюзией, ради которой он жил, ради которых он сделал столько мерзости, воспользуются чужие неизвестные ему люди.

– Что решил? – спросил Тушин. Взгляд у него был уверенный, как у человека, который знает, что нужно делать и ко-

торый знает, что то, что он делает, правильно. Кузнецову захотелось, чтобы Тушин хотя бы напоследок подумал о нем хорошо и поэтому, коротко ответил.

– Выйди, я сам.

Глава 41

«Интересно, он знает, что Софья нашла себе молодого любовника? – подумал Семен, глядя на улыбающегося Прохора. – Даже если и знает, похоже, ему на это наплевать. Не изменился. Весь сияет как юноша на первом свидании. Ну ничего, сейчас мы его немножко опечалим».

Об этой неофициальной встрече попросил Прохор, когда его прекрасный план регулируемого протеста в Некрасовке провалился и там начался безобразный, неконтролируемый и очень опасный бунт. Прохор знал, что стоит за этим его бывший однокурсник и приятель. Знал он, и чьи интересы тот представляет. Поэтому, когда все вышло из-под контроля, решил разузнать, какая, собственно, у Семена цель. Встречу назначили на нейтральной полосе: между их домами, под липами на Покровском бульваре. Здесь ничто не говорило о кровавом погроме на окраине столицы. Красивые девушки, дорогие машины, тихий шелест зеленой листвы, мягкие белые пенистые облака в бесконечном голубом небе... Даже вони от свалки больше не было. То ли ветер переменялся, то ли липовый цвет нейтрализовал все прочие запахи.

Они не виделись лет двадцать. И сейчас Прохор со злорадным удовлетворением смотрел на обрюзгшего, расплывшегося, облысевшего и почти круглого Семена, разделенного как большой мяч ремнем на две половины. Верхнюю: в белой рубашке с твердым воротничком, который впился в его толстую короткую шею. И нижнюю: в черных широченных брюках со стрелками. В руке он держал большой кожаный коричневый портфель с двумя медными замками, напоминающий тот, с которым Прохор ходил еще в институт. Подойдя ближе, он увидел умные внимательные глаза и почувствовал, как Семен быстро просканировал его от кончика носа, до самой потаенной мысли, спрятанной Прохором даже от самого себя. Чтобы скрыть смущение, Прохор начал преувеличенно бодро:

– Привет, дорогой Семен Тимурович! Помнишь ли ты, как на этом самом месте ты напился так, что тебя забрали в вырезатель? А я из солидарности поехал с тобой.

– Лучше бы ты тогда остался на свободе и нашел бы денег на взятку, чтобы нам там не пришлось ночевать на железных кроватях, связанными в позе «ласточки», – добродушно улыбаясь, ответил Семен.

Они обнялись, что на такой жаре не доставило им удовольствия.

– Если бы тогда милиция знала, что перед ней будущий глава российского либерализма, – иронично заметил Прохор.

– И будущий спаситель земли русской от глобальных проектов мирового правительства, – съязвил Семен и аккуратно похлопал своей пухлой ладошкой по плечу старого приятеля.

– Тогда СССР казался вечным. И мы мечтали всего лишь о месте секретаря райкома партии и государственной черной «Волге» у подъезда, – с ностальгией вспомнил Прохор.

– Да уж. О том, что мы будем с тобой серьезно обсуждать участь оставшегося от Советского Союза куска страны в виде Российской Федерации, нам могло прийти в голову только в сумасшедшем доме, – вернул его в действительность Семен.

– Мы действительно будем обсуждать такие мрачные перспективы? – Прохор шутливо нахмурил брови. – Тогда, может, бутылочку возьмем? Можно, конечно, пойти в ресторан... – он посмотрел по сторонам, потом вверх на кроны деревьев, – но больше хочется в скверике.

– А я все взял, – Семен приподнял и потряс свой большой портфель.

– Ну ты даешь! – искренне восхитился Прохор. – Как ты догадался?

– Я вчера смотрел у себя дома в окошко на распивающую компанию в соседнем дворике... И завидовал... Сейчас мне кажется, что я тогда уже спланировал весь сегодняшний день.

– У тебя появился дар предвидения? – предположил Про-

хор. Потом, на секунду задумавшись, шутливо спросил: – А нас здесь опять не арестуют? Что твой дар говорит?

– Вообще-то, кроме всего прочего, я генерал ФСБ. Так что арестовать меня сложно будет, – успокоил его Семен. – Да и за тобой, я уверен, приглядывают специальные люди. Но мы все равно, чтобы окружающие не завидовали, все делаем незаметно. Я перелил коньяк в термос – никто даже не заподозрит. Со стороны – просто два старых приятеля решили выпить чай в парке... с лимончиком.

– Ты гений! – воскликнул Прохор и громко расхохотался. – Как по-твоему, Милютинский парк, который сейчас прямо напротив нас, подойдет для обсуждения будущего страны?

– Лучше места и не придумаешь.

Они перешли дорогу с трамвайными путями, открыли высокую чугунную калитку и оказались в небольшом безлюдном сквере со столетними деревьями и аккуратными дорожками под ними. Приятели удобно расположились на одной из скамеек с облезшей краской, которая, казалась, так здесь и стояла со времен их молодости. Тут же выпили, быстро, как в старые добрые времена.

Через несколько минут Прохор почувствовал состояние легкого приятного опьянения, даже не заметив, как прошла ноющая боль в затылке. Ему показалось, что он стал видеть мельчайшие детали, различать ранее не замечаемые запахи, острее понимать происходящее. Под ногами в песочке с го-

моном прыгали воробьи, а чуть дальше ворковали голуби, в надежде на возможные подачки. Прохор поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется ничего обсуждать, а хочется опять стать молодым беззаботным студентом. Но Семен опять вернул его в реальность.

– Тридцать лет назад, если ты не в курсе, договор был такой: мы сохраняем Россию, как единое государство, а вы обещаете привести ее во всем под общемировые стандарты: от прав человека до свободы предпринимательства и сокращения вооруженных сил. Прошло достаточно лет и можно подвести итоги. Договор вы не выполнили по всем пунктам. Не знаю, из-за неспособности или из-за нежелания – это уже не важно. Собственно, мне поручено заявить, что договора больше нет и мы закрываем проект «Россия». Завтра об этом узнает весь мир.

– Ну, Семен Тимурович, – капризно пропел Прохор. – Даже мелкому воришке объясняют, за что его наказывают, а тут все-таки 150 миллионов человек. Может, расскажешь более подробно?

– Вообще-то, 150 миллионов ни о чем не спрашивали. Но тебе, как старому приятелю, с которым я в этом скверике не одну бутылку портвейна выпил, я объясню. Но для этого придется сделать небольшой экскурс в историю.

Семен к любому делу подходил основательно. Коротко объяснить то, над чем он думал несколько лет, было трудно. Да и хорошо помня характер неусидчивого Прохора, он знал,

что долгих лекций тот не выдержит. – Ты не торопишься? – переспросил он на всякий случай.

– Да нет, не тороплюсь, – думая уже о чем-то своем, ответил Прохор, – Я когда сюда шел, посмотрел на высотку на Котельнической и мне показалось, что она какая-то маленькая стала...

– Маленьким стал весь мир, – назидательно уточнил Семен. – Раньше за речкой у Павелецкого вокзала жили другие племена. А сейчас... Да, мир стал маленьким и поэтому очень уязвимым. Время для экспериментов закончилось. Миром должен управлять один настоящий хозяин.

– Твой экскурс уже начался? – Прохор явно не был настроен на серьезный разговор. Он смотрел вокруг, как будто очнулся после долгой болезни. Даже события в Некрасовке сейчас его уже не волновали. Но Семен был настойчив.

– Если ты не забыл, то история России более тысячи лет назад началась с того, что славянские племена, убедившись в невозможности самостоятельного управления самими собой, сами призвали на княжение и руководство соседей-варягов.

– Помню, конечно. «Земли наши богатые, но люди мы неразумные. Придите и владейте нами». Только все это сказки, написанные Рюриками, чтобы оправдать свой бандитский захват этих самых племен, – будто отмахнувшись, ответил Прохор.

– Может быть. Но сути не меняет. История России нача-

лась, когда добровольно или нет, местные племена оказались под властью иноземцев. И это было началом государственности.

Семен все больше увлекался, представляя себя лектором перед нерадивыми студентами.

– Одни бандиты отжали землю, а население использовали для собственной защиты от других бандитов и личного прокормления. А чтобы все это оправдать, называли государством, – насмешливо заметил Прохор.

– Следующий важный этап – объединение Руси организовали татары для удобства сбора дани, – будто не заметив прохоровского комментария, продолжал Семен. – Объединив всех этих Рюриковичей для удобства сбора дани. За триста лет, те татары ассимилировались и почти растворились. Остатки их разогнал хромой Тимерлан. Россия стала свободной, – он сказал это печально, как о каком-то большом несчастье. – Без внешнего управления здесь опять начался бардак: безвластие, грабежи и убийства. То, что теперь называют Смутным временем.

– Семен, можно чуть покороче. Ближе к делу, – демонстративно позевывая, попросил Прохор.

– Необходимо важные акценты сделать. Могу вообще ничего не говорить, но ты же сам просил разъяснений, – обиделся Семен. – Если тебе не важно, почему завтра от России останется лишь история, то...

– Ладно-ладно, – добродушно перебил Прохор. – Я весь

внимание. Давай только выпьем твоего замечательного коньяка еще по одной.

Семен опять открыл с термоса две железные крышки и аккуратно налил в них коньяк. Они молча выпили, лишь кивнув друг другу. Семен взял дольку лимона понюхал и продолжил:

– Чтобы закончить кровавую Смуту европейцы посадили на российский престол своих ставленников Романовых. Плохо ли, хорошо, а триста лет они, точнее под их именем немецкая Гольштейн-Готторпская династия руководила страной до февраля 1917 года. Пока их не скинули. Причем скинули не большевики, как нам долго твердили...

От последней рюмки Семен захмелел. Стал говорить не так уверенно и даже неожиданно икнул. Теперь он уже рассказывал все это не воображаемым студентам и не Прохору, а какому-то невидимому, но давно знакомому оппоненту. Он тряс перед своим животом указательным пальцем. Хмурил брови и недовольно покачивал головой.

– Скинули царя-батюшку не инородцы во главе с Лениным и Троцким, – он раздраженно постучал пальцем по лавочке, – а самые что ни есть русские аристократы. Вместе со священным Синодом и генералами Генерального штаба. То есть мы видим обычный переворот, с целью освободиться от внешнего управления. Продержались, правда, всего полгода. Тогда Запад попробовал в России одну идею опробовать и прислал гуманитарный десант в пломбированных ва-

гонах. Идея была хорошая, но не прошла... Опять смутное время гражданской войны и миллионы, миллионы никому не нужных жертв. Может быть, тогда и надо было все закончить с этой страной...

Семен задумался. Казалось, этот вопрос он адресовал сам себе. И сейчас от него, Семена, зависело его решение. Потом глубоко и печально вздохнул, и решив, что упущенный шанс все равно не вернешь, продолжил:

– Но американцы, – теперь свой указательный палец он направил строго вниз, видимо показывая сквозь земной шар где находятся добродетели, – решили сделать здесь всемирную фабрику, как сейчас в Китае. Привезли целые заводы, технологии, инженеров. Магнитка, ДнепроГЭС, ГАЗ, ЗИЛ... Полторы тысячи современных предприятий, – он несколько раз с сожалением процокал языком, как будто это он сам привез в Россию из США эти заводы, потом раскинул руки в стороны и, подождав немного, зло выкрикнул, обращаясь к невидимому собеседнику: – Но опять объявился спаситель земли русской – хитрожопый грузин... Который решил, что ему запахло под кем-то ходить и что он теперь «сам с усами». Решил всех переиграть... А в результате страшная война. Опять десятки миллионов погибших. За пятьдесят лет двадцатого века потери превысили половину мужского населения. Лучший генофонд страны, – теперь уже Семен сам, без напоминания, совершил процедуру разлива коньяка.

– Ты не зачастил с напитками? – не очень настойчиво попытался его остановить Прохор.

– С такой историей любой сопьется, – чокнулся с ним Семен своей крышечкой, что было знаком перехода уже в другую стадию опьянения.

– После Победы, – он поморщился от коньяка, но не стал закусывать лимоном, – было лучшее время, чтобы на хороших условиях войти в мировое сообщество. Но нет. «Мы оставшийся народ на лебеду посадим, но тварью дрожащей не станем. Мы же право имеем». Эх, знал русского человека, Федор Михайлович... Широк...

– Но ведь получилось, – очень тихо перебил его Прохор. – Построили государство, которым можно было по-настоящему гордиться. Ценой немыслимых жертв и лишений, несмотря на то, что гнилое мировое сообщество фактически вело с нами войну... но построили... – Прохор смотрел на землю под ногами, пытаясь носком ботинка что-то нарисовать. – Я все стеснялся тебя спросить: а правда, что твоего деда расстреляли по личному приказу Сталина?

– Полная ахинея. Мой дед погиб при создании ядерного оружия. Получил в 1949 году огромную дозу радиации. И посмертно Сталин наградил его званием Героя Советского Союза.

Семен опять налил коньяк.

– За титанов! – сказал он и выпил первым, теперь уже закусив долькой лимона, лежащего на салфетке.

Прохор с удивлением понял, что не так все просто в душе у Семена. И может, не очень-то он хочет ломать то, что создавалось и его предками в том числе. Значит должна быть какая-то причина.

– Вот теперь начинается наша история, – Семен сразу погрузился, перейдя к современности, – детей и внуков тех гигантов. Это про нас с тобой. Надоело нам быть первыми в своем колхозе, а захотелось там... Пусть не «владычицей морской», но... А как этого достичь? Да как всегда делала российская элита: путем ограбления своего народа. Хорошо что хоть нефть нашли, а так бы опять свой народ на невольничьих базарах по всему миру продавали... Как при Рюриках.

– Да мне эта мысль тоже покою не дает, – взволнованно выкрикнул, будто очнувшийся Прохор. – Тогда, в начале девяностых, нынешних олигархов из лучших комсомольцев выбирали. А теперь, когда выросли...

– Ты меня плохо слушал, – мягко, но свысока, ответил Семен. – Все как всегда в нашей истории. Когда в девяностых разломали СССР, нефть стоила копейки и ее с трудом хватало на американские куриные окорочка. Тогда наши с тобой друзья мечтали украсть сотню тысяч и свалить в белых штанах в Рио-де-Жанейро. А потом нефть подорожала. И их осенило очередной раз: «Не твари же мы дрожащие, чтобы быть на побегушках. С такой нефтью мы и сами страной руководить можем». А в результате, – Семен обреченно мах-

нул рукой, – что не украли, то надкусили. Что не надкусили, то просрали.

– Семен, дорогой мой, но я же думаю о том же самом, – оживился Прохор. – Вот и решил их всех зачистить. Для этого и митинг затеял. Чтобы повод был... Как бы по просьбам трудящихся...

– Да знаю я все, – раздраженно обрезал Семен. – Только поздно, – он выпятил вперед и без того сильно выпирающую нижнюю губу и говорил уже надменно, как об уже оконченном. – Я тебе все это рассказал, чтобы ты понял главное: есть народы самостоятельные, а есть не очень. И тысяча лет российской истории это подтверждает. Не очень мы самостоятельные. А наша национальная великорусская гордость отчасти привита нам извне для нашего же успокоения. Реальными делами она никак не подтверждается.

– И какой у тебя план? – быстро остыв после короткой вспышки, понуро спросил Прохор.

– Да, собственно, все очень просто. Раздел России на двадцать-тридцать небольших государств и организация внешнего управления.

– А не разделяя это нельзя сделать? – удрученно поинтересовался Прохор.

– Проблема большого государства с историческим прошлым и богатыми ресурсами в том, что постоянно находится желающий, – назидательно сказал Семен и, усмехнувшись, с намеком посмотрел на приятеля, – стать очередным благо-

детелем и спасителем земли русской. А рядом с ним сразу появляется всякая мразь, которая ссыт ему в уши о величии, а сама тащит с двух рук. У Сашки Меньшикова в Голландии спрятано денег было больше, чем годовой бюджет всей петровской империи. И у нынешних там же и не меньше. Уж я-то точно знаю.

– А у тебя термос на сколько литров? – спросил Прохор, желая сменить тему.

– Обижаете, я дозу знаю, – Семен повторил чайно-кофьячную церемонию и они опять выпили.

– Я уверен, что большинство были бы против раздела России, – не очень уверенно заметил Прохор.

– А хочешь, мы сейчас референдум прямо здесь проведем? – вдруг развеселился Семен, видимо вспомнив, что после этой дозы алкоголя они обычно пытались познакомиться с девушками. – Вон, спросим у той... с коляской.

–Извините, здравствуйте, – Прохор встал и обратился к проходящей мимо них симпатичной девушке. – Мы с приятелем ведем один научный спор... Могли бы вы нам помочь, ответив на один вопрос?

Молодая мамаша остановилась. Покачивая коляску, она внимательно посмотрела сначала на Прохора, потом на Семена и убедившись, что старички безобидны и вряд ли пытаются таким образом с ней познакомиться, коротко ответила:

– Да, конечно.

– Согласились бы вы на раздел России на двадцать небольших государств, при условии, что ваш уровень жизни улучшится в два раза? – Прохор пытался изобразить в глазах крайнюю заинтересованность. Но из-за выпитого коньяка это больше напоминало какое-то нервное подмигивание.

Девушка обиделась и, объезжая его коляской, высказала:

– Для того, чтобы поднять уровень жизни, надо меньше пить в детском парке и больше работать, – чуть отъехав, она остановилась, проверила ребенка и оглянувшись добавила: – Вы своим коньяком весь парк провоняли. Не стыдно в вашем-то возрасте на скамейках пить и к молодым мамам приставать?

– Кошелка, – тихо прошипел обиженный Семен, когда девушка укатила.

– Так может, просветишь, наконец, что дальше будет? – тоже немного расстроенный, спросил Прохор. – Ну разделили страну... Станет губернатор местным царьком. Почему ты думаешь, что людям легче станет?

– А не будет никаких губернаторов, царьков, князьков и ханов, а так же никаких бандитов-олигархов. Будут просто наемные менеджеры, как во всем цивилизованном мире, – раздраженно ответил Семен.

– А кто их назначать будет?

– Хозяин естественно. Мы же с этого и начали. Хозяин должен быть один.

– То есть даже не народ? И выборов не будет? – язвительно

уточнил Прохор.

– Ну, Прохор, – Семен поморщился, – хватит уже.

Он неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. Поднял термос. Поболтал. И убедившись, что в нем уже не булькает, убрал в портфель, а оттуда вытащил другой. Достал из кармана брюк большой платок и протер свой огромный потный лоб.

– Пойми, Проша, ты делаешь ставку на местную элиту. А это для России главное зло. Те, кто должен быть ее гордостью, солью земли, локомотивом прогресса, как правильно заметил Владимир Ильич, является говном нации, – Семен говорил очень громко и даже стукнул рукой по лавочке.

Прохор приложил указательный палец к губам, показывая, что надо говорить потише. Но Семен разгорячился.

– Российские рентные аристократические элиты или коррумпированные чиновники – чума для страны. Они не заинтересованы в прогрессе. А их дети – чума в квадрате. Они лишают страну будущего отсутствием заинтересованности в прогрессе, уничтожением социальных лифтов. Надо же наконец освободить народ. Годы пресловутого рабства в США почти год в год совпадают с годами рабства в России. Здесь его историки стыдливо называли крепостным правом. Но в Америку рабов привозили из Африки. Местные индейцы не хотели быть рабами и были уничтожены. Наша элита рабами сделала свой народ. Это не элита страны, а всегда готовая к предательству пятая колонна. Она продается

быстрее проститутки с Курского вокзала. Поэтому первым делом ее надо вытравить... хлоркой, дустом, дихлофосом... У вас давно уже не заседание российского правительства, а шабаш иностранных разведок. Вот Сталина ругают за то, что он загнал в лагеря и уничтожил всех участников какого-то партийного съезда. А так уж ли он был неправ? Если сейчас взять Государственную думу или верхушку армии и полиции? Да там же вор на воре, предатель на предателе... Расстреливай, не ошибешься. Поэтому, только наемные чиновники, которые одинаково ответственно подходят к своей работе. И им неважно – Шанхай это, Калькутта или Архангельск. Им важен результат, по которому их оценивает руководство. А не факт личной преданности и умение лизать царственную жопу, как сейчас.

Прохор положил руку на колено разгорячившегося Семена, другой рукой делая ему знаки говорить не так громко.

– Что плохого я предлагаю?! – уже почти кричал Семен. – Любой человек со мной согласится!

Семен выговорился и затих. Вытянул вперед свои короткие ножки, сцепил пальцы на круглом животе и уже тихо добавил:

– В долгосрочной перспективе все равно весь мир будет таким. Вопрос времени. Мы с тобой можем обсуждать только условия капитуляции. И учти, пряников и печенок на всех не хватит.

– Дежавю, – тихо прошептал Прохор. Помолчав, продол-

жил уже нормальным голосом: – Верись, Семен, вчера наш народ, в лице моих одноклассников меня тоже объявил предателем. И виновником уничтожения СССР. Обещали расстрелять при случае. А сегодня ты мне говоришь, что я во вред людям пытаюсь сохранить Россию. Что мне делать? Кого слушать?

Семен сидел молча, глядя перед собой. Будто объявил молчаливый бойкот. Прохор взял термос, налил только себе, выпил и, нервно постукивая согнутыми пальцами по своему колену, повторил, растягивая каждый слог.

– Де-жа-вю...

Семен продолжал молчать. Он был уже сильно пьян. И как все пьяные, выговорившись, не хотел больше никого слушать. Прохор встал и, обойдя скамейку сзади, положил обе руки на плечи приятелю.

– Сколько раз за последние сто лет Россию называли «империей зла» или «тюрьмой народов» и объявляли на нее крестовый поход? Наверное, каждые лет тридцать? А? – он нагнулся к Семену, но тот продолжал упрямо молчать. – И каждый раз очередная недотраханная клуша из института благородных девиц, – Прохор взмахнул руками и сделал гримасу, как будто проглотил таракана, – впадает в невротическую истерику и визжит: «Раздавите эту гадину!» А ей поддакивает бесполоый актер с мозгами вечного студента: «Свобода, равенство и братство». Гадину-государство раздавят, а народ со своими проблемами и заботами остается прежним. Не до-

ждавшись быстрого результата, эти рафинированные, утонченные «Шерочки с Машерочками» надевают кожанки, вешают на бок маузеры и гонят этот народ за колючую проволоку... На перековку... Вот ты, Семен, опять все это начинаешь... – Прохор вернулся на свое место сел и спросил: – Где-то здесь был туалет?

– Кстати, да, – Семен как-будто пришел в себя, – ты что, забыл? Вон там, у забора.

Они прошли под деревьями к невысокому каменному заборчику, за которым начиналась лестница куда-то вниз.

– Вспомнил! – радостно вскрикнул Прохор. – Ничего не изменилось.

Они, пошатываясь, спустились по ступенькам и оказались в небольшом помещении отделанным белой кафельной плиткой с яркими люминесцентными лампами на низком потолке. Вдоль стены на разных уровнях висели фарфоровые писсуары.

– Да. Ничего не изменилось, – сказал удивленный Семен и его слова отразились от стен глухим эхом.

– Вот только раньше бомжа не было, – отозвался Прохор, указывая на спящего в углу человека, олицетворяющего безмолвствующий народ.

Они встали рядом, делая дело, за которым пришли и рассматривая стену перед собой.

– То, что ты говоришь, все красиво и вроде правильно, – вернулся к разговору Прохор, не прерывая процесс, – но

сколько в истории было таких правильных красивых слов... Только если отбросить всю словесную шелуху, то, что останется? Вместо выборов – менеджеры, вместо религии – голливуд, вместо Бога – Бэтмен или Человек-паук? А всем этим управляет какая-то зашифрованная кучка людей с некому не ясными интересами. То есть утопический социализм с методами либерального фашизма. В России на все эти эксперименты чутье в силу исторического прошлого.

– А почему утопический? – не поворачиваясь, спросил Семен.

– Потому что, Семен, ты толстый, а я худой. Бомжу нравится спать у стены, а молодой красивой девушке спать с любимым и богатым женихом. Люди разные. Очередные попытки сделать всех счастливыми под одну гребенку... Все эти ваши глобальные проекты приводят то к крестовым походам, то охоте на ведьм и кострам инквизиции, то к Гулагу, то к другому какому-нибудь другому очередному дракону...

Прохор подошел к умывальнику, включил воду и начал мыть руки.

– А если очень просто, то ваша цель – вытравить в человеке все человеческое... Сделать касту рабочих муравьев, практически зомби-роботов... рабочих пчел. И касту избранных, для которых собственно мир существует, и Земля крутится, и пчелы делают мед. Это же такой кайф – сделать весь мир послушным тебе стадом. Мечта любого закомплексованного задрота, – Прохор со злорадством подумал,

что Семен может обидеться из-за последней фразы и самодовольно улыбнулся.

Семен тоже помыл руки и, глядя сбоку на Прохора выпуклыми ставшими почти стеклянными глазами, ответил:

– А порка холопов за амбаром для процветания местных князьков разве не то же самое? Мы убираем вас – лишнее звено... Которое создает максимальную нагрузку на страну, да и на весь мир.

– Хорошо. Убедил, – уставшим голосом согласился Прохор. Он что-то увидел в зеркале на своей щеке и сейчас приблизившись, пытался рассмотреть это получше. Видно было, что ему надоел этот разговор. – Только мне одно не понятно. Тебе-то это зачем? Ты же сам лишнее звено... никому не нужное... Неужели ты не понимаешь?

– А может ты и прав, – неожиданно согласился Семен, – И оба мы с тобой просто жалкие тряпичные куклы-марионетки в чужих руках...

Прохор от удивления оторвался от зеркала и оглянулся на Семена.

– Ты сейчас о чем? – спросил он, с трудом фокусируя взгляд.

– Ты не поверишь, но все тридцать лет после института, я почти каждый день с тобой спорил, пытался объяснить важные вещи. Это как сумасшествие...

– Это мне льстит. Только не очень понятно, почему именно со мной?

– Я тебе сейчас открою одну тайну, – Семен, чтобы не качаться, оперся одной рукой о стену и трагическим пьяным голосом заявил:

– Я всю жизнь любил твою жену. А после вашей свадьбы я тебя возненавидел. И поэтому каждый день готовился к этому сегодняшнему событию. Тридцать лет мечтал доказать тебе, себе и главное Софье, что она ошиблась, выбрав тебя, – Семен смешно тряхнул головой и гордо задрал вверх подбородок, уставился на Прохора.

– Подожди-подожди... То есть все, что ты делал... – Прохор подошел к Семену поближе и тоже оперся рукой о стену. – Вот это сегодня... там, на площади в Некрасовке... вчера... всю жизнь ты потратил, чтобы доказать моей дуре-жене, которая трахается сейчас с каким-то молодым художником, что она сделала ошибку, окрутив меня, а не тебя?

Семен почувствовал страшную усталость. Голова кружилась. Ноги стали ватными. Он зашел в кабинку и сел на унитаз.

– Ты намекаешь, что я просрал свою жизнь? – печально спросил он, глядя на кафель под ногами.

– Про жизнь – не знаю... – Прохору стало скучно, тоскливо и захотелось выпить. – Но я вот не вижу твоего портфеля, – он подошел к Семену и протянул ему руку, – там термос, а в термосе коньяк. Так что вставай. Пока у него ножки не выросли.

Семен, опираясь о стену, встал с унитаза. Взял Прохора

под руку и они пошли к выходу. У лестницы вверх они остановились и Семен спросил:

– А ты помнишь, почему мы тогда напились?

– Когда тогда? – нетерпеливо уточнил Прохор.

– Ну когда нас в тот вытрезвитель забрали... Не помнишь... А я помню. Мы на концерте были. Вспомнил? – спросил еще раз Семен и вдруг запел: «Ты думал собой осчастливить весь свет, сияньем его озарить...»

Прохор вспомнил эту песню и тот концерт «Машины времени» в клубе железнодорожников у Казанского вокзала, взмахнул рукой, изображая игру на гитаре, и подхватил:

– «Но ветер подул и тебя уже нет. Кого ты хотел удивить?»

Раздался очень громкий и протяжный звук слива воды из бачка унитаза. Выпившие приятели удивленно оглянулись. Они не заметили, как бомж дошел до кабинки.

– И здесь от вас клоунов спасенья нет, – вышел из кабинки, застегивая штаны, мужик, который спал у стены. – Вы, бля, везде: в телевизоре, в компьютере. На торчок сядешь, вы и тут достанете... Мефистофели, бля, доморощенные. Куда бы вас отправить? «Бомжу нравится спать у стены», – передразнил он недавние слова Прохора. – «Народ у него безмолвствует». Это ты, идиот, с чего взял? Пушкинист хренов... Народ силы копит.

– О... извините... гражданин, – залепетал Семен.

– Присосались как мандавошки и сосете тысячу лет, – мужик подошел к маленькому окошку, изнутри задернутому

белыми занавесками, и постучал в него. – Баба Маш, у тебя дихлофос остался? Почему вредителей не третишь? – никто не откликнулся, и мужик постучал уже не в окно, а в дверь с ним рядом с надписью «Техническое помещение. Не входить». – Одну блудливую бабу поделить не могут, а все туда же лезут... Вершители судеб. Импотенты хреновы.

Дверь открылась и оттуда вынырнула юркая, маленькая похожая на мышку, старушка в сером халате и красной косынке на голове. Семен готов был поклясться, что именно эта старушка была здесь тридцать лет назад.

– Баба Маш, как от них избавиться? Жить спокойно не дают.

– А сейчас, касатики, сейчас все сделаем... аккуратненько сделаем, чистенько, – бабушка задумчиво шевелила пальчиками перед грудью, будто и правда вспоминая, где у нее дезинфицирующее средство.

– Мы сами сейчас уйдем, но лестнице что-то высокая вдруг стала, – миролюбиво сказал Семен. – Когда мы спускались, она была не такая крутая.

– А вы сюда идите, голубчики. Здесь есть служебная лестенка.

«Откуда в техничке лестница? – подумал Прохор. – Там и места для нее нет. Неужели московское правительство для инвалидов поставило?»

Они шагнули за дверь и обомлели. Прямо у ног начинался длинный эскалатор похожий на выход со станции мет-

ро «Комсомольская»-кольцевая. Тот же темно-коричневый пластик. Те же круглые матовые плафоны на медных фигурных ножках.

– А куда она ведет? – спросил Семен, совершенно не удивленный самим фактом существования этой лестницы.

– А вам куда надо? – поинтересовалась бабуля, как будто могла изменить направление странной лестницы.

– Нам уже все равно, – как-то обреченно ответил Прохор.

– Ну, тогда вам точно сюда, – подтвердила старушка и, указывая обеими руками на ступеньки, часто закивала головой.

Лесенка действительно выкатила их наверх. Они вышли на улицу, распевая дуэтом. Прямо у входа в туалет увидели машину, показавшуюся им очень знакомой. Это был древний советский фургон ГАЗ-53 серого цвета.

– Как ты думаешь, это из музея? Нас не на такой тогда забирали? – заинтересовался раритетом Семен.

– Может кино снимают? – предположил Прохор.

– Нет, ребята, это не кино. Это для вас. Поедем в отделение вас в чувство приводить, – произнес кто-то у них за спиной.

Они оглянулись и увидели, что рядом с ними стоят два постовых. В какой-то допотопной, похожей на советскую, милицейской форме.

Софье о смерти тестя, Юрия Владимировича, сообщил по телефону Прохор. Эта новость ее совсем не огорчила, а скорее обрадовала: теперь можно решить свои материальные проблемы. Сначала она подумала, что его смерть поможет ей решить главную проблему – найти деньги для Руслана. Но чуть позже сообразила, что если они с Прохором и имеют право на наследство, то его оформление займет долгое время, а деньги нужны сейчас. На секунду у Софьи пронеслось злорадное облегчение, что Анфисе так и не удалось захомутать старичка. Но тут же ей пришло в голову, что он мог оставить Анфисе что-то по завещанию. Тут она окончательно расстроилась.

Погруженная в свои мысли, она подошла к зеркалу. Оттуда на неё смотрела далеко немолодая женщина с усталыми и злыми глазами, провалившимися глубоко в темные глазницы. Захотелось курить, но бросив несколько лет назад, она не держала дома сигареты. На всякий случай она поискала в ящиках трюмо. Не найдя, пошла в гостиную к дубовому резному комоду, в котором был бар. Сигарет там тоже не оказалось, да и желание курить прошло так же быстро. Проводя пальцем по этикеткам, выставленных в ряд разноцветных бутылок, Софья добралась до рубинового Кампари. «А вот это будет в самый раз для аппетита перед завтраком, – решила она, – заодно и тестя помяну».

Наполнив до половины хрустальный бокал, Софья села на высокий стул у стойки. Взяв с нее пульт, она включила ра-

дио. Поменяв несколько станций, остановилась на песне Челентано, который пел, повторяя «амоге по» – «любви нет и она невозможна». Кампари на пустой желудок отметилось приятным теплом в животе и расслабляющей волной в голове.

Софья вспомнила, как перед тем, как уехать в Москву после школы, ходила в клуб на дискотеку. И стоя в углу, презрительно осматривая кривляющуюся под эту песню местную молодежь, мечтала, что она-то уж своего добьется. Тогда она сама с трудом могла сформулировать программу своего счастья. У нее не было образа какого-то мужчины, с которым она хотела бы связать свою жизнь, но зато Софья очень четко представляла, как обставит свою будущую квартиру. В большой комнате должна быть обязательно ГэдээРовская стенка до потолка, две польские тахты в комнатах, большой катушечный японский магнитофон, который можно купить в комиссионке, и югославская мебель на кухне. И еще много всяких мелочей: белое покрывало с длинным ворсом, зеленая люстра в спальне, бежевый мягкий палас на полу и много полок с умными книжками.

Сейчас уровень жизни Софьи был во много раз выше тех фантазий. Ее квартира располагалась на двух этажах в самом центре Москвы. Теперь она только в кошмарном сне могла представить в своей квартире ту жалкую мебель, о которой тогда мечтала, но вот только радости от этого не было совсем. Где-то шестеренки в часовом механизме счастья

не сцепились и крутились вхолостую.

Она еще раз наполнила бокал и вспомнила об Анфисе. «Вот ей-то сейчас должно быть еще хуже, – решила Софья. – А она, вообще, знает? Ей же, наверное, никто еще не сказал, – она улыбнулась. – Ну, так в чем дело? Это надо исправить. И эту трудную обязанность я с удовольствием возьму на себя».

Она нашла в своем айфоне номер Анфисы и нажала на вызов. Но та уже знала о случившемся, и это немного огорчило Софью. Чтобы уколоть и напомнить ей о том, что ее брак не состоялся и надо освобождать жилплощадь, Софья, будто бы беспокоясь о ее будущем, придав голосу озабоченный тон, спросила:

– Ну и куда ты теперь, бедняжка? Опять квартиру снимать?

На том конце повисло молчание, и Софья уже с триумфом ждала, что Анфиса сейчас начнет рыдать в трубку, умоляя дать возможность пожить в доме Романова еще какое-то время. Но услышав ответ, чуть не выронила бокал, который держала в руке.

– Ты, Софочка, разве не в курсе завещания Юрия Владимировича? Боюсь, это тебе придется скоро снимать квартиру.

– Ты о чем говоришь? Какую квартиру? Откуда у тебя завещание? Ничего не поняла, – сильно разволновавшись, залепетала Софья.

Анфиса, опять сделав большую паузу, видимо наслаждаясь смятением несостоявшейся родственницы, ответила:

– Ну, если ты не в курсе, дорогая, то прошу тебя зайти ко мне. Не по телефону же нам, подругам, такие вещи обсуждать.

Судя по интонации в голосе, который вдруг стал вальяжным и уверенным, Софья поняла, что случилось что-то непоправимое.

– Я тебя жду, – подытожила Анфиса и из трубки донеслись короткие гудки.

Удар был такой силы, что Софья не могла даже разозлиться. Она сразу обмякла и внутренне смирилась с чем-то таким ужасным, что будет еще хуже предательства Руслана.

Софья смотрела на бокал в руке с ярко-красным ликером Кампари и вспомнила, что в прошлом году почему-то не захотела ехать на похороны матери, сославшись на болезнь. Она тогда только выслала денег сестре матери, своей тетке. Позже сделала у нотариуса на нее отказ от наследования родительского дома, который почти развалился. Но сама съездила на материнскую могилу, на родину в Касимов, только спустя месяц. Почему она так поступила, объяснить себе Софья не могла.

Она поставила недопитый бокал на стойку и подошла к окну, занавешенному тяжелыми темно-коричневыми портьерами. Резко раздвинув их, она сразу окунулась в яркий солнечный день. «Может быть, не все так плохо, как мне при-

шло в голову, – предположила Софья, глядя на привычный вид из окна на большую ухоженную площадь с цветущими клумбами разноцветных петуний. – Ну что могло произойти? Даже если он ей что-то и оставил, то это может быть какая-нибудь мелочевка, которую можно еще оспорить в суде. Анфиса – стерва. Захотела мне испортить настроение, – успокаивала себя Софья». Она решила позвонить Прохору, но его телефон был недоступен.

Для того чтобы попасть в ту часть дома, где ее ждала Анфиса, надо было спуститься в личном лифте вниз, выйти на улицу и обойти дом снаружи. Поэтому Софья переделалась: поменяла домашний спортивный костюм на любимые джинсы Cavalli и шелковую блузку. Выскочив на душную улицу, она взглянула на небо. Из-за крыши дома выползала черная низкая туча. «Давно пора. Всю грязь смоем. И дышать легче будет», – подумала Софья.

Анфиса встречала ее на лестнице в нелепом розовом трикотажном костюмчике, совершенно неуместном для сегодняшнего дня. И с еще более нелепой счастливой наигранной улыбкой на лице. В этом детском смешном наряде она была похожа на сильно повзрослевшую и разевшуюся куклу Барби. Но сейчас Софья совсем не обратила на это внимание. Ее поразило, как изменился Анфисин взгляд со вчерашнего дня. Вчера это был взгляд бездомной собачки, которую пустили в богатый дом, готовой сделать все что угодно лишь бы в нем остаться. А сейчас это был взгляд женщи-

ны, которая родилась дворянкой в пятом поколении. Софья даже немного позавидовала: сама она такой взгляд сформировать так и не смогла.

– Разве тебе Прохор ничего не сказал? Удивительно! Он же должен был знать, – затаив в уголках глаз злорадное ликование, приветствовала ее Анфиса. – Ну что же. Пойдем, присядем. Я тебе все расскажу.

Анфиса пошла вперед, уверенная, что Софья беспрекословно последует за ней.

Софья с трудом себя сдерживала. Ей хотелось сорвать со стены картину и стукнуть ею Анфису по голове с этими жидкими кудряшками крашенных волос. «Откуда вдруг появилось столько спеси у этой дворняжки? Схватить бы ее за эти уродливые букли и дернуть что есть силы, чтобы слетела вся шелуха!» – злость и отчаяние переполняли Софью, но она молча следовала за Анфисой.

Так они дошли до кабинета Юрия Владимировича, где Анфиса по-хозяйски села в его красивое кресло за огромным письменным столом. Романов часто повторял, что это именно то самое царское кресло, которое когда-то стояло в Священном синоде, и которое на следующий день после сомнительной отставки Николая II, так называемой Февральской революции, радостные митрополиты выкинули из зала, приказав петь в церквях молебен новой власти Временного правительства. Софье очень не хотелось занимать место напротив, для просителей и подчиненных.

– Мы что, здесь будем разговаривать? – спросила она неуверенно. – Может, лучше пройдем в гостиную? Я еще не завтракала.

– Сначала дела, – вошла в роль Анфиса, с очень деловым видом разбирая бумаги на столе.

Софье ничего не оставалось, как сесть.

– Вот, возьми, почитай, – не поднимая глаз, Анфиса протянула ей какие-то бумаги. – Я была уверена, что ты в курсе.

– Да что ты все какими-то загадками говоришь? Объясни толком. Ты же прекрасно знаешь, что я ненавижу читать всякие документы. Я в них ничего не понимаю.

Анфиса, чуть прищурившись, посмотрела на Софью и стала читать. «От 20 декабря 2019 года...» Та-а-ак, – наигранно протянула она и артистично перевернула страницу, делая вид, что выискивает там что-то, но было ясно: она просто издевается над Софьей. Потом не в силах больше сдерживать радость от триумфа отложила бумаги и, глядя Софье в глаза, сказала:

– Так вот, дорогая моя, Софья Михайловна... В прошлом году по просьбе Юрия Владимировича правительство создало благотворительный фонд его имени. Романовский фонд. И учредитель в нем только один. Он же, естественно, и Президент этого фонда. Позвольте представиться – Птицина Анфиса Николаевна. Собственной персоной. К вашим услугам... Вот так, – Анфиса пристально смотрела на Софью, будто бы боясь пропустить и не запомнить какую-нибудь де-

таль агонии своей жертвы.

– Ну и хорошо, – с трудом понимая о чем речь, медленно произнесла Софья. – Поздравляю тебя. Будет чем заняться на старости. Но я-то здесь причем?

– Ты?! – Анфиса театрально закатила глаза и оттягивала главную информацию, как только могла. – Да ты здесь, вообще, ни при чем. Только... Понимаешь в чем дело... Все свое имущество, деньги, акции и, главное, вот этот дом, Юрий Владимирович Романов завещал фонду своего имени. Это понятно? – Анфиса изобразила на лице самую медовую улыбку, на которую была способна.

Софья понимала. Но весь масштаб трагедии она еще осознать не могла. И поэтому Анфиса с нескрываемым удовольствием разъяснила ей это сама:

– Что же касается тебя... Дело в том, Софья Михайловна, что ваша с Прохором квартира, расположенная в этом доме, по документам является собственностью Юрия Владимировича. Как и почти все остальное ваше имущество. Собственно и квартиры-то никакой нет. Она лишь часть одного большого дома. И поэтому теперь она принадлежит Фонду. как ты понимаешь, Фонд заинтересован, чтобы все имущество использовалось строго по назначению. Я за это лично отвечаю. А в мои планы не входит отвечать за нецелевое использование средств. Теперь здесь будет «Романов-центр». Музей Юрия Владимировича. Поэтому вам с Прохором Юрьевичем и Лизой Прохоровной придется подыскивать для себя

другое жильё.

Софья, не изменив выражения лица, продолжала смотреть на Анфису, постепенно осозная услышанное. И чем больше она понимала, что произошло, тем глубже и шире раскрывалась пропасть прямо у ее ног. Она хотела встать и выскочить из кабинета, но ей казалось, что стул, на котором она сидит, последнее надежное место и если она с него сойдет, то провалится в эту бездонную пропасть. Софья все еще смотрела на Анфису, но вдруг ее лицо стало изменяться и куда-то уплывать. Прежде чем отключиться и упасть, Софья услышала громкий смех своей бывшей подчиненной. Где-то, то ли у нее в голове, то ли за окном, что-то протяжно загрохотало, и через мгновение она рухнула на пол.

Глава 43

В привычном черном суконном подряснике, подпоясанном узким плетеном кожаным ремешком, Тихон чувствовал себя намного комфортнее, чем в мирской одежде.

Автобус из Москвы останавливался на трассе в шести километрах от монастыря. Можно было бы подождать местный автобус или добраться на попутке, но ему захотелось пройти пешком через лес. После Москвы от чистого воздуха кружилась голова. Тропинка начиналась от ручья, через который были переброшены два березовых бревна. В прозрачной торфяного оттенка воде кружилась стайка мелких рыбок, а по поверхности скользили черные блестящие жуки.

Тихон подобрал подрясник и, не рискнув наступать на сомнительный мостик, лихо перепрыгнул на другой берег. Оказавшись здесь, он сразу почувствовал, что вернулся в свой родной мир. Мягкий мох заботливо амортизировал шаги. Деревья укрывали от солнца. Замолчавшие поначалу птицы опознали Тихона как «своего» и сопровождали его радостным пением. Тихон выбрал солнечную душистую поляну и с удовольствием развалился на траве, раскинув руки в стороны. «А не так и много нужно для счастья», – подумал он.

«Небо... Какое же оно бездонно-прекрасное... Что там за ним? Как мы можем понять замысел творца, если нашей куцей фантазии не хватает даже представить, что такое бесконечность. Да нам до понимания Бога дальше, чем муравью... – Тихон, улыбаясь, посмотрел на руку, по которой бежал маленький черный муравей. – Этот, по крайней мере, делает свое дело и не сомневается. Может, он все лучше нас понимает. А мы возомнили себя сапиенсами, а такое вытворяем...»

На вчерашний митинг Тихон приехал, чтобы посмотреть на племянницу. Слушая выступление Лизы, он думал, что, наверное, вот так же эмоционально и настойчиво больше ста лет назад призывала рабочих к борьбе за свои права ее прабабка на подмосковных ткацких фабриках.

«Почему борьба с несправедливостью так часто заканчивается обычным погромом и банальным грабежом? Как

только человек начинает сам судить, где добро и где зло, получается сплошная путаница. А как все хорошо начиналось... И зачем Еве было есть эти яблоки? Она-то что, собственно, хотела узнать, вкусив в раю плодов с древа познания? Вот и узнала, каким трудом хлебушек достается... Ой, боже, прости за мысли ненужные и бестолковые!»

Тихон встал с травы. Отряхнул одежду и, перекрестившись, продолжил свой путь.

По дороге он вспомнил возникшее вчера чувство стыда и бессилия, когда увидел, как на митинге люди быстро теряли те качества, которые и отличают их от зверей. То, что тысячелетиями с культурой и религией пытались вытравить из человека, мгновенно выскочило наружу. Наверное, то, что складывалось миллионы лет, уже не изменить.

Вот и не получается никакого общества справедливости, потому что за красивыми призывами вождей, прячется обычное тщеславие и жажда власти. А за надеждой людей на эту самую справедливость, часто скрывается зависть и желание отнять домик у соседа... вместе с молодой женой-красавицей.

«Может, правы коллеги-даосисты со своим принципом недеяния? Лучшая добродетель – это плыть по течению, так как попытки что-то изменить, мало того, что бесполезны, но и являются причиной несчастий и для отдельного человека, и для государства. Вот и Лев Николаевич так считал... А как же идея, что без дел вера мертва? Да... Вот только, пы-

таясь делом доказать свою веру, Авраам возложил под нож на жертвенник своего сына Исаака. Разве не под знаменами веры совершилось столько преступлений? И всякий раз новые праведники называли свою веру единственно правильной. Люди, которые громили церкви, разве сомневались в истинности своей новой веры? А вот Нонна Викторовна, ветеринарный врач и глава сельсовета, неверующая. И никогда не надеялась переделать человека».

Тихон вспомнил один разговор. Они сидели вечером перед сельсоветом: обычным деревянным зеленым домом, каких в деревне больше половины. Отсюда улица спускалась к реке. И слышно было, как шумят и веселятся дети, купаюсь в холодной воде. Он приходил попросить немного денег, но так и не решился. Дожидаясь окончания приема деревенских жителей, он час просидел у неё в кабинете. Почти каждый приходил просить денег: кто на крышу, кто на лечение, кто на учебу. И почти всем приходилось отказывать.

– Знаете батюшка, что я сейчас подумала, – погревшись на солнышке, спросила уставшая Нонна Викторовна. – Когда народу хорошо – банкирам смерть. Ведь тогда не пойдут к ним за кредитами. А банку без кредита, что щуке без пескаря. Вот в России всегда – только люди жить более-менее начинают, так жди войны, революции или эпидемии какой...

Потом она встала, чуть отошла от крыльца к хлипкому штакетнику и, глядя на деревенскую улицу, продолжила:

– А судя по всему, хорошо уже мы не заживем, пролетели

мы точку невозврата и не заметили... Растворимся, как сахар в чашке чая. А потом перепишут книжки, и как не было России. Только если чудо какое нас спасет, – Тихон хорошо запомнил как она повернулась к нему, мягко улыбнулась и добавила: – Так что молитесь за нас получше, батюшка... А мы и дальше свой крест нести будем. А там... может и воздастся.

Тихон был уверен, что бог милостив. И когда кажется, что света впереди уже нет, то что-то происходит.

Он хорошо почувствовал тот момент, когда почти дойдя до наивысшего накала, бунт вдруг стих и что-то на вчерашнем митинге изменилась. Это было видно по лицам людей, хорошо читалось в их глазах. Перемена произошла еще до приезда армейских подразделений. Мятеж самоликвидировался. Люди остановились. Может быть, они смогли заглянуть в бездну, в которую летели, и ужаснулись? Успели зацепиться за что-то и не сорваться. Когда армия заняла площадь, ей почти не пришлось ничего делать. Люди, стыдливо опуская глаза и боясь смотреть друг на друга, в ужасе от того, что они вытворили полчаса назад, быстро разошлись по домам. Куда-то исчезли и провокаторы.

«Уж точно Россия под Покровом Богородицы, если столько бед пережила».

С этими мыслями Тихон подошел к Валун-горе. Река здесь тысячи лет срезала с нее метр за метром, и образовался огромный обрыв, который начинался почти от самой верши-

ны. На обрыве четкими рядами обнажились хорошо выраженные слои серого песка, красной глины, известняка с окаменевшими в нем моллюсками. Обойти гору было нельзя. Со стороны леса на вершину вела узкая извилистая тропинка. На тех участках, где подъем был очень крутой, в земле были сделаны ступени, закрепленные небольшими чурбачками. Хотя гора и не была очень высокой, но иногда вершину закрывали облака, и тогда с земли казалось, что по этой лесенке можно забраться на небо. Поэтому Тихон про себя называл эту дорогу «лестницей в небо». Каждый раз помолвившись перед подъемом, он по дороге вспоминал не «Лестницу» преподобного Иоанна, а напевал «Stairway to Heaven» песню Led Zeppelin – «Лестница на небеса».

Чем ближе Тихон подходил к монастырю, тем острее понимал, насколько он по нему соскучился. Ему хотелось побыстрее подняться на вершину, потому что с нее уже хорошо был виден его монастырь, стоявший чуть дальше за изгибом реки. На солнце купола двух отремонтированных храмов за белыми каменными стенами должны были сверкать яркой позолотой.

Он знал, что на горе есть смотровая площадка, где можно немного передохнуть. Когда до нее осталось совсем немного, Тихон почувствовал запах дыма и понял, что там кто-то есть. У костра он увидел своих знакомых прихожан: местного электрика Ивана Семеновича, невысокого сухенького мужика лет пятидесяти, с морщинистым не по возрасту лицом

и голубыми печальными глазами и его сына, мальчика лет двенадцати. Видимо, они тоже возвращались из города, потому что были одеты нарядно и торжественно.

На горе всегда был прокопченный чайник, на дереве висела банка с заваркой и несколько кружек. Ниже у оврага бил родник, который давно обложили валунами и накрыли маленьким, заросшим мхом, бревенчатым домиком. Тихон подошел как раз вовремя: чайник только закипел и он с удовольствием принял приглашение почаевничать.

Иван Семенович весь светился от счастья. Он рассказал, что они возвратились с детского музыкального фестиваля, где его сын занял первое место. Тихон хорошо знал этого славного мальчишку с голубыми глазами. Он родился с небольшими особенностями в развитии. Отец тогда сильно пил и была большая вероятность, что ребенка увезут в интернат для таких детей. Но мальчику повезло.

В деревне, еще при колхозе, была музыкальная школа, которая давно закрылась. Но жила еще старенькая бабуля – бывший ее директор, Валентина Павловна, которая бесплатно у себя дома учила всех желающих. Учеников было немного, но зато тех, кто действительно хотел этим заниматься. Поэтому для них и для учительницы это было очень важным. Мальчик влюбился в музыку. А Валентина Павловна в мальчика. Так они и помогали друг другу.

Поговорив о новостях, Иван Семенович отослал сына посмотреть, нет ли грибов, а сам обратился к Тихону:

– А ведь этим счастьем, батюшка, я вам обязан, – сказал он, глядя на реку.

– Я-то здесь с какого бока? – смущенно улыбнулся Тихон. – Это наша Валентина Павловна молодец, да и вы сами.

– Вы у нас уже живете много лет. Как местный житель наверняка знаете, что первый-то сын у меня давно на кладбище. Я же еще при колхозе сильно выпивал, а потом в девяностые перешел на ежедневный график. Электрику всегда найдется, на что выпить, – он держал в руках железную кружку с кипятком, но кажется, забыв об этом, продолжал рассказывать, глядя на костер: – Но со мной-то ладно... Только сын за мной погнался. А догнав, ускорился... Нам-то повезло: не было в нашей молодости наркотиков. Когда сын умер, мне, по всему, немного оставалось. Жена меня в охапку и к вам в монастырь на все службы. Паша у нас, вы же знаете, – он махнул рукой в сторону леса, – долго не ходил, не говорил... Мы с супругой ходили в вашу церковь при монастыре. Год ходили. И я не заметил, как пить бросил. Без всякого усилия. Ушло из жизни и все. Как и не было никогда. Но если честно сказать, я с женой ходил, крестился, молился, но особо не верил. Даже когда пить перестал, не верил... А когда Пашка заговорил...

Иван Семенович замолчал. Тихон видел, что он отворачивается в сторону реки, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать.

Прибежал сын. С двумя большими подосиновиками в каждой руке.

– Ну, на жареху набрал, – похвалил отец. – Павлик, ты бы нам сыграл что-нибудь.

Тот не стал упрячиться и капризничать, а лишь спросил, обращаясь к Тихону, как к зрителю:

– А можно я не на скрипке сыграю, а на флейте? – и, не дожидаясь ответа, достал из сумки довольно большой футляр.

– Он уже год как кроме скрипки еще и на флейте выучился, – пояснил гордый отец. – А что ты нам сыграешь?

– Песню Леля из «Снегурочки» Римского-Корсакова, – протараторил мальчик, как со сцены перед выступлением.

Схватив флейту, он встал на самый край обрыва. Там полянка кончалась и на самом краю стояла одинокая сосна. Со стороны начинающего здесь крутого откоса торчали из светло-серой земли ее корни, и казалось, что еще немного и сосна сорвется в реку.

Первые же волшебные звуки будто унесли Тихона на тысячу лет назад. В ту, еще дохристианскую безгреховную берендеевскую Русь. Со скоморохами, с гаданиями, хороводами, песнями, ночными кострами на Ивана Купала. Лучшее места для этой мелодии и придумать невозможно. Все вокруг за сотни лет с тех пор ничуть не изменилось. Та же гордая река, бескрайний лес. И Снегурочкин Голубой родник продолжает поить кристальной водой и Ярилина поляна дарит покой и отдых. Но чего-то не хватало...

Перед самой деревней остановились у серебряного солдата в плащ-палатке и с автоматом на груди. Тихон смотрел на

выставленные рядом бордовые мраморные плиты с высеченными именами.

– Двести шестьдесят два человека только из нашей деревни, – уточнил стоявший рядом Иван Семенович.

– Да одних Горних пять человек... Сергей Владимирович, Андрей Владимирович, Анатолий Владимирович, Павел Владимирович и Владимир Петрович... – горько перечислил Тихон.

– Вся семья... Я ведь тоже Горних... Такие памятники в каждой деревне... Сейчас у нас на всю деревню тридцать мужиков не наберешь...

– Может и надорвались страна... не перенесла такой трагедии, – вспомнил Тихон разговор с Нонной Викторовой.

– Мы ведь двух ребят из детдома взяли... – вскользь, как бы о чем-то незначительном, произнес Иван Семенович, поправляя венок у памятника. – Первого сына не вернешь, но знаете... – чуть помолчав, он добавил: – У всех есть какой-то рубеж, какая-то «высотка» за которую, если хочешь остаться человеком, отступить уже нельзя. Без вас, вашего монастыря, я свою может даже бы не заметил, – он заботливо прижал к себе сына, нежно потрепав его по голове.

Глава 44

Под надвратной церковью Тихона уже ждал Гена, наблюдая, как другой трудник перекладывает брусчатку.

– Вот, осваиваю новую специальность, – пошутил Гена. –

Хотя надеюсь, не понадобится. Уезжаю. Тебя дожидался. Поблагодарить и попрощаться.

Гена был счастлив. Уже забылись угрозы никогда больше не возвращаться в Москву, а остаться до конца жизни в монастыре. Он рассказал, что дело закрыли. Бывшая жена неожиданно уехала на свою родину.

– Предложили театр и денег столько... – Гена даже зажмурился от восторга. – Видимо поняли, кто для них важнее. Власть без нас недели не продержится.

Тихон устал с дороги и шел к себе, а Гена от радости не понимал, что тому хочется остаться одному и шел следом, болтая без умолку.

– Мы же, что такое? Мы сейчас тот самый опиум для народа... Раньше его вы попы в народ несли, а теперь мы. Почему жалкий актеришко или колченогий футболист получает в сотни раз больше ученого? Что власти толку от ученого? Ну придумает он какую-нибудь умную ерунду... Власти от этого не тепло, не холодно. А актер, режиссер и даже футболист – это опора. Мы создаем легитимность власти. Из иллюзии делаем реальность. Это мы шьем новое платье короля. Без нас он голый и смешной.

– А тебе-то что от этого? От денег? Придет другая власть... Найдется другая жена.. Поумнее, – немного раздраженно прервал его Тихон. – Да и как же искусство? Творчество? Не только же ради денег?

– Да нет никакого искусства. Есть то, что в данный мо-

мент нужно данной власти. Она определяет, где искусство, а где «педерасты проклятые», как Никита Сергеевич говорил. Вчера Шолохов был гений, а Солженицын предатель Родины и лжец. А сегодня Солженицын – ум, совесть и честь, а Шолохов – литературный вор и бездарь. И так во всем мире. А если ты считаешь себя самым умным, то всегда найдется старая проститутка, которая скажет, что ты ее изнасиловал двадцать лет назад. Главные управления лагерей нигде не отменили: ни у нас, ни в Америке.

– Ну ты теперь наученный – сам разберешься, – опять прервал Тихон хвастовство своего старого знакомого. Он вспомнил историю самого Гены и решил, что теперь-то уж тот точно не допустит ошибок в своих спектаклях. – А то пожил бы еще... Здоровье поправил. Вон как порозовел на свежем воздухе.

– Не буду зарекаться, может еще вернусь. От судьбы не уйдешь, – Гена наконец понял, что мешает.

Попрощались холодно. Тихону не то что бы было обидно, но сейчас ему не хотелось смешивать эти ненужные пустые разговоры, с тем состоянием души, которое появилось у него после встречи на горе.

Через час, войдя в церковь, Тихон ощутил неясное предвкушение, что сегодня что-то непременно должно произойти. Он зашел в алтарь, сделав пред Святым престолом земной поклон, поцеловав край его и напрестольный крест. Эту службу он совершал сотни раз, но никогда не было ощу-

щения скуки. Мысли о судьбе, о своем предопределении смешивались с привычными ритуальными действиями. Он вышел на солею. Читая псалмы, Тихон отвлекался на свои мысли. Он думал о пропавшем куда-то Прохоре, о стране, о смерти отца, о себе и своем выборе. А потом вспомнил мелодию на горе, бескрайний простор неба и земли за рекой... И как ярко вспыхнувший свет ощутил, осознал главное – свою любовь к господу, как абсолютное счастье, после чего все вокруг стало понятно и просто. Он растерялся, перестал читать и заплакал...

Эпилог

В сентябре дожди шли почти каждый день. Иногда чуть морозящие, переходящие в плотный туман; иногда красивые, подсвеченные солнечными лучами и радугой на полнеба. А один раз с моря нагрянул ураган. Казалось, ржавый зеленый фургон, в котором теперь жил Родион, улетит, как домик Элли. Но колеса, вросшие до осей в землю, уже пустили корни. Домик кряхтел, поскрипывал, раздраженно стучал оторвавшимся листом обшивки, но держался на месте.

Медведица перешла сюда, потому что здесь, в мелком ручье, впадающем чуть ниже в реку, ловить лосося было легче и ей, и медвежатам. А главное, здесь не было других медведей. Конечно, сейчас корма было в изобилии и медведи не нападали друг на друга, но она помнила, как чуть не потеряла малышей и была осторожной. Родион перешел за ней.

Он умчался сюда из Москвы сразу после митинга. В смерти Томаса он винил только себя. Пытался забыть в работе, но ничего не получалось. Первый месяц по несколько раз за день на него накатывала такая тяжелая волна безнадёги, что ноги становились ватными. Тогда Родион скидывал рюкзак, плюхался на него и долго сидел, положив на колени, ставшими бессильными руки, глядя куда-то перед собой. Казалось, даже медведица понимала его состояние. В этот момент она привставала на задние лапы и рывкала, если медвежата пытались подобраться к Родиону.

Он считал, что если кто и мог его сейчас поддержать, так это Томас. А его больше нет. Родиону хотелось забиться в какую-нибудь щель и не выползать оттуда никогда.

Как-то он сидел на бревне на морском берегу, покрытом мелкой серой галькой. В бухту заплыли горбатые киты. Они резвились совсем рядом, но Родион даже не снимал. Он смотрел на семью этих красивых огромных животных и завидовал их спокойному счастью. Они, то медленно кружились по поверхности, подставляя солнцу свои бока стального цвета и фыркая от удовольствия, то, хлопнув по воде огромным, похожим на два крыла хвостом, поднимая кучу брызг, уходили глубоко под воду.

Он вспомнил, как они с Томасом ранним утром вот также сидели на бревне на берегу реки, а совсем рядом, невидимая в тумане, мимо них проходила баржа. Слышно было, как она с легким шелестом скользила по фарватеру вдоль бе-

рега. Судно ощущалось, как какое-то огромное фантастическое животное, которое пыхтело, сопело, булькало. И вдруг так пронзительно и резко заревело, загудело из тумана, что они чуть не свалились от неожиданности со своего бревна и засмеялись.

В этой деревне друзья оказались совершенно случайно. Всю зиму они планировали поездку в Соловецкий монастырь. И в конце июня, чтобы попасть на острова на белые ночи, сели в поезд на Ярославском вокзале и отправились в путь. Им повезло: попутчиками по купе оказались две сестрички-близняшки. Симпатичные девушки, Маша и Даша, ехали только до Ярославля. В Москве они хотели присмотреть себе институт для продолжения учебы, но столица им не понравилась кичливостью и высокомерием. Поэтому сестрички решили, что для жизни им хватит и ярославского техникума. Очень похожие друг на друга, смуглые, стройные, с одинаковыми стрижками, с искорками в карих глазах, они всю дорогу звонким смехом отзывались на все шутки и многозначительно переглядывались между собой. А когда поезд остановился в Ярославле, девушки предложили ребятам поехать с ними.

– У нас дом прямо на реке, – соблазняли они.

– А какая у вас там река? – полюбопытствовал Томас.

Сестрички переглянулись, засмеялись и запели:

– Издалека долго... Течет река Волга, а мне семнадцать лет...

Томас отозвал Родиона в сторонку.

– Монастырь шестьсот лет стоит, и, бог даст, еще столько же простоит. А таких девушек больше не будет.

– Хорошо. Только Даша моя, – быстро, но с небольшим условием, согласился Родион.

– А потом поменяемся? – шутливо спросил Томас. – Чтобы сравнить.

До деревни около часа добирались на такси. Дом был великолепный. Построенный еще до революции из ровных толстых бревен, сейчас уже почерневших от времени, на высоком подклете, он, шестью фасадными окнами с изумительными резными наличниками, смотрел прямо на реку. Домотканые цветные коврики на полу, огромная белая русская печь с лежанкой наверху и полатями, простая удобная мебель, пестренькие ситцевые занавесочки. А кровати с железными спинками, высокими перинами с множеством ярких подушек создавали необыкновенный деревенский уют.

Была волшебная ночь на Ивана Купала. Они разожгли на реке огромный костер. Прыгали через него, взявшись за руки, купались, смеялись, целовались...

Родион проснулся только к обеду от яркого света. Занавески закрывали окна только до половины. Солнце заполнило комнату, и его косые лучи попадали на кровать.

– Дашенька, пора встать, солнце уже высоко, – он нежно поцеловал в раскрытые губы еще спящую девушку и сел, опустив ноги на пол.

– Какое замечательное утро! Только я не Даша, я Маша, – сладко потянувшись, ответила девушка, еще не открывшая глаз.

– Как так? Не может быть! – опешил Родион и опять лег на кровать. – Я же все помню.

– Понимаешь, – поднялась на локте Маша и с виноватой улыбкой заглянула ему в глаза, – только ты не обижайся... Обещаешь? Мы с сестрой ночью поменялись.

Родион растерянно смотрел на девушку и видел, что она совершенно не считает это чем-то аморальным и тем более не раскаивается в содеянном.

– А зачем вы это сделали? – спросил он.

– Нам давно хотелось проверить, смогут ли нас отличить друг от друга, – спокойно объяснила Маша, проводя пальцем ему по шее. – И еще нам хотелось сравнить вас.

– Как это сравнить? – еще больше растерялся Родион.

– Ну... узнать, кто кому лучше подходит, – Маша смотрела на него невинными красивыми глазами, готовая взорваться от смеха в любую секунду. – Ну, это чтобы не ошибиться в выборе. Это же на всю жизнь.

В это момент дверь открылась. В дверном проеме показался Томас.

– Представляешь, девушки ночью нами поменялись! – в изумлении выпалил он.

– Поверьте нам, – добавила вышедшая у него из-за спина Даша, – девушки лучше знают, кто кому больше подходит.

Ребята провели там неделю. Ходили в лес, купались, ловили рыбу старыми бамбуковыми удочками, найденными в сарае. Это была одна из лучших недель в их жизни. Как-то они загорали на маленьком деревянном причале. Томас рисовал карандашом в альбоме полузатопленную лодку в камышах. Девочки куда-то ушли по делам. Родион тогда подумал, что было бы замечательно остаться здесь навсегда. Почему он тогда не предложил это Томасу? Потом они много лет созванивались с сестрами, обещая приехать, но так и не собрались.

«Останься мы там и вся жизнь могла бы сложиться по-другому», – подумал Родион.

Киты уже давно уплыли, солнце закатилось за край моря, а Родион все сидел на берегу. Начинался прилив и шуршащие по гальке волны уже подбирались к его ногам. Неожиданно большая чайка снизилась и, громко захлопав крыльями, смело уселась рядом на бревно.

«Вариантов только два, – подумал он. – Взять двустволку и снести себе голову или найти какой-нибудь смысл в дальнейшей жизни».

Чувства, мысли, воспоминания были такими сильными, что мешали на чем-то сосредоточиться. Ему необходимо было кому-то выговориться, чтобы самому попытаться понять свое состояние.

Очень большое неудобство на Камчатке в том, что если захочешь сходить в гости выпить и поговорить, то надо пару дней идти в одну сторону и потом столько же возвращаться.

Да и выбор компании был не очень большой. У ближайшего соседа, того самого ученого, с которым он познакомился в первый приезд, была шикарная баня. И Родион решил его навестить.

До озера, у которого жил вулканолог, можно было добраться и за один день, если выйти очень рано. Родион решил не спешить, а поснимать что-нибудь по дороге и устроить одну ночевку.

Утром он отправился в путь. Когда поднимался от домика на гребень, сзади что-то хрустнуло. Оглянувшись, увидел совсем рядом свою медведицу. Ему пришло в голову, что она, как хорошая собака, решила идти за ним. Грустно улыбнувшись, Родион крикнул:

– Ну-ка, иди домой!

Пройдя несколько шагов, он обернулся – медведица так и стояла в нерешительности, а из-за нее выглядывали медвежата. Родион присел и тихо попросил:

– Ну, иди назад. Я скоро вернусь.

Баня была настоящая, русская, в бревенчатом срубе на берегу озера. Большая печка с двумя отдельными топками занимала половину парилки. Одна топка под чугунным котлом – для горячей воды, вторая – для камней. У противоположной от входа стены был почерневший полоч, где можно полежать, попариться, похлестаться березовым веником. Под маленьким окошком напротив печки – широкая лавка с серыми тазиками.

Степан Степанович в этот раз был категорически трезв и серьезен. Он совсем не удивился приходу Родиона. Будто это был сосед по лестничной площадке, который зашел просто покурить за компанию. Хорошо попарившись, они расположились в большом предбаннике, обшитом нестрогаными досками со смоляными слезинками и с березовыми вениками на стенах, и пили чай. Чаепитие после бани было здесь ритуалом не менее сложным, чем китайская чайная церемония. Если в самом доме, где жил ученый можно было пить чай из пакетиков, заливая кипятком из электрического чайника, то здесь в бане это было бы кощунством.

На большом столе, на жостовском подносе стоял настоящий дровяной тульский самовар, для нагрева которого в углу предбанника был сделан свой дымоход. Сейчас, чтобы вода не остывала, Степан Степанович подложил специальными щипцами в трубу самовара несколько угольков, и их неяркое тление было видно в маленькие окошки поддувала. В большой глубокой плетеной тарелке лежали, наваленные вперемешку, конфеты, печенье, пряники и, конечно, традиционные сушки. Наверху самовара, на подставочке, грелся заварной чайник с чабрецом.

В доме можно было пить чай из разнокалиберных кружек. Здесь только из специального чайного сервиза: фарфоровые чашки с большими розовыми аляповатыми цветами в паре с блюдцами с золотыми каемками. Все это было сделано для одной цели: убрать суету и создать атмосферу, подходящую

для душевной беседы.

Родион еще до бани рассказал Степан Степановичу про все, что случилось в Москве, но тот ничего не ответил, а дал ему топор и попросил наколоть дров из заготовленных чурбаков.

Родион пил уже третью чашку, а разговор все не складывался.

Степан Степанович встал и подбросил пару поленьев в небольшой камин. На толстой деревянной каминной полке лежали какие-то необычные минералы с разноцветными вкраплениями блестящих кристаллов.

– А печку и камин этот, кто выложил? – спросил Родион. – Вы?

– Нет. Приятель мой. Со мной вместе здесь работал.

– Куда он делся? Домой уехал?

– А никуда не делся. Здесь помер. Там наверху и похоронен, у скалы, – Степан Степанович присел у камина и смотрел, как разгораются поленья.

– Вы не боитесь тоже здесь умереть? В одиночестве?

– Человек всегда и везде умирает в одиночестве. Смерть – дело личное. На людях она или здесь, – он подвинул кочергой поленья, подняв кучу искр. – Хотелось бы мне сначала дела все закончить... Но против судьбы не пойдешь.

– Ну нет, – возразил Родион, – человек сам свою судьбу выбирает, – он вспомнил Катю, когда она ждала его решения на лестничной площадке. Разве тогда они не сами управляли

своей судьбой?

– Может и так, – Степан Степанович продолжал сидеть у камина и наблюдать за огнем. – Но не оступись ты тогда, не разбей камеру, не поехал бы в Москву.

Родион долго молчал, в сотый раз вспоминая события тех трех дней.

– Да, многое бы было по-другому, но мне кажется, я все равно бы здесь оказался.

– Вполне возможно, – не стал спорить вулканолог и вернулся за стол. – Меня тоже судьба сюда будто бы палкой загоняла, – он налил себе крепкой заварки и разбавил ее кипятком из самовара. – Я врачом хотел быть. Поехали с приятелем документы подавать... Сначала к нему в МГУ, он на геологический факультет хотел. А потом думали ко мне в медицинский заехать. Юрик, мой приятель, говорит: «Зачем тебе эти кишки с кровичей? Давай вместе сюда поступать». Смотрю вокруг: по аллеям девушки студентки гуляют. Умные, красивые. МГУ – это же целый город. Понравилось мне там. Да и вижу, лень ему со мной кататься, а один я стеснялся... Вот так все началось.

– Меня бы никто не смог так легко уговорить поменять свое решение, – решительно возразил Родион. – А приятель ваш тоже поступил?

– Поступил... – кивнул головой Степан Степанович. – Только через год после первой геологической практики перевелся в медицинский. Сказал, что проще камни из почек

доставать, чем из сибирской вечной мерзлоты.

– Почему вы с ним не ушли? Вы же хотели стать врачом, – напомнил Родион.

– Девочка одна у нас училась... симпатичная, – мечтательно вздохнул вулканолог. – Такая вся воздушная. Влюбился. Говорю – судьба.

– Не девушка же вас на край света привезла. На них обычно женятся в более комфортных местах, – сказал Родион и подумал, что пришел исповедоваться он, а исповедуется Степан Степанович.

– Женился я, конечно, в комфортном месте.

– Где же сейчас эта ваша воздушная девушка?

– Где та девушка, я не знаю. Потому что женился я на другой. Даже не понял как. И не хотел ведь, – Степан Степанович удивленно всплеснул руками так живо, как будто его неожиданная свадьба случилась только вчера. – Мне же ее платье в полосочку сразу не понравилось... Знаки... Знаки есть всегда. Только мы от них отмахиваемся. Да и храпела она.

– Кто храпел? Судьба? – пошутил Родион. – Вы меня пугаете.

– Жена моя... – рассмеялся вулканолог, вытирая салфеткой испарину на лбу, выступившую после горячего чая, – Может если не храпела бы, то я бы сюда и не попал.

– Значит, не судьба вас сюда направила, а нелюбимая храпящая жена, – не хотел соглашаться Родион.

– Ну нет. Жена, вообще, против была. Не любила, когда я сюда ездил. Для нее муж должен быть как комнатное растение. Только вместо листьев, чтобы деньги росли. И все мне Юрку приятеля в пример приводила: «Вот Юра то... Вот Юра это...» Потом вдруг перестала приводить. Наверное, сошлись они. Вот и замолчала: стыдно стало.

– И что же вы терпели? Неужели вам не обидно было?

– Да я об этом не думал. Я же здесь полгода, а они там. Да и что мне за них переживать.

– Ну могла бы не с приятелем хотя бы, – выпалил Родион и сразу осекся, вспомнив о себе, Кате и Томасе.

– Да какая разница. Люди ленивые и завистливые. Им самим искать лень. Берут то, что рядом, у соседа.

– Смотрю я, вы не семьянин, – машинально заметил Родион.

– Семья – это такое дело... – Степан Степанович положил обе руки на стол как на школьную парту. У него в глазах появилось то, что бывает у людей, когда они говорят о самом важном. – Можно из семьи свой микрокосмос сотворить, а можно проснуться как-нибудь и понять, что свою единственную жизнь ты потратил на исполнение прихотей абсолютно чужой бабы, с которой у тебя общего только квадратные метры и пельмени в холодильнике...

– А дети?

– Дети, они же не всегда дети, – сказал он, погрузнев. – Вырастают. Как дочка замуж вышла, я сюда насовсем уехал.

Она теперь даже не звонит.

– Как же вы без людей?

– Да я же не круглый год здесь, – удивился вопросу Степан Степанович. – Я зимой в институте вулканологии работаю, здесь, Петропавловске... Женщина у меня там, воздушная...

– он опять оживился. Встал, подошел к большому календарю на стене. – Всего семнадцать дней мне здесь осталось. Вот такими путями судьба нас с ней свела, – он достал из заднего кармана расческу и провел несколько раз по длинным седым и еще влажным волосам.

Родиону раньше казалось, что ученый живет в этом домике отшельником круглый год. Он думал, что рассказывая о судьбе, тот имел ввиду свою работу. А получается, что судьба вела его к обычной женщине в Петропавловске.

– А тогда зачем вы здесь один сидите? Какой смысл? – спросил Родион, немного разочарованный.

– Судьба – это стихия, с ней не поспоришь. Забросила она тебя на необитаемый остров... Можно повеситься на ближайшем дереве, а можно и там себя найти. Смыслом свою жизнь каждый сам наполняет. Что себе придумаешь, то и будет. Я вот придумал вулканы. Кто-то солдатиков оловянных собирает или цветы разводит. А кого-то больше всего радуется, когда у соседа корова сдохла... Смысл, он как гвозди, как арматура – все скрепляет. Какая арматура, такой и человек. Без этого ты как петух с отрубленной головой: еще бегаешь, а уже мертвый.

Обратно Родион шел легко и быстро, запланировав вернуться за один день. Насчет судьбы Степан Степанович его не убедил. «Мы сами выбираем свою дорогу. Нет никакого предопределения. Все это отговорки и оправдания для слабых. Если он послушал сомнительного приятеля и поступил не в тот институт, что хотел, то это не судьба виновата, а мягкий характер. И с женой своей мог повнимательнее... Катился всю жизнь куда ветер подует, а теперь – судьба».

К вечеру он почти добрался до дома. Перед спуском с гребня он опять присел на том месте, где летом ему показалось, что еще чуть-чуть и ему откроется какая-то тайна. Все вокруг было по-прежнему фантастически красиво: бухта с островами, горы вокруг... Правда, сегодня небо было другое. Стальное, тяжелое, оно было совсем близко. Почти все сопки спрятали в нем свои вершины. А тогда было голубым и бескрайним.

Когда Родион стал спускаться. Там, где в прошлый раз он упал и сломал камеру, из кустов на тропинку вышла его медведица. Она деликатно остановилась в десяти метрах, а медвежата, не стесняясь, бросились к нему, как обычные щенки. Он как будто знал и захватил у вулканолога несколько конфет и печенье. «Все-таки здорово, когда ты кому-то нужен и кто-то тебя ждет», – подумал он.

Две недели прошли в работе. Кроме ежедневных съемок, Родион писал сценарий. Чтобы мысль фильма была хорошо

понятна, нужно было продумать каждую сцену. Для этого он решил остаться здесь еще на пару месяцев. Связавшись с руководством заповедника, он попросил солярки для генератора, еды и всяких других мелочей. Все это обещали забросить вертолетом при первой возможности.

Родион сидел на берегу, надеясь на то, что опять появятся киты. Он ругал себя за то, что в прошлый раз не стал снимать их семейство. Опять прилетела чайка и села рядом, но китов больше не было. Вместо китов из-за скалы показался низколетающий над водой вертолет. Через мгновение донесся стрекочущий рокот его двигателя.

«Теперь у меня все получится, – думал Родион. – Степан Степанович говорит, что все предопределено. Пусть будет так. Может смысл моей жизни именно в этом фильме. Попробовать показать красоту и величественность замысла того, кто это все создал. Бог или кто другой – он же тоже художник. А значит и ему нужно, чтобы люди смогли оценить красоту мира, который он сотворил.

Первый раз за эти месяцы он почувствовал, что у него пробудился интерес, появились планы, а главное, желание просыпаться по утрам. «С судьбой Степан Степанович, конечно, переборщил, а вот про то, что без дела, ты петух без головы, он прав».

Вертолет уже подлетел к его фургону и приземлился, подняв кучу пыли. Родион встал с бревна и уже собрался идти разгружать, как в этот момент дверь пассажирского отсека

открылась, и он увидел Катю.

«Екарный бабай!» – пробормотал он и опять опустился на бревно.